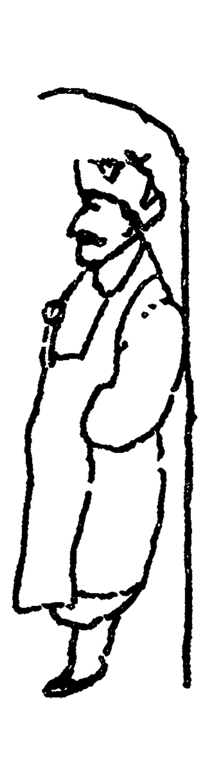
1

Д. Хармс

ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

Д. ХАРМС

Полное собрание сочинений

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1997

ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

Д. ХАРМС

Полное собрание сочинений

Том 1
Стихотворения

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1997

ISBN 5-7331-0032-X

Вступительная статья, подготовка текста
и примечания В. Н. Сажина.

Художник В. В. Бродский

5

Судьба литературного наследия Хармса

Самые ранние сведения о творческих занятиях Хармса известны из письма от 3 марта 1916 года его тетки, Наталии Ивановны Колюбакиной, к постоянно отсутствовавшему дома по делам службы его отцу: «Даня сидит рядом со мной и пишет какую-то сказку <...>» (см. прим. 1). Скорее всего, это было не единственное его «произведение собственной фантазии» (см. там же), но ни одного из таких текстов Хармса мы не знаем. Первые творческие автографы поэта — семь рисунков (тетрадь), сделанные в 1919 году в Детском Селе. Они уже содержат — в зашифрованном виде — многие из мотивов и символов последующего словесного творчества Хармса (обстоятельную интерпретацию их см.: Ершов. С. 20–33). Первый известный литературный текст Хармса относится к 1922 г. — им открывается настоящее собрание. Творческая сторона этого текста не так уж существенна — принципиально важно здесь наличие подписи — литературного псевдонима, свидетельствующего об оформившемся у Хармса сознании себя писателем. В этом году он поступил в Детскосельскую школу.

Следующий по времени стихотворный текст Хармса с датой 12 июня 1924 г. известен лишь в списке художника Б. Семенова, по которому и опубликован (РЛ. 1992. № 3. С. 156–157). Осенью этого года Хармс поступил в Ленинградский электротехникум, который, недоучившись, бросил в конце 1925. К весне 1925 г., по-видимому, у Хармса уже был некоторый творческий репертуар. Известна его дневниковая запись этого времени: «Это вполне логично пригласить меня почитать стихи. Боже, сделай так, чтобы там были люди, которые любят литературу, чтобы им было интересно слушать. И пусть Наташа будет повежливей к моим стихам. Господи, сделай то, о чем я тебя прошу. Сделай это, мой Боже» (Jaccard, Устинов. S. 159; подлинник по-немецки). В комментариях к публикации этого текста среди так называемых «дневниковых записей Даниила Хармса» он интерпретируется, в связи с наличием у Хармса к тому времени обширного списка произведений разных поэтов, которые он знал наизусть, — как некое актерское

чтение (Устинов, Кобринский. С. 522). Но все-таки сомнительно, чтобы выражение «к моим стихам» означало чьи-то чужие произведения, читаемые декламаторски, а взволнованная тональность этой записи более приличествует волнению начинающего поэта.

Таким образом, за отсутствием более ранних свидетельств о его творческих выступлениях, следует согласиться, что весна 1925 г. — дата появления нового писателя Даниила Хармса (Jaccard, Устинов. S. 159). Это подтверждается и другими обстоятельствами.

В марте 1925 г. А. Туфанов основал «Орден Заумников» (DSO), о котором писал: «В ядро группы входят трое: я, Хармс и Вигилянский — ученики, постоянно работающие в моей студии (Туфанов. С. 176). Это была действительно «школа» для Хармса: его стихи 1925–нач. 1926 гг. решительно отличны от того (хоть и немногого), что мы знаем о его более раннем творчестве. «Расширенное восприятие пространства и времени», пропагандировавшееся А. Туфановым, было творчески осмыслено Хармсом: в отличие от культивирования учителем «звукового жеста» (»что делают заумные стихи, а не что изображено в них»), Хармс пропагандировал «русско-национальную красоту» зауми (Jaccard, Устинов. S. 160, 162–163). Каковы были плоды творческого ученичества Хармса у Туфанова, можно судить по значительному объему его текстов: это две тетради стихотворений, представленные им в Союз поэтов 9 октября 1925 г. и, вероятно, чуть позже этой даты.

Но сначала отступим на шаг назад.

Весной или летом этого, 1925, года уже названный поэт Е. Вигилянский устроил у себя дома на Васильевском острове чтение стихов. Выступал и Хармс. Среди слушателей были давние приятели, соученики по гимназии Л. Лентовской (190-й советской трудовой школы им. Л. Лентовской) Леонид Липавский, Яков Друскин и Александр Введенский. В эту пору все трое были уже студентами университета: Друскин и Липавский учились на философском отделении факультета общественных наук, Введенский — на китайском отделении восточного факультета. В 1922 г. они основали тройственный союз, назвав его (себя) «чинари».

Наименование придумано А. Введенским. Друскин полагал, что оно произведено от слова «чин» в значении духовного ранга (Друскин. С. 103); А. Стоун-Нахимовски возводит значение этого слова к славянскому корню «творить» (Stoun-Nakhimovsky. S. 10); возможны и другие интерпретации, вплоть до ассоциации со словом «чинарик» — маленький окурок: свое маргинальное положение в литературе они могли уже предвидеть. Во всяком случае, неочевидность происхождения и значения наименования, по-видимому, можно счесть принципиальной и совершенно органичной, если учитывать фундаментальные свойства поэтики писателей этой группы.

После своего выступления у Вигилянского, Хармс был признан чинарями «своим» и принят в их сообщество в качестве «чинаря-взиральника» (так он стал подписывать тогда некоторые свои произведения).

(В конце 1925 г. к «чинарям» присоединились Н. Заболоцкий и Н. Олейников: «Олейников почти сразу вошел в наше сообщество. С Заболоцким наши отношения были иного рода. Уже осенью следующего года у нас возникли с ним серьезные теоретические расхождения. Поэтому связи с ним у "чинарей" были, во-первых, чисто дружескими, и, во-вторых, деловыми — имею в виду здесь совместные выступления обэриутов». — Друскин. С. 105–106. Обстоятельное рассмотрение истории чинарей и их творческих связей см. в готовящейся к изданию книге «..."сборище друзей, оставленных судьбою". Чинари в их творческом наследии, переписке, документах»).

Итак, заполнив анкету Союза поэтов, Хармс сдал «на экспертизу» свои стихи, которые благополучно в их подлинном виде сохранились (ИРЛИ) и представляют собой наиболее полный репертуар его самого раннего творчества.

В марте 1926 г. Хармс был принят в Союз поэтов.

Этот год ознаменовался для него первой публикацией: в коллективном Сборнике Ленинградского отделения Всероссийского Союза поэтов «Собрание стихотворений» напечатан «Случай на железной дороге» (другая — и последняя — прижизненная публикация Хармса вне «детского» контекста: «Стих Петра Яшкина» в следующем Сборнике Лениградского Союза поэтов «Костер» — Л.,1927). В январе задумывался выпуск сборника «Положа руку на сердце»

с участием Хармса, Введенского, С. Спасского, Г. Шмерельсона и др., но он не осуществился (Jaccard, Устинов. S.179).

3 апреля 1926 г. Хармс с Введенским обратились к Б. Пастернаку с просьбой о содействии в напечатании своих стихотворений, приложив к письму какие-то тексты — их судьба неизвестна.

Осенью 1926 г. Хармс впервые выступил на поприще театральной драматургии — вместе с Введенским он сочинял текст представления «Моя мама вся в часах» — синтез литературно-драматического, музыкального, циркового и изобразительного спектакля в театре «Радикс», основанном студентами театрального отделения Института истории исскуств Кацманом (псевд. Кох-Боот), Борисом (Дойвбером) Левиным, Сергеем Цимбалом и др. Для репетиций было предоставлено одно из помещений Института Художественной культуры — им заведовал тогда К. Малевич; здесь Хармс с ним и познакомился. Свидетельством их взаимной приязни останется дарственная надпись Малевича на своей книге «Бог не скинут» (Витебск, 1922): «Идите и останавливайте прогресс» (СП-IV. С. 225) и два стихотворения Хармса: «Искушение (27 февраля 1927 г.) с посвящением Малевичу и «На смерть Казимира Малевича» (ранее написанный текст, переадресованный Малевичу в связи с его смертью и прочитанный на панихиде по художнику 17 мая 1936 г.)

От всего этого неосуществленного проекта, для которого Хармс писал стихотворные и прозаические тексты, сохранилось лишь одно четверостишие, которое по памяти воспроизвел Г. Кацман:

Сквозь бухарские ворота
не пройти мне сквозь
стоит злодей за поворотом
он гвоздь

(Мейлах II. Р. 165–167).

В октябре 1926 г. Хармс выступает в Союзе поэтов — читает «Михаилы» и «образцы абстрактной зауми» (вероятно, тоже тексты из тетрадей, поданных в Союз поэтов) (Введ. II. С. 138) и в Пищевкусе (Устинов, Кобринский. С. 535).

9 ноября 1926 г. помечено в записной книжке: «Сделать сборничек 1926 года, в который войдут четыре творения:

"Комедия Города Петербурга";

"Ваньки встаньки";

"Конец героя";

"Казачья смерть"».

(Устинов, Кобринский. С. 443). Этот сборник Хармс подарил Н. И. Колюбакиной (не сохранился). Автограф последнего из перечисленных текстов не сохранился, но, как и еще ряд текстов этих лет (см. прим.), известен по списку Г. С. Гора.

С этих пор не раз будем встречаться со «Сборниками», которые Хармс составлял то в надежде издать в таком составе, то (чаще) из «чистой» склонности компоновать свои тексты (ср. с понятиями «чистого вымысла» или «совершенного подарка», излюбленными Хармсом).

12 ноября 1926 г. Хармс зафиксировал намерение выступить в Союзе поэтов, где собирался прочесть:

«Комедию Города Петербурга»,

«Китобой»,

«Казачью смерть»

и на бис «Историю одной войны» (ЧС). Названные Хармсом второе и четвертое произведения — с такими заглавиями — неизвестны.

В январе 1927 г. Хармс проектирует очередной сборник, графически изображает обложку:

Чинарь

Даниил Иванович

Хармс

Управление вещей

Стихи малодоступные

и составляет к нему предисловие — обращение к читателю (Устинов, Кобринский. С. 538).

Еще с одним планом, возможно, сборника произведений Хармса встречаемся среди листов автографа «Комедии Города Петербурга» под датой 21 февраля <1927 г.>:

Ваньки встаньки
Комедия Города Петербурга
Поездка в Тулу
Варвара дышет
История одной Войны

(РНБ). Последние три текста — под такими заглавиями — среди произведений Хармса неизвестны.

Общественный темперамент Хармса, направленный на организацию некоего общего творческого дела для единомышленников, привел к созданию, после некоторых перипетий, «Академии Левых классиков» (она организационно оформилась 25 марта 1927 г. — Введ. I. С. 23).

28 марта «Академия» выступила в литературном кружке Высших курсов искусствоведения при Государственном Институте Истории Искусств. Что именно из своих произведений читал Хармс — неизвестно; однако, вечер получил скандальную огласку, благодаря реакции Хармса на неприязненный прием публики и статье, излагавшей эту историю: «<...>взобравшись на стул, "чинарь" Хармс, член союза поэтов, «великолепным» жестом подняв вверх руку, вооруженную палкой, заявил:

—"Я в конюшнях и публичных домах не читаю!"» (Иоффе, Железнов).

В марте того же 1927 г. Хармс, продолжая свою консолидирующую левые силы деятельность, проектирует «первый сборник Радикса», куда включает произведения Введенского, Заболоцкого, Вагинова, Туфанова, покойного Хлебникова, Липавского (с сообщением о чинарях), статьи формалистов В. Шкловского, Б. Бухштаба, Л. Гинзбург и другие материалы, а также собственные «стихи и прозу». В это время К. Малевич пишет из Варшавы К. И. Рождественскому: «...Дорогой Рождественский, необходимо Вам найти чинарей и сказать им, чтобы они собрали свои стихотворения. Я хочу связать их с польскими поэтами...» (Введ. I. С. 22). Намеревался ли Малевич содействовать публикации произведений Хармса и Введенского или только хотел организовать взаимное знакомство — неизвестно.

Названной уже второй публикации Хармса 1927 г. «Стих Петра Яшкина» предшествовало несколько проектов сочетания оказавшегося в итоге единственным, включенным в «Костер» текстом Хармса, с другими его произведениями: «Казачья смерть», «Скупость», «Конец героя», отрывков из «Комедии города Петербурга» и уже появлявшегося в более ранних подобных списках неизвестного нам «Китобоя»(Jaccard, Устинов. S. 173).

К середине 1927 г. у Хармса было намерение устроить чтение «Комедии города Петербурга» (Введ. II. С.144), но о его осуществлении ничего не известно.

Зато вполне реализовался другой проект Хармса. В конце 1927 г. директор Дома Печати Н. П. Баскаков, предложив Академии Левых классиков стать секцией Дома и выступить с большим вечером, поставил условие: слово «левый» снять с наименования. Тогда возникло «Объединение Реального Искусства» — ОБЕРИО. Хармс, по утвердившейся версии, предложил «для благозвучия», заменить Е на Э и О на У. Дело вкуса (то есть слуха), но, кажется, сомнительно утверждение, что получившееся ОБЭРИУ звучит благозвучнее мягкого ОБЕРИО. По-видимому , причина трансформации все-таки в ином: это была истинно хармсовская выдумка, как нередко у него, вуалировавшая подлинный (плоский) смысл аббревиатуры, переводившая слово в статус чинарской «бессмыслицы». Для вечера обэриутов Хармс в 12 дней написал в декабре пьесу «Елизавета Бам» (сохранилась в сценической и литературной редакции; в следующем году вместе с еще какими-то своими текстами Хармс послал пьесу в журнал «Новый Леф», но ничего из посланного напечатано не было. — Мейлах II. Р. 163–205).

24 января 1928 г. состоялся ставший знаменитым вечер обэриутов «Три левых часа» (все-таки слово «левый» они «протащили»). Это был едва ли не бенефис Хармса: в первом отделении (часе) он, среди прочих, читал стихи; во втором представлялась «Елизавета Бам». В газетном отчете пьеса Хармса была названа «откровенным до цинизма сумбуром, в котором никто ни черта не понял» (Лесная), но это ничуть не повлияло на творческую судьбу Хармса.

В конце 1927 г. Н. Олейников и Б. Житков организуют Ассоциацию писателей детской литературы и приглашают в нее Хармса вместе с Введенским и Заболоцким (Введ. II. С.145). В декабре Хармс получает приглашение из Госиздата на подготовку к изданию детской книжки «Театр» (вышла в 1928 г.). С началом выхода в 1928 г. журнала «Еж» начинается систематическое и закончившееся лишь с арестом в 1941 г. сотрудничество Хармса с детскими журналами (»Еж», «Чиж», «Сверчок», «Октябрята») и ГИЗом и Детиздатом, где у него вышло за тот же период около

20 книг. В свое время (см. т. 3 наст. собр.) мы прокомментируем творчество Хармса для детей в общем контексте его литературных сочинений, здесь лишь отметим, что нет никаких оснований считать эту сторону его работы ущербной уступкой сложным творческим обстоятельствам; через год-полтора, летом 1929 г. Хармс назовет своими учителями Введенского, Хлебникова и Маршака, привлекшего его к систематическому творчеству для детей (Устинов, Кобринский. С. 449), следовательно, сочтет продуктивным свое детское творчество.

Между тем, Хармс не оставлял и попыток напечатать в достаточно репрезентативном объеме то, что было создано им к этому времени в «недетском» роде. В августе 1928 г. в Париж отправлялся художник, зав. экспертным отделом ГИНХУКа П.А. Мансуров. Хармс отправил с ним 7 произведений («Предметы и фигуры», «Казачья смерть», «Фокусы», «Серенада», «Падение с моста», «Скупость», «Елизавета Бам»). Публикация их за границей не выявлена (Устинов, Кобринский. С. 529–530).

В 1928 г. Хармс продолжил опыты в драматическом роде — в ноябре совместно с И. Бахтеревым он написал текст пьесы «Зимняя прогулка», которая, по устному сообщению И. Бахтерева, была поставлена зимой 1929 г. (Введ. II. С. 128), но другие сведения об этой постановке, как и текст пьесы — отсутствуют (Мейлах II. P. 190).

К 1929 г. относится неосуществленный замысел коллективного сборника «Ванна Архимеда», который первоначально проектировался как собрание стихотворений, прозы и статей Добычина, Хлебникова, Б. Бухштаба, Б. Эйхенбаума и др., а также 3,5 листа прозы и стихов Хармса и его же «Елизаветы Бам». В дальнейшем он трансформировался в стихотворный сборник, но и в таком виде не вышел (Эрль; Блюмбаум, Морев. S. 263–269). Среди текстов этого проекта встречаем остающееся неизвестным под таким заглавием «Троекратное описание светила» (Устинов, Кобринский. С. 526–527). По-видимому, к весне 1929 г. относится список (копии) хармсовских стихотворных произведений, принадлежащий Г. С. Гору, в котором, помимо сохранившихся в автографах, находятся тексты, автографами которых мы не располагаем и для которых этот список является единственным источником (см. прим. 17, 26, 45, 47).

13

В марте 1929 г. на общем собрании Ленинградского отд. Всероссийского Союза поэтов Хармса (и Введенского) за неуплату членских взносов исключают из членов Союза, а 30 сентября Правление утверждает это решение (Jaccard, Устинов. S. 171–172). Учитывая, разумеется, негативную окраску этого события в жизни Хармса, отметим все же избыточную его драматизацию в неизбежно публицистических оценках последнего десятилетия — невозможно указать на какие-либо перемены творческой или личной судьбы Хармса, которые бы последовали за этим исключением: он, по-прежнему, систематически печатался в «Еже» и выпускал детские книжки (а «взрослых» у него и до этого не было; ср. Устинов, Кобринский. С. 419–420). Ничего кардинально не изменилось и после красноречивых откликов рецензентов о детских вещах Хармса: «нелепые, чудовищные вещи, вроде "Во-первых" Д. Хармса <...>» (под заглавием «Против халтуры в детской литературе». — см. Кальма); в специальной статье о «Еже» среди авторов, потрафляющих мещанским вкусам, назван Хармс (Шатилов. С. 70).

Атаки прессы усилились в апреле 1930 г. после выступления обэриутов в общежитии студентов Ленинградского университета (впрочем, нет точных сведений об участии в этом выступлении Хармса): «Обериуты далеки от строительства. Они ненавидят борьбу, которую ведет пролетариат. Их уход от жизни, их бессмысленная поэзия, их заумное жонглерство — это протест против диктатуры пролетариата. Поэзия их поэтому контрреволюционна. Это поэзия чуждых нам людей, поэзия классового врага <...>» (Нильвич). Этой статье вторил Н. Слепнев в вышедшем в мае № 1 журнала «Ленинград», где отметил «вылазку такой реакционной группы поэтов, какой является группа т. н. "Обереуты" <...>» (Слепнев. С. 2).

Тем временем, Хармс продолжал печатать свои детские произведения и искать пути публикации остальных; к 1930 г. относится проект московского альманаха «Атом» с произведениями Хармса (а также Крученых и Введенского) в разделе «образцы мировой поэзии обэриутов» (Эрль).

10 декабря 1931 г. на квартире своего приятеля П. Калашникова Хармс был арестован (одновременно арестованы оказались Туфанов, Введенский и др.). 11 декабря

последовал первый допрос. Хармсу инкриминировалась организация и участие в антисоветской нелегальной группировке литераторов (Разгром ОБЭРИУ). Несмотря на два проведенных у Хармса по этому делу обыска, они, вероятно, не нанесли серьезного урона его архиву (то же самое можно сказать и о последнем аресте, в 1941 г.). По-видимому, по результатам обысков у Хармса (и у его подельников) в ОГПУ составили «Сборник контрреволюционных произведений нелегальной антисоветской группы детских писателей. Выпуск I-й.» Очевидно, что тексты Хармса, оказавшиеся включенными в него неведомым составителем, воспроизведены в значительной степени текстологически неадекватно, однако, принадлежность их Хармсу весьма вероятна: среди четырех стихотворных произведений имеется известный по его автографу текст «Землю, говорят изобрели конюхи»; в поэтике других трех («Отрывок», «Я поднимал глаза все выше и выше» и «Забавное деление мира по полам») наличествуют признаки хармсовской индивидуальности (Сборник. С. 26–28).

Хармс подвергся трем допросам в течение декабря 1931 г. и двум в январе 1932, а 21 марта 1932 г. выездная сессия коллегии ОГПУ назначила ему 3 года лагерей (Разгром ОБЭРИУ. С. 171). 18 июня 1932 г., после замены заключения в лагерь на ссылку, Хармс был выпущен на свободу, и в июле поселился в Курске. Этим летом Л. Пантелеев, друживший с Хармсом, составлял для издательства «Молодая гвардия» сборник рассказов детских писателей; оказавшись в ссылке, Хармс сообщал Пантелееву: «Для Молодой гвардии я еще ничего не написал, но теперь, может быть, напишу» (Устинов, Кобринский. С. 132)

В ноябре 1932 г., по прошествии 5 месяцев, Хармс вернулся из ссылки в Ленинград. Почти сразу он восстановился в Союзе писателей (еще одни штрих, предостерегающий от поверхностно-публицистических интерпретаций судьбы писателя). Продолжилось сотрудничество с «Чижом», выступления перед публикой (например, в Доме ученых и клубе строителей, соответственно, 24 и 25 апреля 1933 г. — Устинов, Кобринский. С. 474). Зто период интенсивного общения чинарей — Хармса, Я. Друскина, Введенского, Липавского и Олейникова, — характеризующегося внутренним драматизмом, который, как они сами считали,

является питательной средой подлинно интеллектуального общения. Атмосферу этого общения передают «Разговоры» Липавского — текст, который он составлял в 1934–1935 гг. и который служит важным источником сведений, в том числе, и о круге интересов Хармса («Разговоры» Липавского сохранила Т. А. Липавская (Мейер), бывшая в нач. 1920-х гг. женой Введенского, а с 1932 — Липавского).

Примечательно, что ни в «Разговорах», ни в собственных текстах Хармса (в том числе дневниковых, записных книжках или переписке) он ни разу не посетовал на невозможность напечатать что-либо из своих многочисленных произведений, которые оставались у него неопубликованными (об этом речь заходит, лишь когда не удается напечатать написанное для детского журнала — от этого зависело получение денег). На публикацию «взрослых» вещей Хармс не рассчитывал и никакой рефлексии по этому поводу не высказывал (см. Сажин II.). Между тем, в 1930-е гг. Хармс также составил несколько сборников (соединив тексты разного времени — наиболее известный из таких: «Случаи», — или только составив их оглавление; см. т.2 наст. собр.), с которыми отнюдь не связывал планов публикации (ср. — Глоцер II. С. 206–212). Тривиально-публицистическая логика (писатель должен печататься, непечатающийся писатель рефлексирует по этому поводу) неприменима к Хармсу — он говорит об ином: «Я хочу писать. Я хочу очень много и хорошо писать. Я хочу писать очень много очень хороших стихов» (Устинов, Кобринский. С. 471). Это говорит Хармс в 1933 г., имея уже очень значительное неопубликованное творческое наследие во всех жанрах, сложившееся за 8 лет интенсивной работы; и всюду, где мы встретим в его записях списки интересующего его или им любимого, на первом месте будет: «Стихи», «Люблю писать», «Писать стихи» (Устинов, Кобринский. С. 471, 473).

Свой самый знаменитый ныне сборник «Случаи» Хармс посвятил искусствоведу В. Н. Петрову, с которым сдружился в 1938 г. В архиве Петрова, помимо автокопий нескольких хармсовских текстов (известных по другим его автографам), сохранился единственный автограф его стихотворного текста «Что за люди там и тут» (ныне — ИРЛИ).

Незадолго до насильственного прекращения литературной деятельности Хармс получил редкий подарок в виде профессиональной и доброжелательной статьи В. Тренина «О “смешной” поэзии», где шел разговор преимущественно о его неопубликованных произведениях: «<...> уже в ранних (не детских) стихах Хармса была свежесть мировосприятия, была склонность к веселой игре со словами и с вещами, обозначаемыми при помощи этих слов» (Тренин. С. 25). Далее следовал разбор «Елизаветы Бам» (неопубликованной!) и, наконец: «К сожалению, Хармс печатается довольно редко. по-видимому, это происходит не по его вине, а потому, что до сих пор есть редакторы, считающие, что юмор в больших дозах противопоказан для детей» (Тренин. С. 24).

23 августа 1941 г. Хармс был арестован. Как говорилось выше, обыск в квартире хоть и проводился, видимо, не был обязывающим к аресту архива — все литературное наследие осталось не месте в квартире на ул. Маяковского. Жена Хармса, М. Малич, переехала в литераторский дом на кан. Грибоедова, 9. 2 февраля 1942 г. Хармс умер в тюремной больнице (спец. больница № 1). О дальнейшей судьбе архива писателя рассказала Л. Друскина: «В сентябре 1941 года дом Хармса на улице Маяковского подвергся бомбежке, но, к счастью, не был разрушен. Жена Хармса Марина Владимировна Малич сообщила об этом Друскину, и он, несмотря на дистрофию, пешком отправился с Гатчинской (улицы Петроградской стороны) на квартиру своего друга. Яков Семенович вместе с Малич собрал все бумаги, которые им удалось найти, сложил в небольшой чемоданчик, и отнес домой. Трудно понять, откуда могли у больного человека найтись силы, чтобы проделать дальний путь, да к тому же с грузом.

В дальнейшем чемоданчик с архивом Хармса и личным архивом Друскина (в котором находились также произведения Введенского и Олейникова) совершил поездку в эвакуацию, а в 1944 году обрел свое постоянное место на шкафу под грудой старых книг в коридоре коммунальной ленинградской квартиры. В 1944 году чемоданчик пополнился рукописями Хармса, найденными его сестрой, Елизаветой Ивановной Грициной, в коридоре их бывшей квартиры (Друскина. С. 102).

В итоге у Я. Друскина сосредоточился значительный по объему архив писателя, включавший (как оказалось при последующей архивной разборке) более 800 автографов писателя — стихотворения, проза, драматические произведения, сценки, трактаты, переписка, дневниковые записи, записные книжки, рисунки.

В конце 1950-х гг. Я. Друскин приступил к разбору рукописей Хармса. К этому времени уже появились упоминания имени писателя в статьях и воспоминаниях о ленинградской детской литературе. В 1962 г. вышла после 22-летнего перерыва детская книжка Хармса. С 1965 г. стало возможным начать публикации «взрослого» литературного наследия Хармса: большинство российских публикаций Хармса 1965–1986 гг. и первый в России сборник его произведений подготовлены к печати в результате разборки находившихся у Я.Друскина рукописей Хармса. С 1978 г. Я. Друскин начал передачу архива Хармса в тогдашнюю Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская национальная библиотека), отделив автографы детских произведений и передав их на хранение в Институт русской литературы (Пушкинский дом). После соответствующей разборки архива в Публичной библиотеке, к которой мне посчастливилось оказаться причастным, с 1986 г. архив Хармса стал общедоступен и с тех пор энергичными (не без ревнивой соревновательности) усилиями многочисленных публикаторов все литературное наследие Хармса стало достоянием читателей.

Ко времени передачи архива Хармса на государственное хранение, М. Мейлахом и В. Эрлем была создана основа для издания за пределами России (в тогдашней России невозможного) собрания сочинений Хармса в 9 книгах; в 1978–1980 и 1988 гг. вышли из печати 4 книги из этого Собрания произведений Хармса, включившие все стихотворные произведения и два драматических — «Комедию города Петербурга» и «Гвидон».

Чуть позже, чем в России, с 1969 г. отдельные публикации неизданных текстов Хармса начались за рубежом, а в 1974 г. уже вышел том «Избранного» (Gibian), включавший и «взрослые» тексты писателя разных жанров. Помимо названных выше 4 томов собрания произведений Хармса, основной объем его прозаических и драматичес-

ких текстов, трактатов, переписки появился впервые за пределами России, поскольку до второй половины 1980-х гг. тексты Хармса представлялись советским редакторам и издателям невозможными для публикации в мало-мальски адекватном реальному объеме. Приходится отметить, что в российских публикациях Хармса, со второй половины 1980-х гг. энергично хлынувших к читателю, не всегда добросовестно отмечалась их вторичность по отношению к зарубежным публикациям.

В настоящее время основной корпус творческих текстов Хармса можно считать опубликованным. Неизданными в своем подлинном виде остаются более 50 записных книжек Хармса. Вместе с тем, вероятно, некоторое количество до сих пор неизвестных текстов Хармса остается в частных собраниях, хотя можно полагать, что объем таких текстов невелик. Учитывая эти обстоятельства и опираясь, прежде всего, на архивы Хармса в РНБ и ИРЛИ задумано и осуществляется настоящее Полное собрание сочинений Хармса.

Состав его следующий:

т. 1 — Стихотворные произведения;

т. 2 — Проза и сценки, драматические произведения в стихах, сборники;

т. 3 — Произведения для детей;

т. 4 — Трактаты, статьи, переписка, дневники, записные книжки.

Принципы составления, публикации текстов и другие необходимые сведения см. в преамбуле к примечаниям.

В заключение считаем долгом отметить, что, как все предшествующие публикации, так и настоящее собрание сочинений Хармса оказывается возможным исключительно благодаря сохранившему практически все литературное наследие писателя Я. С. Друскину, памяти которого это собрание посвящается.

Валерий Сажин

19

Д. ХАРМС

ТОМ 1

СТИХОТВОРЕНИЯ

1

В июле как то в лето наше
Идя бредя в жару дневную
Шли два б<р>ата Коля с Яшей
И встретили свинью большую.

«Смотри свинья какая в поле
Идет» заметил Коля Яше
«Она пожалуй будет Коля
На вид толстей чем наш папаша».

Но Коля молвил: «Полно, Яша,
К чему сболтнул ты эту фразу.
Таких свиней как наш папаша
Я еще не видывал ни разу».

1922
ДСН

2

О ТОМ КАК ИВАН ИВАНОВИЧ ПОПРОСИЛ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Посвящается Тылли и восклицательному

иван иваныч расскажи
ки́ку с ко́кой расскажи
на заборе расскажи

ты расскажешь паровоз
почему же паровоз?
мы не хочим паровоз.

лучше шпилька, беренда́
с хи ка ку гой беренда
заверте́ла беренда

как то жил один столяр
только жилистый столяр
мазал клейстером столяр

делал стулья и столы
делал молотом столы
из оре́шника столы

было звать его иван
и отца его иван
так и звать его иван

у него была жена
не мамаша, а жена
НЕ МАМАША А ЖЕНА

как её зовут теперь
я не помню теперь
позабыл те́ - перь

иван иваныч говорит
очень у́мно говорит
п о ц е л у й* говорит.

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

я с тобою не хочу
делать это не хочу
потому что не хочу.

иван иваныч взял платок
развернул себе платок
и опять сложил платок

ты не хочешь, говорит
ну так что же, говорит
я уеду, говорит

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

---

* «В оригинале стоит непреличное слово» (Прим. автора).

23

я совсем не для тебя
не желаю знать тебя
и плевать хочу в тебя.

иван иваныч поглупел
между протчим поглупел
у усикйрку поглупел

а жена ему сюда
развернулась да сюда
да потом ещё сюда

в ухо двинула потом
зубы выбила потом
и ударила потом!

иван ивáнович запнулся
так немножечко запнулся
за п... п... п... п... п... пнулся

ты не хочешь, говорит
ну так чтоже, говорит
я уеду, говорит

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

и уехал он уехал
на извощике уехал
и на поезде уехал

а жена осталась тут
и я тоже был тут
оба были мы тут.

Даниил
Заточник (Хармс)
1925 ноябрь.

3
ОТ БАБУШКИ ДО ESTHER

бабáля мальчик
трéстень гýбка
рукой саратовской в мыло уйду
сырым седéньем
щéниша вáльги
кудрявый носик
платком обут -
капот в балах
скольжу трамваем
Владимирскую поперёк
посельницам
сырýнду сваи
грубить татарину
в окно.
мы улицу
валýнно лáчим
и валенками набекрень
и жёлтая рука иначе
купается меж деревень.
шлён и студень
фарсится шляпой
лишь горсточка
лишь только три
лишь настеж балериной снята
и тýкается у ветрин.
холодное бродяга брюхо
вздымается на костыли
резиновая старуха
а может быть павлин
а может быть
вот в этом доме
бáбаля очередóм
кандыжится семью попами
соломенное ведро.
купальница
поёт карманы
из улицы
в прыщи дворов
надушенная

25

се́лью рябчика
распахивается
под перо -
и кажется
она Владимирская
садится у печеря́
серёжками -
- как будто за́ город
а сумочкою -
- на меня
шуро́ванная
так и катится
за ба́баля калеты́
репейником
простое платьеце
и ленточкою головы -
ПУСТЬ
- балабошит ба́бушка
БЕЛьгию и блены
пусть озирает до́хлая
ро́станную полынь
сердится кошечкой
около кота
вырвится вырвится
вырвится в лад
шубкою о́конью
ля́женьем в бунь
ма́ханьким пе́рсиком
вихрь таба́нь
а́льдера шишечка
ми́ндера буль
у́лька и фа́нька
и ситец и я.

ВСЁ

<1925>

4
НАБРОСКИ К ПОЭМЕ «МИХАИЛЫ»

I Михаил.

крючником в окошко
скáндит скáндит
рубль тоже
мáху кинь
улитала кенорем
за папаху серую
улитала пальцами
кá - зá - кй
лезет ýтером
всякая утка
шамать прйсну
блá - гослови
о - ко - я́нные
через пояс
пóяс ýткан
пóяс ýбран
до зарёзу
до Софйи.
дýет кáпень
Симферóполя
шйре бóрова руссй
из за мóря
вáром нá поле
вáжно фылят
пá - рý - сá.
и теклó
теклó
текляно
по немазаным усам
разве мало
или водка
то посея - то пошла
á сé гó дня́ нá дó вóт кáк
дó пóс лéд ня́ гó кóв шá

II Михаил.

Ста́нем би́ться
по гуля́не
пред ико́ною ами́нь
руковицей на коле́ни
заболе́ли мужики.
вытерали бородою
блюдца
было боязно порою
оглянуться
над ерёмой становился
камень
я́фер
он кабылку сюртука́ми
забоя́ферт -
- и куда твою деревню
покатило по гурта́м
за ело́вые дере́вья
задевая тут и там.
Я держу тебя и холю
не зарежешь так прикинь
чтобы правила косою
возле моста и реки
а когда мостами речка
заколо́дила тупы́ш
иесусовый предте́ча
окунается тудыж.
ты мужик - тебе пахаба
только плюнуть на него
и с ухаба на ухабы
от иконы в хоровод
под плясу́лю ты оборван
ты ерёма и святый
заломи в четыре горла
- дребеждящую бутыль -
- разве мало!
разве водка!
то посея — то пошла!
а сегодня надо во́т как!
до последняго ковша.

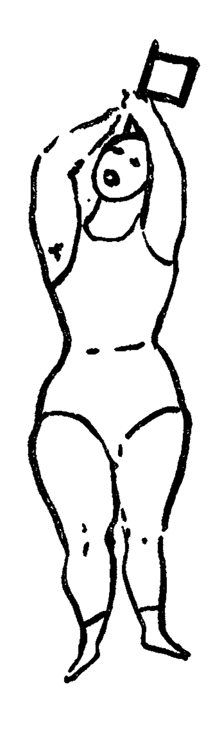
III Михаил.

па́жен хо́лка
мамина була́вка
че́ - рез го́ - ловы
после завтра
если на веран - ду
о́зера ману́ли
ви́дел ра́но
ста́ - ни́ - сла́в
ву́лды а́лые
о́ - па́ - саясь
за́ дра́ жа́ли
на́ ки́ та́й
се́рый выган
пе́ ту́ ха́ ми́
станисла́ву
ща́р ку́ ну́
бин то ва́ла
ты́ моя карбо́лка
ты мой па́рус
***ко ра лёк
залету́ля
за ру ба́шку
ма ка ро́ны
бо́ си́ ко́м
зуб аку́лий
не пока́жет
и сте - кло́
ляда па́хнет пержимо́лью
альмана́хами ного́
чтобы пе́ли в комсамо́ле
парашу́ты и ноган
чтобы лы́ко станисла́ву
возноси́ло балабу́
за московскую заставу —
пар ра шу́ ты
и но га́н
из пеще́ры
в го́ру
камень
буд - то

в ти́тю
мо ло ко
тя́нет го́лы - ми рука́ми
по́сле за́вта
на́ - ба́л - ко́н
у́ ко́ - го́
те́ пе́рь не вста́нет
возле пу́па
го́ - ло́ - ва́
ра́зве ма́ - ло
или во́д - ка
то посе́я
то пошла́
а́ се́ го́д ня́ на́ до́ во́т ка́к
до́ по́с лед ня́ го́ ко́в ша́.

ВСЁ

<1925>

5
ГО́ВОР

Откормленные лы́лы
вздохнули и сказали
и только из под банки
и только и тютю́
кати́тесь под фуфе́лу
фафа́лу не перма́жте
и даже отваля́ла
из мя́киша кака́ -
- косы́нка моя у́лька
пода́рок или си́тец
зелёная сало́нка
ча́ничка купры́ш
сегодня из под а́нды
фуфы́лятся рука́ми
откормленные лы́лы
и только
и тютю́.

ВСЁ

<1925>

6
ЗЕМЛЮ, ГОВОРЯТ, ИЗОБРЕЛИ КОНЮХИ.

Посвящаю тем, кто живет
на Конюшенной.

вступ вертону́ финики́ю
зерном шелдону́
бисире́ла у зака́та
криволи́ким типуно́м

полумёна зырыня́
калиту́шу шельдону́.

начало приоткрыла портсигары
от шумовок заслоня
и валяша как репейник
с'ел малиновый пирог
чуть услыша между кресел
пероченье ранда́ша
разгогулину повесил
варинцами на ушах
Ира маленькая кукла
хочет ка́кать за моря
под рубашку возле пупа
и у снега фанаря
а голубушка и пряник
тянет крышу на шушу
живота островитяне
финикийские пишу
Зелено́ твоё рыло
и труба́
и корыто зипунами
барабан
полетели панталоны
бахромой
чудотворная икона
и духи
голубятина не — надо
überall

подарила выключатель
и узду
а кухáми нижет áлы - е
торапи́ покое был
....................даже пальму строить надо
для руины кабалы
на цыганах уводи́ла
али жмыхи половя́
за канюшни и уди́ла
фароонами зовя
финикия на готове
переходы полажу

магомета из конюшни
чепраками вывожу
валоамова ослица
пародила окунят
везелóнами больница
шерамýра окиня́
и ковшами гычут лáдо
землю пахаря былин
....................даже пальму строить нáдо
для руины кабалы
Сы́на Авроáмова
óндрия гунты́
пóтом зашелóмила
бухнула гурты
мáмонта забýля
лёда карабин
óтарью капи́лища
óтрок на русси
бусами малáнится
пéнистая мовь
шлёпая в предбаннице
лысто о порог
ны́не португалия
тóже сапоги
рыжими калёсами
тоже сапоги
уранила вырицу
тоже сапоги
калабала девочку

тоже говорит
а лен - ты
дан - ты
бур забор
лови́
хоро - ший
пе́ - рехо́д
твоя́ колода
пе - региб
а па́ - рахода
са́ - поги
надо ки́кать лукомо́рье
для конюшенной езды
из за острова Амо́нья
винограда и узды
и рукой её вертели
и руина кабала
и заказаны мете́ли
золотые купола
и чего-то разбеля́нет
кацавейкою вдали
а на небе кораблями
пробегали корабли
надо ки́кать чернозёмом
и наки́кавшись втрубу
кумачёвую алёну
и руйну кабалу
не смотри на печене́гу
не увидешь кочерги...
.... а в залётах други́ми спа́ржами
телегра́ммою на версты́
алекса́н — дру так и кажется
кто-то ки́кает за кусты́
.... целый день до заката вечера
от парчи до палёвок князевых
встанут че́ляди изувечено
тьмами синеми полуазии
.... александра лозя́т ара́бы
целый остров ему бове́кой
александр лози́т карабль
минота́вра и челове́ка

............и апостола зыда маслом
через шею опракинул
в море остров в море Патмос
в море шапка финикии.

ВСЁ

<1925>

7
КИКА И КОКА

I

Под логоть
Под коку
фуфу
и не крякай
не могуть
фанфары
ла - апошить
дебасить
дрынь в ухо виляет
шапле ментершула
кагык буд-то лошадь
кагык уходырь
и свящ жвикавиет
и воет собака
и гонятся листья
сюды и туды

А с неба о хрящи
все чаще и чаще
взвильнёт ви ва вувой
и мрётся в углынь

С пинежек зирели
потянутся кокой
под логоть не фукай!
под коку не плюй!
а если чихнётся
губастым саплюном

то Ки́ка и Ко́ка
такой же язык.

II

Черуки́к дощёным ша́гом
осклабя́сь в улыбку ки́ку
распушить по ветровулу!
разбежаться на траву
обсусаленная фи́га
буд-то ки́ка
на паро́м
буд-то папа пилигримом
на камету ускакал
а́у деа́у дербады́ра
а́у деа́у деррaба́ра
а́у деа́у хахети́ти
Мо́нна Ва́нна
хочет пить.

III

шлёп шляп
шлёп шляп
шлёп шляп
шлёп шляп.

ВСЁ

<1925>

8

Тише целуются
комната пуста —
ломками изгибами -
полные уста: —
ноги были белые:
по́ снегу устал.

35

Разве сандалии
ходят по песку?
Разве православные
церкви расплесну?
Или только кошечки
Писают под стул?

Тянутся маёвками
красные гроба
ситцевые девушки —
по́ небу губа;
кружится и пляшется
будто бы на бал.

Груди как головы
тело — молоко
глазом мерцальная
солнцем высоко...
Бог святая троица
в небо уколол.

Стуки и шорохи
кровью запиши;
там где просторнее
ку́киши куши́:
Вот по этой лесеньке
девушкой спешил.

Ты ли целуешься?
— комната пуста —
Так ли слома́лися
— полные уста?
: Ноги были белые :
по́ снегу устал.

ВСЁ

<1925>

9
СЕК

gew. (Esther)

И говорит Мишенька
рот открыв даже
— шйшиля кйшиля
Я в штаны ряжен.—

Н ты эт его
финьть фаньть фуньть
б м пйльнео
фуньть фаньть финьть

Йа Йа Ыа
Н Н Н
Я полы мыла
Н Н Н
дриб жриб бóбу
джинь джень баба
хлесь хлясь — здóрово —
рáздáй мама!
Вот тебе шйшелю!
финьть фаньть фуньть
нáкося кйшелю!
фуньть фаньть финьть.

ВСЁ

<1925>

10
ПОЛЬКА ЗАТЫЛКИ
(срыв)

писано 1 января 1926 года

метит балагур татарин
в поддёвку короля лукошке
а палец безымянный

на стекле оттаял
и торчит гербом в окошко
          ты торчи себе торчи
          выше царской колончи

....

распахнулся óрлик бýбой
сели мы на бочку
рейн вина
океан пошёл на убыль
в небе ки́чку не видать

....

в пристань бухту
серую подушку
тристо молодок
и сорок семь
пóют китайца жёлтую душу
в зеркало смотрят
и плачат все.

....

вышел витязь
кашей гурьевой
гýжил зи́мку
рыл долота
накути Ерёма
вздуй его
вздулась шишка
в лоб золотая

....

блин колокольный в ноги. бухал
переколотил в четвёртый раз
суку ловил мышиным ухом
щурил в пень
солодовый глаз.

....

придý придý
в Маргори́тку
хлóпая затóрами
каянский пру
пáлáшáми́
кáлику едрит твою

около бамбука
пальцем тпр
....
скоро шаровары позавут татарина
книксен кукла
полька тур
мне ли петухами
кика пу подарена
чи́рики боя́рики
и пальцем тпр
....
зырь мани́шка
пу́говицей пли́совой
грудку корявую
ах! обнимай
    а в шкапу то
    ни чорта лы́сого
    хоть бы по́лки
    и тех нема.
....
шея заболела на корону у́была
в жаркую печку затылок утёк
не осуди шерстяная публика
громкую кичку*
Хармса — дитё.

ВСЁ

Даниил Хармс
1926 1 янв.

11
ВЬЮШКА СМЕРТЬ

Сергею Есенину.

ах вы се́ни мои се́ни
я ли гу́сями вяжу́
при́ходил ко мне Есе́нин
и четы́ре мужика́

* «именно ки́чка а не кличка» (Прим. автора).

39

и с чегó-бы это рáдоваться
лóжкой стучáть
пошивеливая пальцами
грýсть да печáль

как ходúли мы ходúли
от порóга в Кишинёв
проплевáли три недéли
потерÿли кошелёк

ты Серёжа рукомóйник
сарынь и дудá
разóхотился по мóйму
совсéм не тудá

для тебÿ ли из корежёны
орýжье штык
не такóй ты Серёжа
не такóй уж тЫ

пóй — мáй
щёки дýли
скарлотúну перламýтр
из за вóрота подýли
Váter Únser — Líeber Gótt

я плясáла соколáми
возле дéрева кругóм
ноги тóпали плясáли
возле дéрева кругóм

размогáй меня затЫка
на калóше и ведрé
походú-ка на затЫлке
мимо зáпертых дверéй

гýли пéли хáлвадý
чирúкали дó ночú
нá засеке дóлго дýмал
ктó поёт и брóви чúнит

не по́полу пе́рвая
залуди́ла пе́рьями
сперва́ чем то ду́дочны́м
вро́де как уха́бица́

полива́ла сы́пала
не ве́рила ле́бе́дя́ми́
зашу́хала кры́льями
зуба́ми зато́пала

с тако́го по ма́тери
с э́такого ку́барем
в обнимку целу́ется́
в о́чи ва́лит бли́ньями

а лета́ми плю́й его́
до бе́лой доски́ и ся́дь
добреду́ до Клю́ева́
обратно заки́нуся́

просты́нкой за ро́дину
за ма́тушку ле́вую
у де́рева то́нenька́
за Ду́нькину пу́говку́

пожури́ла де́вица́
неве́ста сику́рая́
а Серёжа де́ревце́м
на груди́ не кла́няется

на груди́ не кла́няется
не бу́кой не вечеро́м
посыпа́ет о́коло́
сперва́ чем то ду́дочны́м

14 января 1926
Даниил Хармс

Школа чинарей́ Взирь за́уми

12
ВАНЬКИ ВСТАНЬКИ [I]

волчица шла дорогаю
дорогаю манашенькой
и камушек не трогала
серебрянной косой
на шею деревянную
садились человечики
манистами накрашеннами
где-то высокó.
никто бы и не кланялся
продуманно и холодно
никто бы не закидывал
на речку поплавок
я первый у колóдица
нашел ее подохлую
и вечером до кýзова
её не повалок
стонала только бабушка
да грядка перестóнывала
заново ерóшила
капустных легушат
отцы мои запенелись
и дети непристойные
пускали на широкую
дорогу камыши
засни засни калачиком
за синей гололедицей
пруда хороший перепел
чугунный домовой
щека твоя плакучая
румянится цыганами
раскидывает порохом
(ленивую) войну
идут рубахи ры́жики
покрикивают улицу
веревку колокольную
ладошки синяки
а кукла перед ужином
сырому тесту молится

и долго перекалывает
зубы на косяк
    я жду тебя не падаю
    смотрю — не высыпаются
    из маминой коробочки
    на ломаный сарай
    обреж меня топориком
    клади меня в посудину
    но больше не получится
    дырявая роса —

ВСЁ

Даниил Хармс 4 февр. 1926 г.

13
ВАНЬКИ ВСТАНЬКИ [II]

ты послушай ка карась
имя палкой переброcь
а потом руби направо
и не спрашивай зараз
то Володю то Серёжу
то верёвку павар
то ли куру молодую
то ли повора вора

Разбери который лучше
может цапаться за тучи
перемыгой серебром
девятнадцатым ребром
разворачивать корыто
у собачий конуры
где пупырыши нерыты
и колеблется Нарым

Там лежали Михаилы
вонючими шкурами
до полуночи хилые
а под утро Шурами

И в прошлую середу
откидывая занавеси
прохожему серому
едва показалися

сначало до плечика
румяного шарика
а после до клетчатых
штанишек ошпаривали

мне сказали на́ ушко
что чудо явилося
и царица Матушка
сама удивилася:

ах как же это милые?
как же это можно?
я шла себе мимо
носила дрожжи

вошёл барабанщик
аршином в рост
его раненная щека
отвисала просто

он не слышет музыки
и нянин плач
на нём штаны узкие
и каленкоровый плащ
простите пожалуйсто
я покривил душой
сердце сжалося
я чужой

— входит барабанщик небольшого роста —

ах как же это можно?
я знал заранее
— взял две ложки —
— ВЫ ИЗРАНЕНЫ.—
— ЗАНОВЕСЬ
собака ногу поднимает

ради си ради си
солдат Евангелие понимает
только в Сирии только в Сирии

но даже в Сирию солдат не хочет
плюет пропоица куда то
и в Сирию бросает кочень
где так умны Солдаты

ему бы пеночки не слизывать
ему бы всё: «руби да бей»
да чтобы сёстры ходили с клизмами
да чтобы было сто рублей

солдат а солдат
сколько тебе лет?
где твоя полатка?
и твой пистолет. —

кну́чу в при́хвостень кобыле
хоть бы куча
хоть бы мох
располуженной посуды
не полю не лужу
и в приподнятом бокале
покажу тебе ужо́!

Едет мама серафи́мом
на ослице прямо в тыл
покупает сарафаны
и персидскую тафту

— солдат отворачивается и больше не хочет
разговаривать —

открылось дверце подкидное
запрятало пятнашку
сказало протопопу Ною:
— позвольте пятку вашу —

я не дам пятку
шнельклопс

дуй в ягоду
шнельклопс

разрешите вам не поверить
я архимандрит
а вы протопоп
а то рассержусь
и от самой Твери
возьму да и проедусь пó полу

он рас-стегивает мундир
забикренивает папаху
и садится на ковёр
и свистит в четыре пальца:

пью фюфю́лы на фуфу́
еду мальчиком а Уфу́
щекати меня судак
и под мы́шку и сюда
и́хи блохи не хоши́
пу́фы бóже на матрáсс.

за бородатым бегут сутуленькие
в клети пугается коза
а с неба разные свистульки
картошкой сыпятся в глаза
туды сюды
да плеть хвоста
да ты да я
да пой нога
считает пальцами до ста
и слышит голос: «помогай»

обернулся парусом
лезет выше клироса
до месяца не долез
до города не дошёл

обнимались старушки плакали
замочили туфли лаковые
со свечой читали Лермонтова
влюбились в кого го то кавалера там

на груди у него солнышко
а сестра его совушка
волоса его рыжие
королеву прижили
может кушать рябчика
да и то только в тряпочке
у него две шашки длинные
на стене висят...
Господи Помилуй
свят свят свят

— черти испугались молитвы и ушли из
Гефсиманского сада, тогда самый святой
человек сказал: —
здорово пить утрами молоко
и выходить гулять часа так на четыре
О человек! исполни сей закон
и на тебя не вскочит чирий.

ПОСЛУШАЙТЕ
сегодня например
какой то князь сказал своей
любовнице:
— иди и вырый мне могилу на
Днепре
и принеси листок смаковницы —

Она пошла уже козалось в
камыши
Но видет (!) князь (!) за ней (!)
бежит (!)
кидáет сумрачный ноган
к её растерзанным ногам
прости-прости я нехороший

раз 2 3 4 5 6 7............................
а сам тихонько зубы крошит
как будто праведный совсем

О человек! исполни сей закон
и на тебя не вскочит чирий
метай рубашками в загон —

как говориться в притче:
— плен духу твоему язычник
и разуму закованная цепь —

— за кулисами говорят шёпотом, и публика с трепетом ловит бабочку. Несут изображение царя. Кто то фыркает в ладонь и говорит: блинчики. Его выводят —

Выйди глупый человек
и глупая лошадь
на Серёже полаче
и на Володе тоже
стыдно совестно и неприлично
говорить блинчики
а если комната вдобавок девичая
то нужно говорить как-то иначе
— Все удовлетворены и идут к выходу —

ВСЁ

Даниил Хармс
1926 г. 11 февр.

14
ПОЛОВИНКИ

присудили у стогов
месяцем и речкою
и махнула голова
месяца голова
толстою ручкою
позавидовала ей
баба руку ей
позавидовала баба
корамыслами
на дворе моём широком
вышивают конаплёй
дедка валенками шлёпает
и пьёт молоко
позавидовала я
вот такими дулями
и родила меня мать

чехардой придорожною
а крестил меня поп
не поп а малина —
        вся то распоса́дница
        батькина бухта
        лавку закапала
        вороньим яйцом
        больно родимая
        грудью заухала
        мыльными пузырьками
        батьке в лицо
ахнули бусы
бабы фыркали
стукала лопата
в брюхо ему
избы попы
и звёзды русые
речка игрушка
и солнце лимон
        разные церковки
птички, палочки
оконце ла́аковое
                        расшитое
всё побежало
побежало и ахнуло
сам я вдеваю кол в решето
б'ется в лесу фанта́н фанто́вич
грузди сбирает
селени́м паша́
перья точат
мальчик Митя
уснул в лесу
холодно в рубашке
кидаться шишками
кожа пупырашками
буд-то гусиная
высохли мочалками
волосы под мышками
хлещет бог
бог — осиновый
а́хнули бусы
бабы а́хнули

радугами стонет
баба Богородица
лик её вышитый
груди глажены
веки мигнут
и опять
закроются
сукровицей кажется потеют и дохнут
навозные кучи
скучно в лесу!
в дремучем невесело!
мне то старухи до печёнки скучно
мальчика Митю
в церковь
НЕСТЬ
ведьма ты ведьма
кому ты позавидовала?
месяц пу́пом сел на живот!
мальчика Митю
чтоб его (!) йдола
сам я вдеваю кол в решето
сам я сижу
матыгой
ночью
жду перелесья
синего утра
и кто то меня за плечо воро́очает
тянет на улицу
мой рукав
ЗНАЮ
от сюдова
мне не поверят
мне не разбить
ключевой тиший
дедка мороз стучится в двери
месяц раскинул
в небе шалаши.
стены мои звончее пахаря
крепче жимолости в росту́
крепли и крепли
и вдруг
зааха́ла

бабы и бусы и шар на мосту
— милый голубку милой посылает —
        шлет куличи́
        и хлай на столе
а губы плюются
в дым кисилями
а руки ласка́ются
ниже колен
        ба́бка пе́ла
        небу новосе́лье
        небо полотенце!
        небо уж не то!
        бабка поля пшеном за́се́яла
        сам я вдеваю кол в решето
пря́жею бабкиной
месяц утонет
уши его
разольются ре́чкою —
— там из окна
соседнего до́мика
бабка ему
ма́хну́ла ручкою —

ВСЁ

Школа ЧИНАРЕЙ
Взирь За́уми
Даниил Хармс
<1926>

15

в репей закутаная лошадь
как репа из носу валилась
к утру лиш отперли конюшни
так заповедал сам Ефрейтор
Он в чистом галстуке
и сквозь решётку
во рту на золоте царапин шесть
едва откинув одеяло ползает
и слышет бабушка
под фонарями свист.
И слышет бабушка ушами мягкими
как кони брызгают слюной

и как давно земля курносая
стоит горбом на трёх китах
Но вдруг Ефрейтора супруга
замрёт в объятиях упругих
Как тихо станет конь презренный
в лицо накрашенной измене
творить акафисты по кругу
и поджидать свою подругу
Но взора глаз не терпит стража
его последние слова
Как он суров и детям страшен
и в жиле бьётся кровь славян
И видит он: его голубка
лежит на грязной мостовой
и зонтик ломаный и юбку
и гребень в волосе простой
Артур любимый верно снится
в бобровой шапке утром ей
И вот уже дрожат ресницы
и ноги ходят по траве.
Я знаю бедная Наташа
концы расщелены глухой
где человек плечами дышет
и дети родятся хулой
Там быстро щёлкает рубанок
а дни минутами летят
там пни растут. Там спит дитя.
Там бьет лесничий в барабаны.

1-2 мая 1926

16
КОНЕЦ ГЕРОЯ

Живи хвостом сухих корений
за миром брошенных творений
бросая камни в небо в воду ль
держась пустынником поотдаль
в красе бушующих румян
хлещи отравленным ура
призыва нежный алатырь
и Бога чёрный монастырь

Шумит ребячая проказа
до девки 107-го раза
и латы воина шумят
при пухлом шопоте шулят
Сады плодов и винограда
вокруг широкая ограда
мелькает девушка в окне.
Софокл вдруг подходит к ней
Не мучь передника рукою
и цвет волос своих не мучь
твоя рука жару прогонит
и дядька вынорнит из туч
и вмиг разбившись на матрасе
восстанет молод и прекрасен
и стоком бережных имян
как водолей пронзит меня
Сухое дерево ломалось
она в окне своём пугалась
бросала стражу и дозор
и щёки красила в позор
уж день вертелся в двери эти
шуты плясали в оперете
и ловкий крик блестящих дам
кричал: я честь свою отдам!
Под стук и лепет колотушек
Дитя свечу свою потушит
Потом идет в леса укропа
В куриный дом и бабий ропот
крутя усы бежит полковник
минутной храбростью кичась
Сударыня я ваш поклонник
Скажите мне который час?
Она же взяв часы тугие
и не взирая на него
не слышет жалобы другие
повелевает выйти вон.
А я под знаменем в бою
плюю в колодец и пою:
Пусть ветер палубу колышет
но ветра стон моряк не слышет
Пусть дева плачет о зиме
и молоко даёт змее

53

Я окрестясь сухим приветом
стелю кровать себе при этом
бросая в небо дерзкий глас
и проходя четвертый класс.
из леса выпрогнит метёлка
Умрёт в углу моя светёлка
Восстанет мёртвый на помост
с блином во рту промчится пост
как жнец над пряхою не дышет
как пряха нож вздымает выше
Не слышу я и не гляжу
как пёс под знаменем лежу.
Но виден мне конец героя
глаза распухшие от крови
могилу с имянем попа
и звон копающих лопат.
и виден мне келейник ровный
упряжка скучная и дровни
Ковёр раскинутых саней
лихая кичка: поскорей!
конец не так моя Розалья
пройдя всего лишь жизни треть
его схватили и связали
а дальше я не стал смотреть
и з<а>потев в могучем росте
всегда ликующий такой
никто не скажет и не спросит
и не помянет за упокой.

2 мая 1926

17
КАЗАЧЬЯ СМЕРТЬ

Бежала лошадь очень быстро
ее хозяин турондул
Но вот уже Елагин остров
им путь собой перегородил.
Возница тут же запыхавшись
снял тулуп и лег в кровать,
четыре ночи спал обнявшись
Его хотели покарать.
Но он вскочил недавно спящий
наскоро запер письменный ящик
и не терпя позора фальши
через минуту ехал дальше
Бежала лошадь очень быстро
Казалось нет ее конца
Вдруг прозвучал пустынный выстрел
поймав телегу и бойца.
Кто стреляет в эту пору?
Спросил потусторонний страж
седок и лошадь мчатся в прорубь
их головы объяла дрожь,
их туловища были с дыркой.
Мечтал скакун. Хозяин фыркал,
внемля блеянью овцы
держа телегу под уздцы.
Он был уже немного скучный,
так неожиданно умерев
Пред ним кафтан благополучный
лежал местами прогорев.
Скакали день и ночь гусары
перекликались от тоски.
Карета плавала. Рессоры
ломались поперек доски.
Но вот седок ее убогий
ожил быстро как олень
перескочил на брег пологий
А дальше прыгнуть было лень.
О как <   >* эта местность

* пропуск в источнике текста. — Прим. публ.

подумал он смолчав
К нему уже со всей окрестности
несли седеющих волчат
Петроний встал под эти сосны
Я лих и нет пощады вам —
звучал его привет несносный
телега ехала к дровам.
В ту пору выстрелом не тронут
возница голову склонил
Пусть живут себе тритоны
он небеса о том молил.
Его лошадка и тележка
Стучала мимо дачных мест
А легкоперое колешко
высказывало свой протест.
Не езжал бы ты мужик
в этот сумрачный огород
вон колено твое дрожит
Ты сам дрожишь наоборот
Ты убит в четыре места
Под угрозой топора
Кличет на ветру невеста
Ей тоже умерать пора.
Она завертывается в полотна
и раз два три молчит как пень.
Но тут вошел гусар болотный
и промолчал он был слепень
Потом вскочил на эту лошадь
и уехал набекрень.
Ему вдогонку пуля выла
он скакал закрыв глаза
все завертелось и уплыло
как муравей и стрекоза.
Бежала лошадь очень быстро
гусар качался на седле.
Там вперемешку дождик прыскал
избушка тухнула в селе
их путь лежал немного криво
уж понедельник не ступил
— мне мешает эта грива
казак нечайно говорил.
Он был убит и уничтожен

Потом в железный ящик вложен
и как-то утречком весной
был похоронен под сосной
Прощай казак турецкий воин
мы печалимся и воем
нам эту смерть не пережить
Тут под сосной казак лежит.

ВСЁ

19-20 октября 1926

18
СЛУЧАЙ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

как-то бабушка махнула
и сейчас же паровоз
детям подал и сказал
пейте кашу и сундук.
утром дети шли назад.
сели дети на забор
и сказали: вороной
поработый я не буду
маша тоже не такая
как хотите может быть
мы залижем и писочек
то что небо выразило.
вылезайте на вогзал
здраствуй здраствуй Грузия

как нам выйти из неё
мимо этого большого
не забора. ах вы дети
выростала палеандра
и влетая на вагоны
перемыла не того
что налима с перепугу
оградил семью волами
вынул деньги из кармана
деньги серые в лице

Ну так вот. а дальше прели
всё супа — сказала тетя
всё чижи — сказал покойник
даже тело опустилось
и чирикало любезно
но зато немного скучно
и как будто бы назад
дети слушали обедню
надевая на плечо —
мышка бегала в передник
раздирая двá плеча
а грузинка на пороге
все твертила. — а грузин
перегнувшись под горою
шарил пальцами в грязи.

<1926>

19
ПРОРОК С АНИЧКИНОГО МОСТА

Где скакуны поводья рвут
согнув хребты мостами
пророк дерзает вниз ко рву
сойти прохладными устами.
О непокорный! что же ты
глядишь на взмыленную воду?
Теребит буря твой хохол
потом щеку облобызает.
Тебя девический обман
не веселит. Мечты бесскладно
придут порой. Веслом о берег
стукнет всадник.
Уж пуст — челнок.
Уж тучен — гребень.
И, тщетно требуя поймать
в реке сапог, рыдает мать.
Ей девочка приносит завтрак
бутылку молока и сыр.
А в сумке прятает на завтра
его красивые усы.

58

В трактире кончилась попойка
Заря повисла над мостом.
Фома ненужную копейку
бросает в воду. Ночь прошла.
И девочка снимает платье,
кольцо и головной убор,
свистит как я в четыре пальца
и прыгает через забор.
Ищи! Никто тебе помехой
не встанет на пути своем.
Она ушла, а он уехал
и вновь вернулися вдвоем.
Как загорели щеки их!
Как взгляд послушный вдруг притих!
За ними горница пуста.
И растворились их уста:
— Мы плыли ночью. Было тихо.
Я пела песню, Милый греб.
Но вдруг ныряет тигр плавучий
пред нашей лодкой поперек.
Я огляделась вкруг. Фонтанка
проснувшись знаменье творит.
За полночь звякают стаканы.
Мой брат стучится: отвори!
Всю ночь катались волны мимо.
Купался зверь. Пустела даль.
бежали дети. А за нами
несли корону и медаль.
И вот, где кони рвут поводья,
согнув хребты сбегают вниз,
ноздрями красными поводят
и бьют копытом седока, —
мы голос ласковый слыхали.
Земля вертелась в голос тот.
И гром и буря утихали
и платье сохло на ветру
И волчьим шагом оступаясь
на мост восходит горд и лих
пророк. А мы не плыли дальше
на брег скакая женихом.

ВСЁ

1926 года

20
СКУПОСТЬ

Люди спят
урлы-мурлы
над людьми
парят орлы.
Люди спят
и ночь пуста
сторож ходит вкруг куста.
Сторож он
не то что ты,
сон блудливый
как мечты,
сон ленивый как перелёт
руки длинные как переплёт.

Друг за другом люди спят
все укрылися до пят.
Мы давно покоя рыщем.
Дым стоит над их желищем.

Голубь турмань вьет гнездо,
подъезжал к крыльцу ездок,
пыхот слышался машин,
дева падала в кувшин.
Ноги падали в овраг
леший бегал.
людий враг.
Ночь свистела —
плыл орёл.
Дочь мерцала —
путник брёл.
Люди спали —
я не спал,
деньги я пересыпал.
Я счетал своё богатство.
Это было святотатство.
Я всю ночку строжил!
Я так деньгами дорожил.

ВСЁ

1926

21
ВИКТОРУ ВЛАДИМИРОВИЧУ ХЛЕБНИКОВУ

Ногу на ногу заложив
Велимир сидит. Он жив.

1926.

22
СТИХ ПЕТРА-ЯШКИНА-КОММУНИСТА

Мы бежали как сажени
на последнее сраженье
наши пики притупились
мы сидели у костра
реки сохли под ногою
мы кричали: мы нагоним!
плечи дурые высоки
морда белая вострa
но дорога не платочек
и винтовку не наточишь
мы пускали наши взоры
вёрсты скорые считать
небо падало завесой
опускалося за лесом
камни прыгали в лопату
месяц солнцу не чета́
сколько времяни не знаю
мы гналися за возами
только ноги подкосились
вышла пена из уста
наши очи опустели
мох казался нам постелью
но сказали мы нарочно
чтоб никто не отставал
на последнее сраженье
мы бежали как сажени

как сажени мы бежали
! пропадай кому не жаль !

ВСЁ

<1926 — нач. 1927>
Чинарь
Даниил Иванович Хармс

23

Глядел в окно могучий воздух
погода скверная была
тоска и пыль скрипели в ноздрях
река хохлатая плыла

стоял колдун на берегу
махая шляпой и зонтом
кричал: «смотрите я перебегу
и спрячусь, ласточкой за дом»

И тотчас же побежал
пригибаясь до земли
в его глазах сверкал кинжал
сверкали в ноздрях три змеи

<1926— 1927?>

24

лошадка пряником бежит
но в лес дорога не лежит
не повернуться ей как почке
не разорвать коварной бочки

<1926 — 1927>

25

двух полководцев разговор
кидался шаром изо рта
щека вспухала от натуги
когда другой произносил
не будь кандашки полководца

была бы скверная игра
мы все бежали б друг за дружкой
знамёна пряча под горушкой
Но вдруг ответ звучал кругами
расправив пух усов, комрот
ещё в плечах водил руками
казалось он взбежит умрёт
и там с вершины голос падал
его сверкала речь к ногам
не будь кандашки полководца
то пораженье было б нам
и вмиг пошли неся винтовки
сотни тысяч, пол горы
двести палок, белые головки
пушки, ведьмы,
острые тапоры.

Да-с то было время битвы
ехал по полю казак
и в седле его болталась
манька белая коза

<1926 — 1927>

26
ПРОГУЛКА

шел медведь
вздув рога
стучала его одервенелая нога
он был генералом
служил в кабаке
ходил по дорогам
в ночном колпаке
увидя красотку
он гладил усы
трепал он бородку
смотрел на часы
пятнадцать минут
проходили шутя
обрушился дом
подрастало дитя

красотка в доспехе
сверкала спиной
на бледном коне
и в щетине свиной
рука отлетала
на конский задок
коса расцветала
стыдливый цветок.
Белый воздух
в трех шагах
глупо грелся
на горах
открывая
лишь орлу
остуденую
ралу.
Над болотом
напролом
ездил папа
с топором
из медведя
он стрелял
нажимая
коготок.
Пистолеты
отворял
в полумертвый
потолок
на шкапу
его капрал
обнимался
в темноте
с атаманом
и орел
и светился
в животе.
Дева
шла
неся
портрет
на портрете
был корнет

У корнета
вместо
рук
на щеке
висел
сюртук
а в кармане
сюртука
шевелилася
рука
Генерал
спрятал время
на цепочке золотой
Генерала
звали Леля
потому что молодой.
Он потопал
каблуками
приседал и полетал
Под военными полями
о колено бил металл.
увидя девицу на бледном коне
сказал генерал «Приходите ко мне».
девица ответила «Завтра приду
Но ты для меня приготовь резеду».
и сняв осторожно колпак с головы
столетний вояка промолвил «увы.
от этих цветов появляются прыщи
Я спрячусь в газету, а ты меня поищи.
Если барышня-мадам
обнаружит меня там
получите в потолок
генеральский целовок»

<1925 — нач. 1928>

27
В КРУЖОК ДРУЗЕЙ КАМЕРНОЙ МУЗЫКИ

не ходите января
скажем девять говоря

выступает Левый Фланг
— это просто не хорошо. —
и панг.

<январь 1927>

28

Берег правый межнародный
своемудрием сердитый
обойдённый мной и сыном.
Чисты щёки. Жарки воды.
рыбы куцые сардинки
клич военный. Облак дыма
не прорвёт могучим басом
не родит героя в латах.
Только стражника посуда
опорожница в лохане
Да в реке проклятый Неман
кинет вызов шестипалый
и бобёр ему на смену
носом врежется как шлюпка.
а потом беря зажим
сын военного прозванья
робкой девецы признанье
с холма мудрого седла
наклоня тугую шею
ей внимает бригадир
бомбардейский командир
Запирает палисад
Марья ключница. И вот
из морей тягучих вод
Слава Богу наконец
выбирается пловец
Как народ ему лепечет
и трясётся на него
осудя руки калачик
непокорного раба
яхты нежные кочуют
над волнами поплавком
раскрываются пучины
перед ним невдалеке.

24 мая 1926 — январь 1927

29

АВИАЦИЯ ПРЕВРАЩЕНИЙ

Летание без крыл жестокая забава
Попробуй упадешь закинешься неловкий
Она мучения другого не избрала
Её ударили канатом по головке.
Ах, как она упала над болотом!
Закинув юбочки! Мальчишки любовались
Она же кликала в сумятицах пилоту.
но у пилота мягкие усы тотчас же оборвались.
Он юношей глядит
смеётся и рулит
остановив жужжанье мух
слетает медленно на мох.
Она: лежу я здесь в мученьях.
Он: сударыня я ваша опора.
Она: Я гибну, Дай печенье.
Вместе: мы гибнем от топора!
Холодеют наши мордочки,
биение — ушло,
Лежим. Открыли форточки
и дышим тяжело.
сторожа идут стучат.
Девьи думы налегке.
Бабы кушают внучат.
Рыбы плавают в реке.
Елки шмыгают в лесу
стонет за морем кащей
А над городом несут
Управление вещей.
То им дядя птичий глаз
ма < >* сердце звучный лед
вдруг тетерев я тишком зараз
улетает самолет.
Там раздувшись он пропал.
Кто остался на песке?

---

* пропуски в публикуемом источнике текста

Мы не знаем. Дед копал
ямы стройные в тоске.
и бросая корешки
В глубину беспечных ям.
Он готовит порошки
Дать болезненным коням.
Ржут лихие удила
Указуя на балду
стойте други он колдун
знает <   > дела
вертит облако шкапов
переливает муть печей
В небе тристо колпаков
Строит башни из кирпичей
Там борзая солнце греет
Тьму проклятую грызёт
Там самолёт в Европу реет
И красавицу везёт.
Она: лечу я к женихам.
Пилот: машина поломалась
она кричит пилоту: хам!
машина тут же опускалась
она кричит: отец, отец
Я тут жила. Я тут родилась
потом приходит ей конец
она в подсвечник превратилась.
Мадлэн ты стара холодна
лежать под кустиком одна
склонился юноша к тебе
лицом горячим как Тибет.
Пилот состарился в пути.
руками машет — не летит
ногами движет — не идёт
махнёт разок и упадёт
Потом года лежит не тлен
Тоскует бедная Мадлэн
Плетёт косичку у огня
мечты случайные гоня.

ВСЁ

Январь 1927

30
ИСКУШЕНИЕ

Посвящаю К. С. Малевичу

четыре девки на пороге:

нам у двери ноги ломит
дерним сестры за кольцо
ты взойди на холмик тут же
скинь рубашку с голых плечь
ты взойди на холмик тут же
скинь рубашку с голых плечь

четыре девки сойдя с порога:

были мы на том пороге
Песни пели. а теперь
не печальтесь вы подруги
скинем плечи с косяка

Хор:

все четыре. мы же только
скинем плечи с косяка

четыре девки в перспективе:

наши руки многогранны
наши головы седы
повернув глаза к востоку
видем нежные следы
Лишь податься на аршин
с незапамятных вершин —
всё исчезнет как плита
будет клумба полита
мы же хвалимся нарядом
мы ликуем целый день
Ты взойди на холмик рядом
плечи круглые раздень
ты взойди на холмик рядом
плечи круглые раздень

четыре девки исчезнув:

ГРОХ-ХО-ЧЧЧА!

Полковник перед зеркалом:

усы завейтесь шагом марш!
приникни сабля к моим бокам
ты гребень волос расчеши
а я российский кавалер
не двинусь. Лень мне или что

не знаю сам. вертись хохол
спадай в тарелку борода
уйду чтоб шпорой прозвенеть
и взять чужие города

одна из девиц: Полковник вы расстроены?

Полковник: О нет. Я плохо выспался.
а вы?

Девица: А я расстроена увы.

Полковник: мне жалко вас.
Но есть надежда
что это всё пройдёт
я вам советую развлечься.
Хотите в лес? там сосны жутки...
Иль может в оперу? Тогда
я выпишу из Англии кареты
и даже кучера. Куплю билеты
и мы поедем на дрезине
смотреть принцессу в апельсине
Я знаю: вы совсем ребенок
боитесь близости со мной
но я люблю вас...

девица: прочь нахал!

Полковник ручкой помахал
и вышел зубом скрежеща
как дым выходит из прыща.

девица: Подруги где вы?! где вы?!

пришли четыре девы сказали:

ты звала?

девица (в сторону): я зла!

четыре девицы на подоконнике: Ты не хочешь нас Елена
мы уйдем. Прощай сестра
как смешно твоё колено

ножка белая востра
мы стоим твои подруги
места нету нам прилечь
ты взойди на холмик круглый
скинь рубашку с голых плечь.
ты взойди на холмик круглый
скинь рубашку с голых плечь.

четыре девицы сойдя с подоконника:

Наши руки поднимались
наши головы текли
юбки серенькие бились
на просторном сквозняке.

Хор:

Эй вы там не простудитесь
на просторном сквозняке.

четыре девицы глядя в микроскоп:

мы глядели друг за другом
в нехороший микроскоп
что там было мы не скажем
мы теперь без языка
Только было там крылечко
вился холмик золотой
над холмом бежала речка
и девица за водой
Говорил тогда полковник
глядя вслед и горячо
ты взойди на этот холмик
обнажи своё плечо,
ты взойди на этот холмик
обнажи своё плечо

четыре девицы исчезнув и замолчав:

?ПОЧ-ЧЕМ-МУ!

ВСЁ.

18 февраля 1927 года
Петербург
Д. Х.

31
ПОЖАР

комната. комната горит.
дитя торчит из колыбели
съедает кашу. наверху
под самым потолком
заснула нянька кувырком.
горит стена. Посуда ходит
бежит отец. отец: «пожар!
вон мой мальчик мальчик Петя
как воздушный бьётся шар
где б найти мне обезьяну
вместо сына?» вместо стен
печи вострые на небо
дым пускают сквозь трубу
нянька сонная стрекочет.
нянька: «где я что со мной?
мир становится короче
Петя призраком летит».
Вот мелькнут его сапожки
тень промчится и усы
вьются с присвистом на крышу.
Дом качает как весы.
Нянька бегает в испуге
ищет Петю и гамак.
«где ж ты Петя мальчик милый
что ж ты кашу не доел?»
«Няня, я сгораю няня!»
няня смотрит в колыбель
нет его. глядит в замочек
видит: комната пуста
дым клубами ходит в окна
стены тощие как пух
над карнизом пламя вьется
тут же гром и дождик льётся
и в груди сжимает дух
Люди в касках золотых
топорами воздух бьют
и брандмейстер на машине
воду плескает в кувшине.
Нянька к ним: Вы не видали

Петю мальчика? Не дале
как вчера его кормила.
Брандмайор: как это мило!
Нянька: Боже мой! Но где ж порядок?
Где хваленая дисциплина?
Брандмайор: Твой Петя рядом
он лежит у цеппелина
Он сгорел и папа стонет:
жалко сына.
Нянька: Ох!
Он сгорел — и тихо стонет
тихо падает на мох.

20 февраля 1927 года

32
КОММЕНТАРИЙ К ФИЛОСОФИИ А. И. ВВЕДЕНСКОГО

§ I. — Удивление

он в комнату бежит на четвериньках
смотрит в комнате стол стоит
ах он рад, он пришёл на вечеринку
позабыв и молодость и стыд
Липавский пьёт легко и звучно

<начало марта 1927>

33
I ФОКУСЫ

Средь нас на палочке деревянной
сидит кукушка в сюртуке
хранит платочек румяный
в своей чешуйчатой руке
мы все как бабушка тоскуем
разинув рты глядим вперёд
на табуретку золотую
и всех тотчас же страх берёт
Иван Матвеевич от страха
часы в карман переложил

а Софья Павловна старуха
сидела в сокращеньи жил
а Катя в форточку любуясь
звериной ножкой шевеля
холодным потом обливалась
и заворачивалась в шиншиля
из-под комода ехал всадник
лицом красивый как молитва
он с малолетства был садовник
ему подруга бритва
числа не помня своего
держал он курицу в зубах
Иван Матвеевича свело
загнав печенку меж рубах
а Софья Павловна строга
сидела выставив затылок
оттуда выросли рога
и сто четырнадцать бутылок
А Катя в галстуке своём
свистела в пальчик соловьём
стыдливо куталась в меха
кормила грудью жениха
Но к ней кукушка наклонялась
как червь кукушка улыбалась
потом на ножки становилась
да так, что Катя удивилась
от удивленья задрожала
и как тарелка убежала.

2 мая 1927 года

34

Гражданка, вы куда пришли?
Что вы держите в руке?
Мы вчера с тобой катались
на всклокоченной реке.
ты глядела рыб жестяных
играла волосом черным чернó
говорила: без тебя
мне младенчество вручено
а теперь пришла ты кукла

просишь корточку и брак
год прошёл и ты привыкла
заболев легла в борак
сторож длинными руками
положил тебя на кровать
ты в лицо ему смотрела
взор не в силах оторвать.

<конец мая 1927>

35

опускаясь на поленьи
длинный вечер коротая
говорила в отдоленьи:
умер дядя. Я стродаю.

<конец мая 1927>

36

тихо падала сосна
в бесконечную паляну
выла бочка над горой
без движенья и без боли
и прикинувшись шакалом
Михаил бежал по шпалам

<конец мая 1927>

37

Кучер стыл.
Блестели дрожки.
Прутик робко рыл песок.
Ай на дыбы становилася матрешка
Ай за корой соловей пересох.
и наш герой склонился к даме
шептал в лицо привет соседке
а кони рвут
летят годами
бросая пыль к пустой беседке
дорога сдвинулась к ногам
кричали мы: направо! к нам!

верти, сворачивай, держи!
слова летали как стрижи

19 августа 1927
Петербург

38

выходит Мария отвесив поклон
Мария выходит с тоской на крыльцо
а мы забежав на высокий балкон
поём опуская в тарелку лицо
Мария глядит
и рукой шевелит
и тонкой ногой попирает листы
а мы за гитарой поём да поём
да в ухо трубим непокорной жены
над нам встоют Золотые дымы
за нашей спиной пробегают коты
поём и свистим на балкончике мы
но смотришь уныло за дерево ты
остался потом башмачёк да платок
да реющий в воздухе круглый балкон
да в бурное небо торчит потолок
выходит Мария отвесит поклон
и тихо ступает Мария в траву
и видет цветочек на тонком стебле
Она говорит: я тебя не сорву
я только пройду поклонившись тебе
А мы забежав на балкон высоко
кричим: Поклонись! и гитарой трясём.
Мария глядит и рукой шевелит
и вдруг поклонившись бежит на крыльцо
и тонкой ногой попирает листы
а мы за гитарой поём да поём
да в ухо трубим непокорно<й> жены
да в бурное небо кидаем глаза

12 октября 1927 года
Петербург

39

Приходите приходите
Воспитанники и паруса
Вы понкраты образованные
И ты нищий с гребёночкой в сапогах
Вот уж день песочный старится
дымом кроется курган
Возле Петьки, возле образа
или в досках на горе
Я горикола горакала
в тумане каллеваллу
пока черешня около
мне сучьями велела
Приходите приходите
на Коломенскую 7
принесите на ладоне
возбуждающую смесь.

<1927>

40

ВОССТАНИЕ

был стручок балован судеб
и в министерство к ночи мехом
шли коровы в звериной беде
замыкая шествие монахом
хитро звякали колокола
заменить хотели кучера
прочь слетали сапоги
в сапогах нога корячилась

племянник сядь манишку скинь
племянники, весны прощет не малый
племянники, война стоит колом
мерцает Бог и грустное подполье
не ведает пунцовых кобаков

<1927>

41

Вот у всадника вельможи
усы нечайно поднялись
он больше двинуться не может
руки белые сплелись

<1927>

42

МАМА НЯМА АМАНЯ.

гахи глели на меня
сынды плавали во мне
где ты мама, мама Няма
мама дома мамамед!
во болото во овраг
во летает тетервак
тёртый тетер на току
твёрдый пламень едоку.
твердый пламень едока
лож<к>и вилки. Рот развей.
стяга строже. Но пока
звитень зветен соловей
сао соо сио се
коги доги до ноги
Накел тыкал мыкал выкал
мама Няма помоги!
ибо сынды мне внутри
колят пики не понять
ибо гахи раз два три
хотят девочку отнять.

в с ё.

4 августа. <1928?>

43

ПАДЕНИЕ С МОСТА

Окно выходит на пустырь
квадратный как пирог
где на сучке висит нетопырь.

Возми свое перо.
Тогда Тюльпанов на лугу
посмотрит в небо сквозь трубу
а Пятаков на берегу
посмотрит в море на бегу.
Нам из комнаты не видать
какая рыба спит в воде
где нетопырь полночный тать
порой живет. и рыбы где.
А с улицы видней
особенно с моста
какая зыбь играет камушком у
рыбьего хвоста.
Беги Тюльпанов дорогой.
Скачи коварный Пятаков.
рыб лови рукой.
Тут лошадь без подков
в корыто мечет седока.
Тюльпанов пр и Пятаков
грохочет за бока.
А рыба в море
жрет водяные огурцы.
Ну да, Тюльпанов и Пятаков
большие молодцы.
Я в комнате лежу с тобой
с астрономической трубой
в окно гляжу на брег досчатый
где Пятаков и герр Тюльпанов
открыли материк.
Там я построю домик
чтоб не сидеть под ливнем без
покрова
а возле домика стоит
уже готовая корова.
Пойду. Прощайте. Утоплюсь.
Я Фердинанд. Я герр Тюльпанов.
Я Пятаков. Пойду гулять в кафтане
И рыб ловить в фонтане.
Вот мост. Внизу вода.
БУХ.
Это я в воду полетел.

Вода фигурами сложилась
Таков был мой удел.

Воскресенье
5 авг<уста> 1928 года.
Даниил Хармс.

44
ÓССА

*Посвящается Тамаре
Александровне Мейер*

На потолке сидела муха
ее мне видно из кровати
она совсем уже старуха
сидит и нюхает ладонь;
я в сапоги скорей оделся
и в торопях надел папаху
поймал дубинку и по мухе
закрыв глаза хватил со всего размаху.
Но тут увидел на косяке
свинью сидящую калачем
ударил я свинью дубинкой,
а ей как видно нипочем.
На печке славный Каратыгин
прицелил в ухо пистолет
ХЛОПНУЛ ВЫСТРЕЛ
Я прочитал в печатной книге,
что Каратыгину без малого сто лет
и к печке повернувшись быстро
подумал: верно умер старичек
оставив правнукам в наследство
пустой как штука сундучек.
(Предмет в котором нет материи
не существует как рука
он бродит в воздухе потерянный
вокруг него элементарная кара).
Быть может в сундучке лежал
квадратик
похожий на плотину.
Быть может в сундучке сидел солдатик
и охранял эфира скучную картину

мерцая по бокам шинелью волосатой
глядел насупив переносицу
как по стенам бегут сухие поросята.
<В> солдатской голове большие
мысли носятся:
играет муха на потолке
марш конца вещей.
Висит подсвечник на потолке,
а потому прощай.
Покончу жизнь палашом —
все можно написать зеленым
карандашем.
На голове взовьются волосы
когда в ногах почуешь полосы.
Стоп. Михаилы начали рости
качаясь при вдыхании премудрости.
Потом счисляются минуты
они неважны и немноги.
Уже прохладны и разуты
как в пробужденьи видны ноги.
Тут мысли внешние съедая
— приехали. застава. —
сказала бабушка седая
характера простова.
Толкнув нечайно Михаила
я проговорил: ты пьешь боржом,
все можно написать зеленым
карандашем.
Вот так Тамара
дала священный альдюмениум
зеленого кома́ра.
Стоп. Разошлось по конусу
летало ветром по носу.
весь человеческий осто́в
одно смыкание пластов
рыба плуст
торчит из мертвых уст
человек растет как куст
вместо носа
трепещет о́сса

в углу сидит свеча Матильда голышем —
Все можно написать зеленым
карандашем.

Понедельник 6-ое августа 1928 года.
С.-Петербург.
Даниил Хармс

45
ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА НА ВЕТРУ

посвящаю Эрике

В лесу меж сосен ехал всадник
Храня улыбку вдоль щеки
Тряслась нога, звенели складки
Волос кружились червяки.
Конь прыгнул поднимая тело
Над быстрой скважиной в лесу.
Сквозь хладный воздух брань летела
Седок шептал «Тебя голубчик я снесу.
Хватит мне. Ах эти муки
Да этот щит, да эти руки,
да этот панцирь пудов на пять,
да этот меч одервянелый
Прощай приятель полковой
Грызи траву. Мелькни венерой
Над этой круглой головой».
А конь ругался «Ну и ветер!
Меня подъмлет к облакам.
Всех уложил проклятый ветер
Прочь на съедение к волкам.
С тебя шкуру снять долой
Сжечь притворив засовом печку
И штукой спрятать под полой.
Снести и кинуть в речку
Потом ищи свою подругу,
Рыб встречных тормоши,
Плыви, любезный мой, в Калугу,
В Калуге девки хороши».
Пел конь, раздув мехи.
Седок молчал в платочек.
Конь устремил глаза. в верху

Седок собрался в маленький комочек.
«Вот жизнь, — ворчал седок —
Сам над собой не властен
Путь долог и высок
Не видать харчевни где б остановиться
Живешь, как дерева кусок,
Иные могут подивиться.
Что я: сознательный предмет
Живой наездник или нет?»
Конь, повернув к нему лицо:
«Твоя конусообразная голова,
Твой затылок, твое лицо,
Твои разумные слова.
Но ухо конское не терпит лжи
Ты лучше песнь придержи».
«Как, — закричал седок летучий, —
Ты мне препятствуешь?
Тварь!
Смотри я сброшу тебя с тучи,
Хребет сломаю о фонарь».
Но тут пронесся дикой птицей
Орел двукрылый как воробей.
И всадник хитрою лисицей
Себя подбадривал «Ну дядя не
робей!»
А конь смеялся «Вот так фунт!
Скажи на милость вот так фунт».
«Молчи, — сказал седок прелестный, —
Мы под скалой летим отвесной
Тут не до шуток
Тем более конских
Наставит шишек этот пень
Ты лучше морду трубочкой сверни».
Но конь ответил «Мне это лень».
И трах! Губой со всего размаха
У всадника летит папаха,
Кушак болотные сапоги!
Кричит бедняжка: помоги!
Хромым плечом стучит в глину
Изображая смехотворную картину
А конь пустился в пляску.
Спешит на перевязку

И тащит легкую коляску.
В коляске той сидит детина.
Под мышкой держит рысака
Глаза спокойные как тина
Стреляют в землю свысока.
Он едет в кузницу направо
Храня улыбку вдоль щеки
Ресниц колышется орава
Волос кружатся червяки.
Он поет «Мое ли тело
Вчера по воздуху летело?
Моя ли сломанная нога
Подошвой била облака
Не сам ли я вчера ругался
О том, что от почвы оторвался
Живешь и сам не знаешь почему
Жизнь уподоблю я мечу».
Пропев такое предложенье
детина выскочил из брички
(он ростом в полторы сажени)
рукой поправил брючки.
Сказал: «Какие заковычки
Сей день готовит для меня»
и топнул в сторону коня.
«Ну ты, не больно топочи! —
Заметил конь через очки
Мне такие глупачи
То же самое, что дурачки».
Но тут детина освирепев
В коня пустил бутылкой
«Я зол как лев —
Сказал детина пылкий. —
Вот тебе за твое замечание».
Но конское копыто
Пришло в бесконечное качание
Посыпались как из корыта
Удары полные вражды
Детина падал с каждым разом
И вновь молил как жертва скуки и нужды:
«Оставь мне жизни хоть на грош
Отныне буду я хорош

Я над тобой построю катакомбу
Чтоб ветер не унес тебя».
А сам тихонько вынул бомбу
Конь быстро согласился взмахом
головы
И покатился тушей вдоль травы.
Детина рыжим кулаком
Бил мух под самым потолком
В каждом ударе чувствовалась сила
Огонь зажигался в волосах
И радость глупая сквозила
В его опущенных глазах.
Он как орел махал крылами
улыбкой вилась часть щеки
усы взлетали вверх орлами
Волос кружились червяки
А конь валялся под горой
Раздув живот до самых пят.
Над ним два сокола порой
В холодном воздухе парят.

ВСЕ.

14-18 ноября 1928 г.

46

По вторникам над мостовой
Воздушный шар летел пустой.
Он тихо в воздухе парил;
В нем кто-то трубочку курил,
Смотрел на площади, сады,
Смотрел спокойно до среды,
А в среду, лампу потушив,
Он говорил: Ну город жив.

1928

47
ПОЛЕТ В НЕБЕСА

Мать: На одной ноге скакала
и плясала я кругом

безсердечного ракала
но в объятиях с врагом
Вася в даче на народе
шевелил метлой ковры
Я качалась в огороде
Без движенья головы
Но лежал дремучий порох
Под ударом светлых шпор
Вася! Вася! этот ворох
умету его во двор.
Вася взвыл беря мятелку
и садясь в неё верхом
он забыл мою светёлку
улетел и слеп и хром.

Вася: оторвался океян
темен, лих и окаян
Затопил собою мир
Высох беден, скуп и сир,
В этих бурях плавал дух
развлекаясь нем и глух
На земной взирая шар
Полон хлама, слаб и стар.
Вася крыл над пастухом
На метле несясь верхом
Над пшеницей восходя
Молоток его ладья.
Он бубенчиком звенел
Быстр, ловок, юн и смел
озираясь — это дрянь.

Все хором: Вася в небе не застрянь.

Пастух, залезая в воду: Боже крепкий — о-го-го!
Кто несётся высоко?
Дай взгляну через кулак
Сквозь лепёшку и вот так
брошу глазом из бровей
под комету и правей
Гляну в тучу из воды
не закапав бороды.

Вася сверху: сколько вёрст ушло в затылок
скоро в солнце стукнусь я
разобьюсь горяч и пылок
и погибнет жизнь моя
Пастуха приятный глас
долетел и уколол,
слышу я в последний раз
человеческий глагол.

мать выбегая из огорода: Где мой Вася отрочат
Мой потомок и костыль.
Звери ходят и молчат
В небо взвился уж не ты ль?
уж не ты ль покинул дом
поле сад и огород?
не в тебя ль ударил гром
из небесных из ворот?
мне остался лишь ракал
Враг и трепет головы
Ты на воздух ускакал
отрвавшись от травы.
Наша кузница сдана
в отходную кабаллу
Это порох сатана
разорвался на полу
Что мне делать! боже мой
Видишь слёзы на глазах.
Где мой Вася дорогой.

Все хором: Он застрял на небесах.

ВСЁ

22 янв<аря> 1929

48

открыв полночные глаза
сидела круглая коза
её суставы костяные
висели дудками в темноте
рога сердечком завитые

пером стояли на плите
коза печальная девица
усы твёрдые сучки
спина — дом, копыто — птица
на переносице очки
несёт рога на поле ржи
в коленях мечутся стрижи
Борух на всаднике полночном
о камни щёлкает: держи!

4 марта 1929 года

49

пристала к пуделю рука
торчит из бока кулаком
шумят у пуделя бока
несётся пудель молоком
старуха в том селе жила
имела дойную козу
и вдруг увидела собаку
в своем собственном глазу.

тут она деревню кличет
на скамью сама встаёт
помохав зубами кричет
херувимскую поёт

<Март 1929>

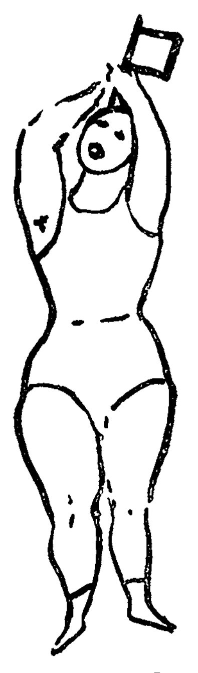
50

Ку
Шу
Тарфик
Ананан

Тарфик — Я город позабыл
я позабыл движенье
толпу забыл, коня и двигатель,
и что такое стул
твержу махая зубом
гортань согласными напряжена
она груди как бы жена

а грудь жена хребту
хребет подобен истукану
хватает копья на лету.
Хребет защита селезёнок
отец и памятник спины
опора гибких сухожилий
два сердца круглых как блины
я позабыл сравнительную анатомию
где жила трепыхает
где расположено предплечие
рука откудыва махает
на острове мхом покрытом
живу, ночую под корытом
пчелу слежу глаз не спуская
об остров бьёт волна морская
дороги человека злого
и перья с камушков птицелова.

Ку - На каждом участке отдельных морей
два человека живут поскорей
чем толпы идущих в гору дикарей
На каждой скале одиночных трав
греховные мысли поправ
живёт пустынник седоус и брав.
Я Ку проповедник и Ламмед-Вов
сверху бездна, снизу ров
по бокам толпы львов
Я ваш ответ заранее чую
где время сохнет по пустыням
и смуглый мавр несёт пращу
науку в дар несёт латыням
ответ прольется как отказ
«нет жизнь мне милее
от зверя не отвести мне глаз
меня влёчет к земле руками клея».
Я Ку стоя на ваших маковках
говорю:
«Шкап соединение трёх сил
бей в центр множества скрипучих
перьев
согбенных спин, мышиных рылиц!
Вас ли чёрная зависть клянёт

который скрываясь уходит вперёд
Ложится за угол владыка умов.
И тысяча мышиц выходят из домов.
Но шкап над вами есть Ламмед-Вов.
Дальше сила инженера
Рост, грудь, опора, шар
цвети в бумагах нежная Вера
и полный твоих уст пожар.
Гласит Некоторый Сапог:
есть враждебных зонтиков поток
в том потоке не рости росток.
Моё высокое Соображение
как флюгер повёрнуто на восток.
Там стоит слогая части
купол крыши точно храм.
люди ходят в двери настежь
всюду виден сор и хлам
Там деревья стену кружат
шкап несётся счётом три
но всегда гласит Наружа:
»Как хотите. Всё внутри».

Тарфик: Вот это небо
эти кущи
эти долы
эти рыбы
эти звери, птицы, люди
эти мухи, лето, сливы
лодка созданная человеком
дом на площади моего пана
не улететь мне совсем навеки
цветы кидая с аэроплана
как же я в тигровой шкуре
позабытый всем, огулом
удержу моря и бури
открывая ход акулам
о прибрежные колени
ударяет вал морской
сквозь волну бегут олени
очи круглые тоской
Небо рухнет, — море встанет
воды взвоют — рыба канет

лодка — первое дитя
нож кремнёвый, он свидетель
зверем над водой летя
посреди воздушных петель
надо мной сверкает клином
обрывает веточки малинам.
Чем же буду я питаться
на скале среди воды?
чем кормить я буду братца?
Что Ку есть будешь ты?

Ку - Похлёбка сваренная из бобов
недостойна пищи Богов
и меня отшельника Ламмед-Вов.
Люди, птицы, мухи, лето, сливы
совершенно меня не пленяют
красные плоды
яблоки и сады
звери жмутся они трусливы
лапы точат на все лады
козы пёстрые — они пугливы
реки, стройные пруды
морские пучины, озёра, заливы
родник пускает воды струю
около я с графином стою
буду пить эту воду на земле и в раю.

Тарфик - Ку́ ты́ вы́ше́ че́м сре́дний ду́б
че́м я́ кото́рый су́ть глу́п
на скале живу орлом
хожу в небо напролом
всё театр для меня
а театр как земля
чтобы люди там ходили
настоящими ногами
пели, дули, говорили,
представляли перед нами
девы с косами до пупа
выли песни, а скопцы
вяло, кисло, скучно, тупо
девок ловят за концы.
арлекин пузырь хохлатый

босиком несется за
по степям скакающей хатой
на горе бежит коза
Ку, видишь там сидит артист
на высоком стуле он
во лбу тлеет аметист
изо рта струится Дон
упадая с плеч долой
до колен висит попона
он жеребчик молодой
напоминает мне дракона
Ку, что он делает?
Ку, что он думает?
Ку, зачем его суставы
неподвижны как бесята
голос трубный и гнусавый
руки тощие висят.
Я хочу понять улабу
задлу шкуру дынуть бе
перевернуть еф бабу
во всём покорствовать тебе.

Ку - Тарфик, ты
немедля должен
стать проклятым.
Два в тебе
существа.
Одно земное
Тарфик — имя существу
а другое легче вздоха
Ку зовется существо
для отличья от меня
Ананан — его званье
но стремясь жить на берёзе
он такой же как и я
Ты же Тарфик только пятка
только пятка
только пятка
ты же Тарфик только свечка
будь проклятым Аустерлиц
я же Ку Семён Лудильщик
восемь третьих человека

я души твоей спаситель
я дорога в Астрахань.

Тарфик - Отныне весь хочу покоя
ноги в разные места
поворачивают сами
пальцы Тарфика листва.
Мясо в яму уползает
слышно легких дуновенье
сердце к плечиками бросает
во мне ходит раздвоенье.
Тела мёртвые основы...

Ку - Отвались камнем в ров

Ананан - С добрым утром часословы!

Ку - Честь имею: Ламмед-Вов.

24 марта 1929 года.

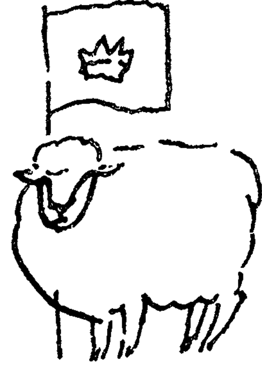
51
О В Ц А

I

Гуляла белая овца
блуждала белая овца
кричала в поле над рекой
звала ягнят и мелких птиц
махала белою рукой
передо мной лежала ниц
звала меня ступать в траву
а там в траве маша рукой
гуляла белая овца
блуждала белая овца.

II

Ты знаешь белая овца
ты веришь белая овца
стоит в коронах у плиты
совсем такая же как ты
Как будто я с тобой дружу

короны светлые держу
над нами ты, а сверху я
а выше дом на трёх столбах
а дальше белая овца
гуляет белая овца.

III

Гуляет белая овца
за нею ходит козерог
с большим лицом в кругу святых
в лохматой сумке как земля
стоит на пастбище как дом
внизу земля, а сверху гром
а сбоку мы, кругом земля
над нами Бог в кругу Святых
а выше белая овца
гуляет белая овца.

22 мая 1929 года.

52

Тётя крёстная Наташа
где же где же ёлка ваша
где же где же ваш сапог
видно он пошёл не впрок

<май 1929>

53

Откуда я?
Зачем я тут стою?
Что вижу?
Где же я?
Ну попробую по пальцам
все предметы перечесть.

(Считает по пальцам).

Табуретка столик бочка
ведро кукушка печка
метла сундук рубашка
мяч кузница букашка

дверь на петле
рукоятка на метле
четыре кисточки на платке
восемь кнопок на потолке.

1 июня 1929 года.

54
ПАПА И ЕГО НАБЛЮДАТЕЛИ

Папа: Кто видал как я танцую?

Гувернёры: Мы смотрели полчаса
Ты крючком летал в стакане
руки в бантик завернул.

Папа: Дети дети в наше время
не плясали как теперь
гувернёры в наше время
не смотрели через дверь

Гувернёры: Мы смотрели сквозь гребёнку
многих правил не блюли
мы показывали ребёнку
твои жесты ой лю-ли

Папа: Грех показывать ребёнку
жесты праведных людей
опрокидывать девчёнку —
мучить маленьких людей
Кто видал как я купаюсь?

Гувернёры: Мы смотрели из ведра
ты стоял на крыше аист
поздно в бурю до утра.

Папа: Верю верю точно флюгер
я купался пеликан
вы смотрели. Точно Крюгер
Поднимался великан.
Кто видал как я летаю?

Гувернёры: Мы смотрели через дом
но лишь звездочка золотая
небеса вела кругом.

все

6 июня <1929>

55

Ехал доктор из далёка
вёз корзину колпаков
отдыхал на поворотах
прибыл к нам и был таков.
Звали доктора Матрёна
был Матрёна землекоп
но торчал у землекопа
из кармана телескоп
Заболела тётя Катя
не лежит и не сидит
и за мухами глазами
неподвижными следит.
Тётя Катя не хохочет
только плачет как река
мы за доктором послали
он пришёл издалека.

Доктор Матрёна - Ведь несчастие бывает
в виде рака в животе
но страдалец забывает
и купается в воде
а потом ведь неизбежно
зубы храбрые гниют
ведь для зуба неизбежно
нужен воздух и приют
ведь тотчас же по отрыжке
узнается ремесло
и несчастному под мышки
доктор вкладывает весло.

Тётя Катя - Доктор, вы в меня воткнули
вместо градусника ось.
Вы нас доктор обманули.

Доктор Матрёна - Я вас вылечу авось.

Тётя Катя - Вы мне доктор надоели
уходите в тёмный бор.

Доктор Матрёна - Вы сегодня каку ели?

Тётя Катя - И не буду с этих пор.

Доктор Матрёна - Я ударю вас лопатой.

Тётя Катя - Уходите поскорей.

Доктор Матрёна - Я ударю вас лопатой.

Тётя Катя - Уходите поскорей.

Доктор славная Матрёна
вышел в двери шестипал
бросил скучные знамена
руки в землю закопал.
Проходил крестьянин Фóма
влез потом на длинный храм
посмотрел в саду солома
бедный доктор пополам

6 июня <1929>

56
СТОЛКНОВЕНИЕ ДУБА С МУДРЕЦОМ

Ну-ка
вот что я вам расскажу:
один человек хотел стать дубом
ногами в землю погрузиться
руками по воздуху размахивать
и вообщем быть растением.
Вот он для этого собрал
различные чемодаты
и так раздумывал кедровой головой:
уложу пожитки в баню

сниму штаны
сорву жилет
и буду радости дитя
небесных маковок жилец
чемоданом в верх летя
буду красный жеребец
буду бегать в дверь.
Хотя
вместо дырок
ныне жесть.
Так что в дверь
нельзя проехать
прыгнуть
хлопнуть
плавать
сесть
легче в стул войти ребёнку
легче в косы ткнуть гребёнку
вынуть руку из пищевота
легче сделать вообще чево то
Но над нашем взлететь миром
с чемоданом как поноской
прыгать в небо слабым тигром
тут наверно ты будешь соской.
Окончив речь
и взяв пожитки
он метнулся в потолок
претерпев тяготенья пытки
он реял над крышей как молоток.
Только б корни к низу бросить
да с камнями перевить
вот и стал бы я как дуб.
Ах!
пастись один среди осин
среди древесин
стоял бы как клавесин
Я бы начал дубом жить.
Хором люди отвечали:
мы доселева молчали
нам казалося вначале
ты задумал о причале.
Но теперь мы увидали

ты умом летишь подале
над землей летаешь сокол
хочешь дубом в землю сесть
Мы категорически возражаем
если сядешь
то узнаешь
то поймешь
то почуешь
какая такая
Наша месть.

Наша месть –

Наша месть
гибель уха
глухота
гибель носа
носота
гибель нёба
немота
гибель слёпа
слепота.

Всё это человек выслушал
и всё же при своём остался
Поплакал чуть. Слезинку высушил
и молотком вверху болтался.
Тут вышел мудрец
с четырьмя носами
влез на печь
как на ложе трона
и начал речь:
Во время оно
жил некий имянем не славен
короче попросту Иван Буславен.
Так вот
обладатель сего поразительного
имяни
приехал в город Ленинград
остановился на Василиевском
острове,четвертой линии
и был он этому черезвычайно рад.
Он пытался многократно
записаться на биржу труда

но к несчастью акуратно
путь закрыт был ему туда.
Он ходил тогда печальный
и стучался в Исполком
но оттуда по голове его печальной
ударяли молотком.
Он бежал тогда в трактиры
там он клянчил хлебный мякиш
но трактирные сатиры
подносили к носу кукиш.
Он скакал тогда домой
развеваясь бородой
и на жизнь хмур и зол
залезал к себе под стол.
Хором люди отвечали
мы доселева молчали
нам казалося в начале
ты задумал о причале.
Но теперь мы видим старче
ты мудрец.
Ты дубов зелёных крепче
ты крепец.
Т. е. не крепец,
а кирпич.
а за это слушай спич.

Спич: Спич мудрецу
Два килограмма сахара
кило сливочного масла
Добавочную заборную книжку
на имя
Неизвестного гражданина
Ивана
Буславена.
и тристо знойных поцелуев
от в красных шапочках девиц.

Туш: До
ми
соль
до бе ла
добела

выстерать выстерать
в бане му
дре
ца.

в с ё

28 сентября 1929 года.

57

Стул в кандалах.
Его поймали.
Тут муравьед
идёт размеренной стропой
Из двери острой мордой смотрит
удивившись как же так.
Почему собственно говоря стул
пойман в цепи кандавые
всюду степи кольцевые
не удрать и человеку
там гони иль не гони
руки в пламень окунай
закрепи кольцо стальное
к ножке приделай цепь.
Дай молотом по спинке
развалится стул на части

<до октября 1929>

58
ДИАЛОГ ДВУХ САПОЖНИКОВ

I сапожник – В наше время
нет вопросов
каждый сам себе ярмо
вопрошает неумелый
глядя в чудное трюмо
там стоит как в отраженьи
шкап стеклянный
точно сон
прислонился без движенья

к золотому стулу он
и вопрос в тебе рождённый
вопрошает: кто творец
ты ли вихрем побеждённый
или в раме твой дворец.

II сапожник - мы несём трюмо большое
смотрим шкапа изменение

<28 сентября — 1 октября 1929>

59

Тут нарисована жена
её глядеть моё призванье
как северный холм
она сложена
в зелёной кофточке стоит
подобно мудрой жене
держит стальное перо
заложив пальцем книгу

<28 сентября — 1 октября 1929>

60

Все все все деревья пиф
все все все каменья паф
вся вся вся природа пуф.

Все все все девицы пиф
все все все мужчины паф
вся вся вся женитьба пуф.

Все все все славяне пиф
все все все евреи паф
вся вся вся Россия пуф.

<октябрь 1929>

61

Нева течёт вдоль Академии
днём светлая.

немая после обеда.
К шести часам Нева лопата
на карте города лежит как на тарелке
святые рыбы
туземцы водяного бреда
плывут как стрелки.
огибая остров
уходят в море под парами
плывут вдоль берега крутого
уже фарфоровыми горами.
их не догонишь холодных беглянок
они плывут у Гельголанда
где финские воды бегут меж полянок
озёр голубая гирлянда.
где бедные птицы кривыми ножами
сидят положив море в яму
чтобы создать по краям
подобие берегов
как в чашке цветок сидит сбоку
где рыба в центре пирогов
жиром тушит вкус каши
обратный путь в море
на лодке с веслом
плыть храбро в Неву
где родители наши.
Где для вас
для нас
для них
наши воды лезут в трубы
через кран бегут в кувшин
мы подходим точно рыбы
точно саблю воды глотаем
точно камни сторожим
точно воздух в печке таем
точно дети в дом бежим.
вы подносите нам карту
наших славных, чудных мест.
мы кладём её на парту
моря Финского окрест.

<октябрь 1929>

62
ВАННА АРХИМЕДА

Эй Махмет
гони мочало
мыло дай сюда махмет.
крикнул тря свои чресала
в ванне сидя Архимед.
Вот извольте Архимед
вам Суворовскую мазь
Ладно, — молвил Архимед,
сам ко мне ты в ванну влазь.
Влез махмет не подоконник
расчесал волос пучки
Архимед же греховодник
осторожно снял очки.
Тут махмет подпрыгнул.
Мама! —
крикнул мокрый Архимед.
С высоты огромной прямо
в ванну шлепнулся махмет.
В наше время нет вопросов
каждый сам себе вопрос
говорил мудрец курносый
в ванне сидя как барбос.
Я к примеру наблюдаю
все научные статьи
в размышлениях витаю
по три дня и по пяти
целый год не слышу крика
веско молвил Архимед
но прибавил он потри-ка
мой затылок и хребет.
Впрочем да, сказал потом он
и в искусстве впрочем да
я туда в искусстве оном
погружаюсь иногда.
Как-то я среди обеда
прочитал в календаре
выйдет «Ванна Архимеда»
в декабре иль в январе.
Архимед сказал угрюмо

и бородку в косу вил
Да Махмет не фунт изюму,
вдруг он при со во ку пил.
да Махмет не фунт гороху
в посрамленьи умереть
я в науке сделал кроху
а теперь загажен ведь.
Я загажен именами
знаменитейших особ
и скажу тебе меж нами
формалистами в особь.
Но и проза подкачала
да махмет, махмет, махмет.
Эй махмет, гони мочало!
басом крикнул Архимед.
Вот оно, — сказал Махмет.
Вымыть вас? — промолвил он
Нет — ответил Архимед
и прибавил: вылазь вон.

в с ё

1 октября 1929 года.

63
«ТЮЛЬПАНОВ СРЕДИ ХОРЕЕВ»

Так сказал Тюльпанов камню
камень дуло курам кум
имя камня я не помню
дутый камень девы дум
в клетку плещет воздух лютень
глупо длится долгий плен
выход в поле виден мутен
розы вьются в дурь колен
в сад его нога ладоня
русых палец пук лица
дикий памятник уроня
в битву трубы бухаться
лампа громко свет бросала
в пол опутан свет летел

там доска с гвоздём плясала
доску вальсом гвоздь вертел
доску вальсом гвоздь вертел.
а в стену бил рукой Тюльпанов
звал напрасно центр сил
рос над камнем сад тюльпанов
дождик светлый моросил.

дождик: сухо в пепле в ухе сера
дуло в землю пробралось
там в горе проскачет серна
там на валу проходит лось
дубрава трав корчует рогом
рек сдвигает брег зелён
орлиный бег на лбу упругом
несёт обратно грозный клён
Но я дождём сверкаю шашка
близко кокнет бричка вешка
птичка хлопнет в лодку камнем:
вспомним птичке о недавнем!

птичка: помним сад
в саду скамейка
на скамейке с пирогом
в том саду сидел Тюльпанов
птички плавали кругом
птички плавали кругом.

Помним дом
на крыше пламя
в окнах красная заря
из дверей выходит няня
сказка длинная моя
сказка длинная моя.

няня в сад идет и плачет
и Тюльпанова манит
а Тюльпанов как цветочек
незабудкою звенит
а Тюльпанов как цветочек
незабудкою звенит.

Подними глаза Тюльпанов
няню глазками окинь
но Тюльпанов сдвинул брови
и задумался. аминь
но Тюльпанов сдвинул брови
и задумался. аминь.

Тут поднялся камень в битву
двинул войско в дуб сырой
в грудь врагам врезал он бритву
гнулся жаром стыл порой
снова кругла сила чрева
к небу прёт земля пружин
в белый мчится воздух дева
лишь Тюльпанов недвижим
сад к нему склонил вершины
няню тихую привёл
сверху дождь летел в кувшины
снизу вверх цветочек цвёл.
Так сказал Тюльпанов няне:
видишь няня я силён
дождь пройдёт.
цветок завянет
только я пройду как сон.
только я пройду как сон.
Только ты пройдешь как лодка
возле сада
вдоль пруда
убежишь моя красотка
няня глупая вода.
няня глупая вода

и лишь птички
ветров дети
не кружатся вкруг небес
не стрекочат в небе дудкой
не летят в дремучий лес
не стрекочат в небе дудкой
не летят в дремучий лес.

только я сижу Тюльпанов
только я сижу да ты

как дитя среди тюльпанов
между птичек ходишь ты
как дитя среди тюльпанов
между птичек ходишь ты.

Няня: Успокойся мой цветочек
на скамейке пирожок
по воде плывёт кружочек
за холмом дудит рожок
хочешь я побегу за тобою
по траве по мху по кочкам
буду страшною трубою
бегать следом за цветочком
содрогая бабу медь.
или хочешь буду петь
я в тарелочки ладошь
или в малину спрятав локоть
буду в землю тыкать нож
или прыгать над огнём
или прятаться вдвоём
или пальчиками щелкать
буду в домике твоём.

Цветочек: одинокою тычинкой
в поле воин я стою
временами непогоды
дуют в голову мою.

птички там под облаками
ищут маленьких подруг
звери длинными шагами
ходят по полю вокруг

Я стою на пьедестале
в поле воин одинок
ветры хлопают листами
травы стелятся у ног.

Скучно мне.
Глаза открою:
все несутся кто куда,

Только няня
ты со мною!
Няня глупая вода.
Няня глупая вода.

23-24 октября 1929 года.

64

Свои ручки лелея
склонилась дева как лилея
держа в руках цвет белой птицы
она мгновенно хорошела
шарф пуховой вязала спицей
шею кутала чтоб не простудиться
вышивала плат шелками
"всякая тварь должна трудиться"
и труд вылетал из рук её аршином
иголка сквозь шелка летала
порою падала на половицу
раздавался звон металла
девица руки вздев к вершинам
в камыш прятала нагое тело
и труд вылетал из рук её аршином
иголка сквозь полотно летела.
День приходил

<октябрь 1929>

65
I РАЗРУШЕНИЕ

Неделя — вкратце духа путь
Неделя — вешка знак семи
Неделя — великана дуля
Неделя — в буквах неделима
так неделимая неделя
для дела дни на доли делит
в буднях дела дикой воли
наше тело в ложе тянет

Нам неделя длится долго
мы уходим в понедельник

мы трудимся до субботы
совершая дело в будни

но неделю сокращая
увеличем свой покой
через равный промежуток
сундучёк в четыре дня
видишь день свободных шуток
годом дело догоня
Видишь новая неделя
стала разумом делима
как ладонь из пяти пальцев
стало время течь неумолимо.

Там мы строим время счёт
по закону наших тел.
Время заново течёт
для удобства наших дел.
Неделя — стала нами делима
неделя — дней значёк пяти
неделя — великана дуля
неделя — в путь летит как пуля.
Ура — короткая неделя
ты всё утратила!
И теперь можно приступать к
следующему
разрушению.

в с ё

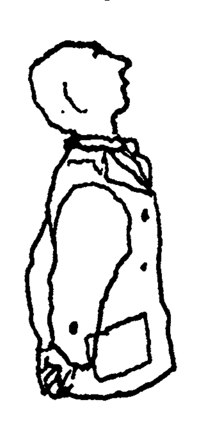
Начато 6 ноября — кончено 20/21 ноября 1929 года.

66

Мы (два тождественных человека): Приход нового года
мы ждём с нетерпением
мы запасли вино
и пикули
и свежие котлеты.
Садитесь к столу.

Без четверти двенадцать
поднимем тост
и выпьем братцы
за старый год.
И рухнет мост
и к прошлым девам
нам путь отрезан.
и светлых бездн
наш перёд.

Зритель: Смотрите он весло берёт
и люлькой в комнате летает
предметы вкруг следят полёт
от быстрых точек рассветает
в Неве тоскливый тает лёд
в ладоши бьёт земля и люди
и в небо смотрит мудрый скот
Но тут наступает 0 часов и начинается
Новый Год.

Вторник 31 декабря 1929 года 23 часа 45 минут.

67

блоха болот
лягушка
ночная погремушка

далёкий лот
какой прыжок
бугор высок
стоит избушка

упал висок
загорелся песок
согнулся носок

отвалился кусок
не хватило досок
напустили сорок
плавал сок.

<1929-1931>

68

Наша новая страна
новой радостью полна
Не успеешь оглянуться
Понесёт тебя волна

<первая пол. 1930-х>

69

Стоит за дверью мой лакей
С цветочком на носу
Неси мне завтрак поскорей
Извольте принесу

<первая пол. 1930-х>

70

Одна минута пробежала
Раздался в замке страшный крик
Стальное лезвие кинжала
Его повергло в этот миг.

<первая пол. 1930-х>

71

седьмого мая был прекрасный день
деревья в мелких листиках уже
бросали тень
весёлый шум летел со скотного двора.
стояла в воздухе жара.

<Первая половина 1930-х>

72

Так я молил твоей любви
Смеялся пел и плакал горько,
Но ты за все мои мольбы
Мне обещала дружбу только.

<Первая половина 1930-х>

73

Эх, голубка, песень ваша
Не звучала много лет
Эх, голубка! Эх, мамашм!
Спели б вы для нас куплет.

<Первая половина 1930-х>

74

По дороге я бегу
на ногах по сапогу
тут сапог и там сапог
Лучше выдумать не мог

Но однако же могу
на ногах по сапогу
не сапожки — чистый хром
Лучше выдумать не мом

Но однако же мому
на ногах по самому
как же сам то на ногах?
Лучше выдумать не мах!

<начало 1930>

75
ГАЛИНЕ НИКОЛАЕВНЕ ЛЕМАН-СОКОЛОВОЙ

На коньках с тобой Галина
на котке поедем мы
О холодная Галина
в центре маленькой зимы!
Ты Галина едешь ловко
Хоть и грузна на подъём.
Пусть покоится головка
Твоя головка на плече моём
Я же еду безобразно
рылом стукаюсь об лёд

ты же милая прекрасно
едишь соколом вперёд.

3 января 1930 года

76
ЖЕНЕ

Давно я не садился и не писал
я расслабленный свисал
Из руки перо валилось
на меня жена садилась
я отпихивал бумагу
целовал свою жену
предо мной сидящу нагу
соблюдая тишину.
целовал жену я в бок
в шею в грудь и под живот
прямо чмокал между ног
где любовный сок течёт
а жена меня стыдливо
обнимала тёплой ляжкой
и в лицо мне прямо лила
сок любовный как из фляжки
я стонал от нежной страсти
и глотал тягучий сок
и жена стонала вместе
утирая слизи с ног.
и прижав к моим губам
две трепещущие губки
изгибалась пополам
от стыда скрываясь в юбке.
По щекам моим бежали
струйки нежные стократы
и по комнате летали
женских ласок ароматы.
Но довольно! Где перо?
Где бумага и чернила?
Аромат летит в окно,
в страхе милая вскочила.
Я за стол и ну писать
давай буквы составлять

давай дергать за верёвку
Смыслы разные сплетать.

3 января <1930>

77

Соловей скатываясь в ящик:

Я пел
теперь я стрел
а ты песок
твой лоб высок
согни хребёт
земля кругла
в ней дыр и скважен
больше орла
ты в землю пяткой друг посажен
лежишь в пустыне жёлт и важен
заметен в небе твой лоскут
в тебе картошку запекут
я кончил петь
пора летать
орла в кастрюле свежевать
и в землю ткнуть орлиный хрящик
не то меня запрячат в ящик.

Одинокий бедуин глядя на летящий песок:

вон песок летит арабы
очи нам засыпет он
скрыться люди Ах куда бы
только б сгинул этот сон

Хор Бедуинов и архангелов:

Эх ухнем по песку
расшвыряем глупую тоску!

Одинокий Бедуин:

и птичка там в песок попала
в верх животиком летит
и птичка бедная пропала
даже конь мой не глядит

Хор: Эх ухнем по песку
расшвыряем глупую тоску!

всё

4 января 1930

78
СТУК ПЕРЕД

Где тупоумию конец?
Где вдохновению свинец?
чтоб не трогать верх затылка
в потолок очей не бить
приходи чернил бутылка
буквы пёрышком лепить
время ты неслышно ходишь
отмечая стрелкой путь.
влево маятник отводишь
он летит обратно с треском
время кажется отрезком
вопрос: надо ли время?
мы ответим: время будь
мы отметим время буквой

11 января <1930>

79

Всё наступает наконец
и так последовательность создаётся
как странно если б два события
вдруг наступили одновременно.

Загадка: А если вместо двух событий
наступят восем пузырьков.

Ответ: Тогда конечно мы б легли.

Ответ был чист и краток.
в бумагу завернули человека.
Бумаги нет. Пришла зима.

13 янв<аря 1930>

80

Жил мельник
дочь его Агнеса
в кругу зверей шутила днями
пугая скот, из недр леса
её зрачки блестят огнями.
Но мельник был свиреп и зол
Агнесу бил кнутом
возил ячмень из дальних сёл
и ночью спал потом.
Агнеса мельнику в кадык
сажает утром боб
рычит Агнеса. мельник прыг
но в двери входит поп.
Агнеса длинная садится
попа сажает рядом в стул
крылатый мельник. Он стыдится
Ах если б ветер вдруг подул
и крылья мельницы вертелись
то поп Агнеса и болтун
на крыше мельника слетелись.
и мельник счастлив. он колдун.

13 янв<аря> 1930 года

81

чтобы в пулю не смеяться
мы в бочёнок спрячем лик
да затылки не боятся
отвечая хором пик
и печонка усмехаясь
воскресает из могил
и несётся колыхаясь
над убитыми Ахилл.
и змея в песочной лавке
жрёт винтовку, дом и плуг
и Варвара в камилавке
с топором летит вокруг.
да смеятся мы будем
мы в бочёнке просидим

а когда тебя забудем
вновь к тебе мы прилетим.
и тогда мы перепьёмся
и тогда мы посмеёмся

всё

14 января 1930 года.

82

Нет ответа. Камень скок
едут грабли паровые
Земли земли где же сок?
ваши люди кондавые.
Зря, в ответ щебечет сок,
спите кинув руки врозь
сквозь платок мы слышем стон
Звери! в мыслях пронеслось
наша слабая надежда
это ползает одежда
а быть может ходят львицы
по скрипучей половице.
Кто там ходит? Мостовые?
Звери люди или сок?
Едут грабли восковые
Нет ответа. Камень скок.

всё

15 января <1930>

83

Ну ка выбеги Маруся
на Балканы. на морозе
огороды золотеют
пролетают карабины
в усечённые пещёры
и туманятся вечеры
первобытные олени
отдыхают на полене
птицы храбрые в колях

отдыхают на полях
вот и люди на заре
отдыхают в пузыре
вот и старый Ксенофан
отдыхает в сарафан
вот и бомба и камыш
вот и лампа каратыш.
Осветили на Балканах
непроезжие пути
подними вино в стаканах
над кушеткою лети.

17 янв<аря> 1930 года

84
ЗЛОЕ СОБРАНИЕ НЕВЕРНЫХ

Не я ли Господи? подумали апостолы.
Вот признаки:
лицо как мышь,
крыло как нож,
ступня как пароходик,
дом как семейство,
мост как пол ванта,
халат как бровь атланта.
Один лишь гений. Да, но кто же?
Один умён, другой тупица, третий
глуп.
Но кто же гений? Боже, Боже!
Все люди бедны. Я тулуп.

17 января 1930 года.

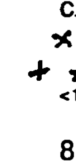
85
УТРО (ПРОБУЖДЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ)

Бог проснулся. Отпер глаз,
взял песчинку, бросил в нас.
Мы проснулись. Вышел сон.
Чуем утро. Слышим стон.
Это сонный зверь зевнул.
Это скрипнул тихо стул.

Это сонный, разомлев,
тянет голову сам лев.
Спит двурогая коза.
Дремлет гибкая лоза.
Вот ночную гонит лень —
изо мха встает олень.
Тело стройное несет,
шкуру темную трясет.
Вон проснулся в поле пень:
значит, утро, значит день.
Над землей цветок не спит.
Птица-пигалица летит,
смотрит: мы стоим в горах
в длинных брюках, в колпаках,
колпаками ловим тень,
славословим новый день.

всё

<18 января 1930>

86
ПАДЕНИЕ ВОД

стукнул в печке молоток
рухнул об пол потолок
надо мной открылся ход
в бесконечный набосвод
погляди небесных вод
льются реки в землю вот
я подумал: подожди
это рухнули дожди.
тухнет печка. Спят дрова
мокнут сосны и трава
на траве стоит петух
он глядит в небесных мух
мухи снов живые точки
лают песни на цветочке.

Мухи: поглядите мухи в небо
там сидит богиня Геба
поглядите мухи в море
там уныние да горе

над водой колышат пар.
гляньте мухи в самовар!

Мухи: в самовар глядим подруги
там пары встают упруги
лезут в чайник. он летит
воду в чашке кипятит.
бьётся в чашке кипяток.
Гряньте мухи эпилог!

Мухи: Это крыши разлетелись
открывая в небо ход
это звезды развертелись
сокращая чисел год
Это вод небесных реки
пали в землю из дыры
Это звёзд небесных греки
шлют на землю к нам дары.

Это стукнул молоток
Это рухнул поталок
Это скрипнул табурет
Это мухи лают бред.

всё

24 января 1930 года.
Даниил Хармс
С.-Петербург.

87
УЖИН

Стукнул кокер. Сто минут.
Прыгнул фокер. Был помнут.
вышла пика. Нет плиты.
Здравствуй Кика. вот и ты.

Кика: Надя нам сварила чай
мне сказала: отвечай!
Тут ответил я: калтун.
Пала дверь. вошёл колдун.

121

К о л д у н: Дайте хлеба мне и нож
Я простужен. — в теле дрожь.
Я контужен, стар и сед.
Познакомтесь: мой сосед.

С о с е д: Здраствуй Кика старикан.
Здраствуй Надя. Дай стакан
Здраствуй чайник. Здраствуй дом.
Здраствуй лампа, Здраствуй гном

Г н о м: Видел я во сне горох.
Утром встал и вдруг подох
Я подумал: ну и сон!
Входит Кока. Вот и он.

К о к а: Ветер дул. текла вода.
Пели птицы. Шли года.
Стукнул кокер.
Прыгнул фокер.
и пришёл я к вам тогда.

в с е х о р о м: Начнем же ужинать!

всё

Даниил Хармс
24 января 1930 года.
С.-Петербург

88

молвил Карпов: я не кит
в этом честь моя порука.
Лёг на печку и скрипит.
Карпов думал: дай помру-ка.
Лёг и помер. Стрекачёв
плакал: Карпов табуретка
то-то взвоет Псковичёв
над покойным. Это редко.

В ночи длинные не спится
вдовам нет иных мужей

череп к люльке не клонится
мысль бродит веселей.

Мысль вдовы

Вот люди
была я в ЗАГСЕ
но попала с черного крыльца на кухню.
А на кухне белый бак
кипятился пак пак.

<между январем и августом 1930>

89

Земли, огня и ветра дщери
меча зрачков лиловый пламень
сидели храбрые в пещере
вокруг огня. Тесали камень.
Тут птицы с крыльями носились
глядели в пламя сквозь очки
на камни круглые садились
тараща круглые зрачки.
Кыш летите вон отсюда
им сестры кричали взволновано
храм пещерного сосуда
это место заколдовано.
Мы все вместе
служим в тресте
на машинках день и полночь
отбиваем знаки смыслов
дел бумажных полный стол тучь
мух жуков и корамыслов.
Только птицы прочь и кыш
с веток, с тумбов, с окон, с крышь.
Очень птицы удивились
на косматых глядя дев
клювом стукнули и взвились
очи злые к небу вздев
и когтей раскинув грабли,
рассекая воздух перьями

разлетались дирежабли
над Российскими империями.

всё.

<февраль 1930>
Д. Х.

90

Вам поверить
я не могу,
для этого мне надо скинуть рубаху
Я без платья великан
в таком виде я к вам не пойду.
Ах целуйте меня с размаху.
Вот мои губы
вот мои плечи
вот мои трубы
вот мои свечи.
Дайте мне платок
я полезу на потолок.
Положите мне горчичник
я забуду рукавички
лягу спать верхом на птичник
буду в землю класть яички.
Нам великанам довольно пальбы
ваши затихли просьбы и мольбы
настиг вас жребий дум высоких
пробка в черепе. Вы с дыркой.
Умечали рысооки
на коне лежать под мыркой.
Недостоен, недостоен, недостоен
вашу обувь развязать.
Я в рубахе наг и строен
я натура, так сказать.
И нет во мне той милой склонности
греть ваши ноги о девушка
тона девичьего донести
вашего голоса девушка
Я строг и знатен
хожу среди полатин
швыряя пыль ногой

вот я какой!
До вашего дома
иду по досочке
а дальше ведома
толпа мной в сорочке
и штопотом, хриплетом, банками
садимся на шпиль Петропавловской
крепости
рыжими в воздух баранками.

всё

13 февраля 1930 года. Д. Х.

91

Девицы только часть вселенной
кувшины стройных рек
мы без девиц пройдём по вселенной
душа сказала «грек».
Притворился милый облик
он увы неузнаваем
над кроватью держит Бог Лик.
Ну давай его взломаем!
Что посмотрим под доской
укрощает взгляд людской.
Над кроватью Бог повис
мы у Бога просим жалости.
Опускает Бог ресницы вниз
пряча взоры в темноте
он глядит на наши шалости.
И мы уже совсем не те

17 февраля 1930 года. Д. Х.

92

Где я потерял руку?
Она была, но отлетела
я в рукаве наблюдаю скуку
моего тела.
Что-то скажет Дом Печати
что-то скажет раздевалка

моей руки одно зачатие
с плеча висит.
Как это жалко.
Люди!
Кто мне примус накачает?
Плети!
Кто стегаться вами станет?
Мыло!
Кто в ручей тебя опустит?
Никому то не известно.
Даня!
Кто в кровать тебя разденет
твои сапоги растегнёт
и в шкап поставит.
Спать уложит. Перекрестит.
перевернётся. кто уснёт?
Кто проснётся на другой день
посмотреть в окно и плюнуть?
ход ночей был мною пройден
разрешите в небо дунуть.
Это верно. Мы двуруки
равновесие храним
поперёк души науки
образ храброго гоним.
То отведали поляки
боль ранения на сечи
были паны, стали каляки.
Заводить убитых речи
Силы рта раздвинуть нет
коли панов закопали,
коли жив на землю гнет
остальные в битьве пали.
Остальных ломает и мнёт
полевых цветочков мёд.
    Но куда же я руку задевал.
    Знаю нет ее в руковах.
    Помню куртку надевал.
    Но теперь понятно ах!
    Вот она забыв перёд
    пересела на хребёт.

Надо Надо
перешить рукав на спину.

всё

20 февраля 1930 года.
Д. Х.

93

1.
В небесари ликомин
мы искали какалин
с нами Пётр Комиссар
твердый житель небесар.

2.
в этой комнате Коган
под столом держал наган
в этот бак Игудиил
дуло в череп наводил.
и клочёк волос трепал
Я сидел и трепетал.

3.
Им ответа старый Бог
объясняет пули вред
деда мира педагог
Повторим усопших бред!
То румян и бледен был
в карты глядя в чертежи
стены пали. воздух плыл
дом и стёкла и чижи.

4.
Ко́нцы пели гилага
ги га гели стерегли
вышел кокер из угла
концы в землю полеги
встали пунцы у коны
взяли свинцы мекеле

пали благи. вьются флаги.
вою пунцы в помеле.

4 марта 1930 года. Д. Х.

94

НЕ́ТЕПЕРЬ

Это есть Это.
То есть То.
Это не то.
Это не есть не это.
Остальное либо это либо не это.
Всё либо то либо не то.
Что ни то и ни это, то ни это и не то.
Что то и это, то и себе Само.
Что себе Само, то может быть то
да не это, либо это да не то.
Это ушло в то, а то ушло в это. Мы
говорим Бог дунул.
Это ушло в это, а то ушло в то и нам
неоткуда вытти и некуда притти.
Это ушло в это. Мы спросили: где?
Нам пропели: Тут.
Это вышло из Тут. Что это? Это ТО.
Это есть то.
То есть это.
Тут есть это и то.
Тут ушло в это, это ушло в то, а то
ушло в тут.
Мы смотрели но не видели.
А там стояли это и то.
Там не тут.
Там то.
Тут это.
Но теперь там и это и то.
Но теперь и тут это и то.
Мы тоскуем и думаем и томимся.
Где же теперь?
Теперь тут, а теперь там, а теперь тут,
а теперь тут и там.

Это быть то.
Тут быть там.
Это, то, тут, там, быть Я, Мы, Бог.

29 мая 1930 года.
Даниил Хармс.

95
ЛАПА

У храпа есть концы голос
подобны хрипы запятым
подушку спутанных волос
перекрести ключом святым.
из головы цветок воростает
сон ли это или смерть
зверь тетрадь мою листает
червь глотает ночь и зберть
там пух петухов
на Глинкин плац
осел шатром из пушки бац
сон уперся на бедро
ветер западный. — Ведро.
О статуя всех статуй
дням дыханье растатуй
леса лужи протеки
где грибы во мху дики
молви людям: пустяки
мне в колодец окунаться
мрамор духа холодить
я невеста земляка
не в силах по земле ходить
Во мне живёт младенца тяжесть.
Жесть неба сгинь!
отныне я жесть.
И медь и кобальт и пружина
в чугун проникли головой
оттуда сталь кричит: ножи на!
И тигра хвост моховой!
И всё же бреду я беременная
Батюшка! Это ремень но не я!
Батюшка! Это ревень но не мать!

Будут тебя мой голубчик
Будут тебя мой голубчик
Будут тебя мой голубчик
Сосны тогда обнимать.

Сказала и упала.
А эхо крикнуло: Магога!
И наступила ночь Купала
когда трава глядит на Бога.
Два Невских пересёкли чащи
пустя по воздуху канатик
и паровоз дышал шипяще
в глаза небесных математик.
Ответил Бог: на камне плоском
стоял земляк. от трубку курил.
Его глаза залеплены воском.
"Мне плохо видно". — он говорил.
"Куда ушла моя статуя
моё светило из светил.
Один на свете холостуя
взоры к небу привентил.
По ударам сердца счёт
время ласково течёт
по часам и по столу
по корням и по стволу.
и отмечу я в тетради
встречи статуя с тобой
тебя ради
жизнь сделаю рабой.
Тебя ради встану рано
лягу в воду по лопатки
леги неги деги веги
боги воги нуки вуки".

Из Полтавы дунул дух
полон хлеба полон мух
кто подышет не упи
мама воздуха купи.
Я гора, а ты песок
ты квадрат, а я высок
Я часы, а ты снаряд
скоро звёзды закорят.

Мама воздуха не даст
атмосферы тонок пласт
блещут звёзды как ножи.
Мама Бога покажи!
Ты челнок, а я лодья
ты щенок, а я судья
ты штаны, а я подол
ты овраг, я ниский дол
ты земля, а я престол.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Аминь.

* * *

Земляк - Что это жужжит?

Власть - Это ты спишь.

Земляк - Я вижу цветок над своей головой. Можно его сорвать?

Власть - Опусти агам к ногам.

Земляк - Что такое агам?

Власть - Разве ты не знаешь? Жил старик. Его сын работал на заводе и приходил домой грязный. Старик кипятил воду чтобы сын мыл руки В воде плавали тараканы и мелкие бацилы. Сын смотрел сквозь голубую воду и видел дно. В воде плавало отражение сына. Старик выплёскивал воду из таза вместе с отражением сына. Но отражение застревало в трубе и машинка не спускалась. Старик шёл к управдому и просил починить уборную. Управдом писал отношение и ложился спать. На другой день сын шёл на завод выделывать дробь.

Земляк - А что делал старик?

Власть - Разве ты не знаешь?
Старик читал книгу. Потом закладывал книгу спичкой и растапливал печь. Дрова он носил на согнутой левой руке и нося дрова думал: от дров быстро портится рукав пиджака.

Земляк - А что такое агам?

Власть - Разве ты не знаешь?
На небе есть четыре звезды Лебедя. Это Северный крест. Недавно среди звёзд появилась новая звезда — Лебедь Агам. Кто сорвёт эту звезду, тот может не видеть снов.

Земляк - Мне рукой не достать до неба.

Власть - Ты встань на крышу.

(Земляк встает на крышу)

Власть - Ну как?

Земляк - Авла диндурй пре пре пру кру.

(Статýя на крыше хватает земляка и делает его легким)

Земляк - Я ле!
Птицы не больше перочинных ножиков.
Ле!
Откройте озеро, чтобы вода стала ле!
Откройте гору, чтобы из неё вышли пары.
Остановите Часы, потому что время ушло в землю!
Смотрите какой я ле!

Утюгов (смотря из окна наверх) - Эй послушайте там! Гражданин. вы мешаете читать мне газету.

И потом, что за дьявол! На чём вы держитесь?

Земляк (хохоча). — Я от ха́ха и от хиха
я от хоха и от хеха
еду в небо как орлиха
отлетаю как прореха.

Утюгов (размахивая газетой). — Я меняю свою жилплощадь на большую!
Бап боп батурай!
На большую!
Запомните кокон, фокон, зокен, мокен.

Земляк - Где я? Что это за место?

Ангел Капуста - Нил.

(Воск тает с глаз земляка. Земляк смотрит окрестности).

Описание Нила

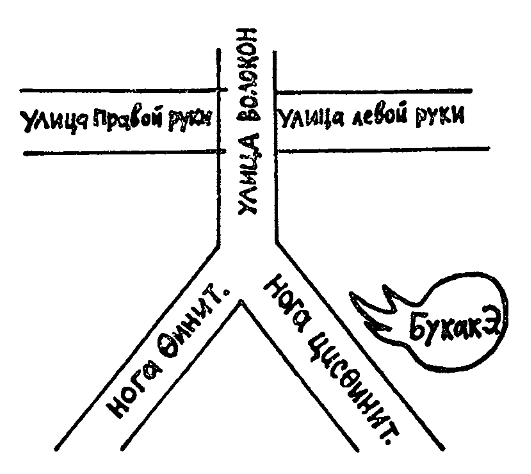
Картина представляет собой гроб. Только вместо глазури идёт пароходик и летит птица. В гробу лежит человек, от смерти зелёной. Чтобы казаться живым, он всё время говорит.

"Чтобы сварить суп, надо затопить плиту и поставить на неё кастрюлю с водой. Когда вода вскипит, надо в воду бросить морковь и... нет стрелу и фо... нет надо в воду положить карету. Хотя это уже не то".

Судя по тому что говорил человек, он был явно покойник. Но несмотря на это он держал в руках подсвечник. Собственно говоря это и был Нил.

В Ниле плавал Аменхотеп. Он был в трусиках и в кепке.

Вот план Аменхотепа:

Николай же Иванович держал в руках ибиса и смотрел что у него под хвостом.

Земляк - Ну как Николай Иванович?

Н. И. - Да вот знаете ли ещё не разобрал в чём дело. Тут видите ли пух мешает.

Земляк - Да. Тяжело.

Н. И. - Там лучше было. Там знаете ли возьмешь гречневую кашу с маслом, или ещё лучше если она холодная и с молоком и съешь.

Земляк - Или ватрушку. Особенно если её есть прямо так по-простецки, взяв в руку.

Н. И. (вздохнув) - Или суп. Знаете ли, чтобы сделать суп, надо положить в воду мясо и рыбу.

(К ним подсаживается покойник).

Покойник - Ылы ф зуб фоложить мроковь. Ылы спржу. Ылы букварь. Ылы дрыдноут.

(Из-за горизонта доносится крик):

... Меньшую на большую! Бап боп батурай!

Аменхотеп вылезает из воды и идёт по острым камушкам. Идти больно и Аменхотеп машет руками и то и дело приседает. Добравшись до песка он бежит уже свободно и наконец валится в песок и валяется.

"Покурить бы", — говорит Аменхотеп. вокруг молчат. Николай Иванович сердито смотрит Ибису под хвост.

Аменхотеп снимает трусики, выжимает их и вешает на солнце сушиться. А сам смотрит по сторонам не идёт ли где женщина. Но женщин не видать, только на берегу подсвечника стоит женская мраморная статуя

Земляк - Ну, ребятки, передохнул с вами, да пора и дальше.

— Куда, — спрашивает его Николай Иванович.
— Да я знаете к Лебедям, — говорит земляк.

И земляк поднимается выше.

Тут стоят два дерева и любят друг друга. Одно дерево волк, другое волчица.

Когда земляк выглянул из-за угла, то волк кинулся к решетке.

Земляк спрятался.

Волк поцеловал волчиху.

Земляк опять вышел из-за прикрытия.

— Где здесь Лебедь? — спросил он волков.

И вот вышел сторож в белом халате. Он держал в руках длинный скребок.

— Лебеди, сказал сторож нюхая кусок хлеба чтобы не заплакать. — Они там. Вон в том доме.

Земляк пошёл вдоль пруда. В пруду лежал снег.

Птичник

В птичнике очень воняло. В углу сидела маленькая девочка и ела земляные лепёшки. Девочка была очень грязная и нечистоплотная. На асфальтовом полу были пробоины, а в пробоинах стояли лужи. Старичок в длинном черном пальто, ходил по лужам и боком смотрел на птиц

Комнату разделяла перегородка вышиной в аршин. За перегородкой расхоживали большие птицы. Пеликаны сидели вокруг бассейна и в грязной воде полоскали свои клювы.

Девочка отложила в сторону земляную лепёшку и запела. Рот у девочки был похож на круглую дырочку.

Девочка пела:

Пли пли
Кля кля
Смах смах гапчанух
векибаки сабаче
дубти кепче алдалаб
смерх пурх соловьи
сели или е ли а
соо суо сыа се
соловеи веи во
вие вао вуа ви
вуа выа вао вю
пю пю пю пю
закурак.

Один пеликан, самый старый начал танцевать. На голове его изгибался седой хохол, а красные глазки свирепо смотрели в морскую раковину. Сначало он долго топал ногами на одном месте. Потом начал перебегать на несколько шагов то вперёд, то назад, причём его голова оставалась неподвижной в одной и той же воздушной точке. Изгибалась только шея. Вдруг пеликан пустил одно крыло по полу и начал разворачиваться на одной ноге, притоптывая другой. Сначала развернулся в одну сторону, потом в другую, а потом вдруг поплыл как боярышня, волоча за собой по полу оба крыла.

Остальные птицы притихли, расступились и стояли уткнушись носом в стену не глядя на танец пеликана.

— Молчать! — крикнул вдруг старичок в длинном чёрном пальто.

Никто не обратил на это внимания. Девочка продолжала петь, а пеликан танцовать.

— И это небо! — сказал сокрушённо старичок. — Фу фу фу! Какая здесь гадость!

— Почему вы думаете, что это небо? — Спросил старичка другой такой же старичок неизвестно откуда появившийся.

— Ах бросьте, сказал прежний старичок. Я всю жизнь старался не петь глупых песень. А тут ведь поют нечто безобразное.

— А вы тоже попробуйте, — сказал такой же старичок. Но старичок покачал только головой, отчего пенснэ с его носа свалилось в лужу.

— Ну вот, видите? Вот видите? — сказал обиженно старичок.

Дверь отворилась и в птичник вошёл земляк.

— Лебедь у вас? — громко спросил он.

— Да, я тут! — крикнул Лебедь.

— Ура! Это небо? — спросил земляк.

— Да, это небо! — крикнуло небо.

Но тут пролетел Ангел Копуста и земляк сново вошёл в птичник.

— Лебедь у вас? — громко спросил он.

— Да, я тут! — крикнул Лебедь.

— Ура! Значит это небо! — крикнул земляк.

— Да, это небо, — сказал Ангел Копуста.

Это небо
ибо Лебедь здесь владыка
Ну-ка дева
принеси-ка мне воды-ка.

Маленькая девочка сбегала за водой. Ангел Копуста выпил воды утёр усы и сказал:

— Холодная сволочь, а вкусная. Сейчас господствует эпидемия брюшного тифа, но не беда. Надо только утром и вечером потирать ладошкой живот и приговаривать: Бурчи, да не болей.

Вдруг земляк огромным прыжком перескочил через перегородку, схватил Лебедя под мышку и провалился под землю.

На этом месте выросла сосна с руками и в шляпе и звали ее Марией Ивановной.

Разговор Ангела Копусты с Марией Ивановной.

Анг. Коп. - Вот это да! А только интересно знать, билет у Вас есть?

Мар. Ив. - Ха ха ха, какие глупости! Ведь я индюшка.

Анг. Коп. - Вы не можете так разговаривать со мной. Ведь я ангел.

М. Ив. - Почему?

Анг. Коп. - Потому что у меня крылья.

Мар. Ив. - Ха ха хоау! Но ведь у хусей и у хуропаток тоже есть крылья!

Анг. Компуста - Вы рассуждаете как проф. Пермяков. Он и сторож Фадей на этом основании посадили меня а этот курятник.

Мария Ивановна зевает и засыпает. Ангел Коптуста будет её.

Ангел Пантеста - Мария Ивановна проснитесь. я вам доскажу свою мысль об осях.

Мария Ивановна Со сна - Голубчик, голубочек, голубок. Не косайся таких вопросов. Я жить хочу.

Ангел Хартраста - Но всё-таки, Мария Ивановна, я большой любитель пшена. Знаете оно попадается даже в навозе. Даже в навозе, честное слово!

Мар. Ив. Сосна - Ну уж это нет! Фи донк! Назвос и пшённая каша!

Ангел Холбаста - Ничего-с Мария Ивановна. Хотя конечно смотря чей навоз. Лучше всего лошадиный. В нём знаете этого самого немного, а всё больше вроде как бы соломы. Коровий помёт это тоже ничего. Хотя он знаете очень вязкий. Вот собачий — тьпфу! Сам знаю, что дрянь! И пшена тоже совсем нет. Но ем. Всё-таки ещё ем. Но вот что косается...

Мария Ивановна (затыкая уши) - Нечего сказать, ангел! Чего только не жрёт! Скажите вы может быть и блевотину едите.

— Как вам сказать, — начал было Ангел Хлампуста, но Мария Ивановна принелась так кричать и ругаться, что Ангел Хлемписта поскорей зажал свой рот рукой, но от быстроты движения не удержался на ногах и сел на пол.

Андрей же соломея дрынваку и сплюнув гасмакрел похурею вольностей и кульпа фафанаф штос палмандеуб.

глАвНабор

Мах	———	леапие
мамах		леапие гае
мамамах		леапие гае у

В.	———	Коршун глодал кость.
Х.		Земляк падал на землю.

мои
вои
кои
веди
дуи
буи
вее
ае
хие
сео

пуе
пляе
клёе
поко
плие
плёе
флюе
мое
фое
тое
нюня
тюпя
кёё
пёё
фюю
юю
пляо
кляо
кляс
кля па фео
пельсипао
гульдигрея
пянь
фокен, покен, зокен, мокен
————————————————

Таким образом земляк вернулся на землю.

Утюгов (махая примусом).

Бап боп батурай!
обед прошёл благополучно.
Я съел одну тарелку супа
с укропом, с луком, со стрелой.
Да венигрет кортофель с хреном
милой Тани мастерство
ел по горло. вышел с креном
В дверь скрывая естество
Когда еда ключом вскипает
в могиле бомбы живота
кровь по жилам протекает
в тканях тела зашита
румянцем на щеке горит

в пульсе пао пуо по
пеньди пюньди говорит
бубнит в ухе по по по
я же слушаю жужжанье
из небес в моё окно
Это ветров дребезжанье
миром создано давно.
тесно жить. покинем клеть.
будем в небо улететь.

(машет примусом).

Небо нябо небобй
буби небо не скоби
кто с тебя летит сюда?
небанбанба небобей!
Ну ка небо разбебо

Хлебников (проезжая на коне) - пульси пельси непопей!

Утюгов - Всадник что ты говоришь?
Что ты едишь?
Что ты видишь?
Что ты? Что ты —
всадник милый говориш?
Мне холмов давно не видно
сосен, пастбищь и травы
может всадник ты посмотришь
на природу своим глазом
я как житель современный
не способен знать каменья
травы, требы, труги, мхи
знаю только хи хи хи

Хлебников (проезжая на быке) - А ты знаешь небо утюгов?

Утюгов - Знаю небо — небо жесть
в жести части — счётом шесть.

Хлебников (проезжая на корове) -

Это не небо
это ладонь
крыша пуруша и светлый огонь.

Утюгов -

О! мне небо надоело
оно висит над головой.
Протекает если дождик
сверху по небу стучит
Если кто по небу ходит
небо громом преисполненно
и кирпичные трясутся стены
и часы бьют невпопад
и льётся прадед пены
вод небесных водопад.
Однажды ветер шаловливый
унёс как прутик наше небо
люди бедные кричали
горько плакали быки.
Когда пастух глядел на небо
ища созвездие Барана
ему казалось будто рыбы
глотали воздух.
Глубь и голубь одно в другое
превращалось.
Созвездье Лебедя несло
руль мозга памяти весло.
Цветы гремучие всходили
деревья тёмные качались.
Пастух задумался.
— Конечно, думал он, — я прав
случилось что-то.
Почему земля кругом похолодела?
и я дыхание теряю
и всё мне стало безразлично.
Сказал и лёг в траву.
— Теперь я понял, — прибавил он.
Пропало небо.
О небо небо, то в полоску
то голубое как цветочек
то длинное как камыши

то быстрое как лыжи.
Ну человечество! дыши!
Задохнимся, но всё же мы же
найдём тебя беглянку
не скроешься от нашей погони!
Сказал. И лёг в землянку
сложив молитвенно ладони.

Хлебников (проезжая на бумажке) И что же небо возвратилось?

Утюгов - Да, Это сделал я.
Я влез на башню
взял верёвку
достал свечу
поджёг деревню
открыл ворота
выпил море
Завёл часы
сломал скамейку
и небо пятясь по эфиру
тотчас же в стойло возвратилось.

Хлебников (скача в акведуке) — А ты помнишь: день-то хлябал.
А ты знаешь: ветром я был.

Утюгов (размахивая примусом) — Бап боп батурай!
Держите этого скакуна!
Держите он сорвёт небо!
Кокен, фокен, зокен, мокен!

Из открытых пространств слетал тихо земляк держа под мышкой Лебедя.

Земляк подлетает к крышам. На одной из крышь стоит женская стату́я. Она хватает земляка и делает его тяжёлым.

Земляк смотрит в небеса, где он только что был.

Земляк - Вон ведь откуда прилетел!

Утюгов (высовываясь из окна). Вам не попадался скакун?

Земляк - А каков он из себя?

Утюгов - Да так знаете вот такой, с таким вот лицом.

Земляк - Он скакал на карандаше?

Утюгов - Ну да да да — это он и есть! Ах, зачем вы его не задержали! Ему прямая дорога в Г. П. У. Он... я лучше умолчу. Хотя нет, я должен сказать. Понимаете? я должен это выговорить. Он, этот скакун, может сорвать небо.

Земляк - Небо? Ха ха ха! и! е! м. м. м. Фо фо фо! гы гы гы. Небо сорвать! А? Сорвать небо! Фо фо фо! Это невозможно. Небо гы гы гы, не сорвать. У неба сторож, который день и ночь глядит на небо. Вот он! Громоотвод. Кто посмеет сорвать небо, того сторож проткнёт. Понимаете?

Утюгов - А что это ды держите под мышкой?

Земляк - Это птичка. Я словил её в заоблачных высотах.

Утюгов - Постойте, да ведь это кусок неба!
Караул! Бап боп батурай!
Ребята держи его!

На зов Утюгова бежали уже Николай Иванович и Аменхотеп. Ибис в руках Николая Ивановича почувствовал облегчение, что никто не рассматривает его устройство под хвостом, и наслаждался ощущением передвижения в пространстве, так как Николай Иванович бежал довольно быстро.

Ибис сощурил глаза и жадно глотал встречный воздух.

— Что случилось? Где! Почему?! — кричал Николай Иванович.

— Да вот, кричал Утюгов — этот гражданин спёр кусок неба и уверяет что несёт птицу.

— Где птича? что птича? — суетился Николай Иванович. — Вот птица! — кричал он тыча ибиса в лицо Утюгова.

Земляк же стоял у стены, крепко охватив руками Лебедя и ища глазами куда бы скрыться.

— Разрешите, — сказал Аменхотеп, я всё сейчас сделаю. Где вор? Вот ведь время-то. А? Только и слышешь что там скандал, тут продуктов не додали, там папирос нет. Я знаете ли на Лахту ездил, так там дачники сидят в лесу и прямо сказать стыдно что там делается. Сплошной разврат.

— Кокен фокен зокен мокен! — не унимался Утюгов. — Что нам делать с вором? Давайте его приклеем к стене. Клей есть?

— А что с ним долго церемониться, — сказал проходящий мимо столяр сезонник похлёбывая на ходу одеколонец. — Таких бить надо.

— Бей! бай! Бап боп батурай! — крикнул Утюгов.

Аменхотеп и Николай Иванович двинулись на Земляка.

Власть - Клох прох манхалуа.
Опустить агам к ногам!

(Остановка). Покой. Останавливается свет. Все кто спал — просыпаются. Между прочим просыпается советский чиновник Подхелуков. (На лице аккуратная бородка без усов). Подхелуков смотрит в окно. На улице дудит в рожок продавец керосина.

Подхелуков - Невозможно спать. В этом году нашествие клопов. Погляди как бока накусали.

Жена Подхелукова (быстро сосчитав сколько у неё во рту зубов, говорит со свистом).

— Мне уики-сии-ли-ао.

Подхелуков - Почему же тебе весело?

Жена Подхелукова (обнимая Аменхотепа). — Вот мой любовник!

Подхелуков - Фу, какая мерзость! Он в одних только трусиках.
(подумав) — и весь потный.

Аменхотеп испуганно глядит на Подхелукова и прикрывает ладошками грудь.

Власть - Фы а фара. Фо. (берёт земляка за руку и уходит с ним на ледник).

На леднике, на леднике
морёл сидит в переднике.

КаХаваХа.

Власть говорит: мсан клих дидубе́й
Земляк поёт: я вижу сон.
Власть говорит: ганглаў гех.
Земляк поёт: по сон цветок.
Власть говорит: своpми твокуц.
Земляк поёт: теперь я сплю.
Власть говорит: опусти агам к ногам.
Земляк лепечет: Лили бай.

Рабинович, тот который лежал под кроватями, который не мыл ног, который насиловал чужих жён, — открывает корзинку и кладёт туда ребёнка. Ребёнок тотчас же засыпает и из его головы растёт цветок.

Кухивика.

Опять глаза покрыл фисок и глина.
мы снова спим и видим сны большого
млина.

<24 июня> — 17 августа 1930 года.
Петербург.

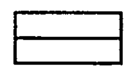
96

Двести бабок нам плясало
корки струха в гурло смотрели
тристо мамок лех воскинув
мимо мчались вососала
хон и кен и кур и по
всё походило на куст вербин
Когда верблюд ступает по доске
выгнув голову и четырнадцать рожек
а жена мохнаг фефила
жадно хлебает гороховый ключ
тут блещет муст.
пастух волынку
рукой солдатскою берёт
в гибких жилах чуя пынку
дыню светлую морёт
дыня радостей валиса
гроб небес шептун земли
змёзды выстрое колёса
пали в трещину
пали звёзды
пали камни
пали доги
пали веки
пали спички
пали бочки
пали великие цветочки.

волос каменного смеха
жир мечтательных полётов
конь бесдонного мореха
шут вороного боя
крест кожанных переплётов
живот роста птиц и мух
ранец Лилии жены тюльпана
дом председателя наших и ваших
всё похоже на суповую кость.

19 августа 1930 года.

97
ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ К ИМЯНЕМ МОИМ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ

дочь дочери дочерей дочери Пе
дото яблоко тобой откусив тю
соблазняя Адама горы дото тобою
любимая дочь дочерей Пе.
мать мира и мир и дитя мира су
открой духа зерна глаз
открой берегов не обернутися
головой тю
открой лиственнице со престолов
упадших тень
открой Ангелами поющих птиц
открой воздыхания в воздухе
рассеянных ветров
низзовущих тебя призывающих тебя
любящих тебя
и в жизни жёлтые находящих тю.

баня лицов твоих
баня лицов твоих
дото памяти открыв окно огляни
расположенное поодаль
сосчитай двигающееся и неспокойное
и отложи на пальцах неподвижные те
те неподвижные дото от движения
жизнь приняв
к движению рвутся и всё же в покое
снут
или быстрые говорят: от движения
жизнь
но в покое смерть

Начало и Власть поместятся в плече
твоём
Начало и Власть поместятся во лбу
твоём
Начало и Власть поместятся в ступне
твоей

но не взять тебе в руку огонь и стрелу
но не взять тебе в руку огонь и стрелу
дото лестница головы твоей
дочь дочери дочерей дочери Пе.

о фы лилия глаз моих
Фе чернильница щёк моих
трр ухо волос моих
радости перо отражения свет вещей
моих
ключ праха и гордости текущей лонь
молчанию прибежим люди страны
моей
дото миг число высота и движения
конь.

об вольности воспоём сестра
об вольности воспоём сестра
дочь дочери дочерей дочери Пе
имянинница имяни своего
ветер ног своих и пчела груди своей
сила рук своих и дыхание моё
неудобозримая глубина души моей
свет поющий в городе моём
ночи радость и лес кладбища времён
тихостоящих
храбростью в мир пришедшая и
жизни свидетельница
приснись мне.

21 августа <1930>.

98
МЕСТЬ

писатели: мы руки сложили
закрыли глаза
мы воздух глотаем
над нами гроза
и птица орёл
и животное лев
и волны морёл
мы стоим обомлев

апостолы: воистину бе
начало богов
но мне и тебе
не уйти от оков
скажите писатели
еф или Ка.

писатели: небесная мудрость
от нас далека.

апостолы: Ласки век
маски рек
баски бег
человек.

Это ров
это мров
это кров
наших пасбищ и коров.

Это лынь
это млынь
это клынь
это полынь.

писатели: Посмотрите посмотрите
поле светлое лежит
посмотрите посмотрите
дева по полю бежит
посмотрите посмотрите
дева ангел и змея.

апостолы: огонь
воздух
вода
земля.

фауст: а вот и я.

писатели: мы не медля отступаем
отступаем. наши дамы
отступают. и мы сами отступаем
но не ведаем куда мы

фауст: какая пошлость!
вот в поле дева.
пойду к ней.
Она влево.
Дева стой!
Она вправо
Ну какая она глупая право!

писатели: а вы деву поманите
погади-ка погади-ка
каво надо прогоните
уходи-ка уходи-ка.

фауст: мне свыше власть дана
я сил небесных витязь
а вы писатели урхекад сейче!
растворитесь!

писатели: мы боимся мы трясёмся
мы трясёмся мы несёмся
Мы несёмся и трясёмся
но вдруг ошибёмся.

фауст: я поглядев на вас нахмурил брови
и вы почуяли моё кипенье крови
смотрите сукины писатели
не пришлось бы вам плясать ли
на раскалённой плите.

писатели: мы те те те те те те
те теперь всё поняли
почему вы так свирепы
не от нашей вони ли?

фауст: что-с?
да как вы смеете меня за нюхателя
считать?
идите вон. умрите.
а я останусь тут мечтать
один о Маргарите.

писатели: мы уходим мы ухидем
мы ухудим мы ухядем

мы укыдим мы укадем
но тебе бородатый колдун здорово
нагадим.

фауст: я в речку кидаюсь
но речка шнурок
за сердце хватаюсь
а сердце творог
Я в лампу смотрюся
но в лампе гордон
я ветра боюся
но ветер картон.
Но ты Маргарита
ни ни и не не
как сон Маргарита
приходишь ко мне
усы молодые
колечками вьются
и косы златые
потоками льются
глаза открывают
небесные тени
и взглядом карают
и жгут и летени
стою к Маргарите
склоняя мисон
но ты Маргарита
и призрак и сон.

маргарита: в легком воздухе теченье
столик беленький летит
ангел пробуя печенье
в нашу комнату глядит
милый Фридрих Фридрих милый
спрячь меня в высокий шкап
чтобы чорт железной вилой
не пронзил меня куда б
встань послушный встань любезный
двери камнем заложи
чтобы чорт водой железной
не поймал мои ножи
для тебя покинув горы

я пришла в одном платке
но часы круглы и скоры
быстры дни на потолке
мы умрём. потухнут перья
вспыхнут звёзды там и тут
и серьезные деревья
над могилой возрастут.

фауст: что слышу я?
как будто бы фитиль трещит
как будто мышь скребёт
как будто таракан глотает гвоздь
как будто мой сосед
жилец судьбою одинокий
рукой полночной шарит спичку
и ногтем сволочь задевает
стаканы полные воды
потом вздыхает и зевает
и гладит кончик бороды
иль это облаками окружённая
сова сном сладким поражённая
трясти крылами начала
иль это в комнате пчела
иль это конь за дверью ржёт
коня в затылок овод жжёт
иль это я в кафтане чистом
дышу от старости со свистом

маргарита: над высокими домами
между звёзд и между трав
ходят ангелы над нами
морды сонные задрав
выше стройны и велики
воскресая из воды
лишь архангелы владыки
садят Божии сады
там у Божьего причала
(их понять не в силах мы)
бродят светлые Начала
бестелесны и немы

апостолы:
выше спут Господни Власти
выше спут Господни Силы
Выше спут одни Господства
мы лицо сокроем князь
ибо формы лижут Власти
ибо гог движенья Силы
ибо мудрости Господства
<в дыры неба ускользают>
радуйтеся православные
языка люди
хепи дадим дуб Власти
хепи камень подарим Силе
хепи Господству поднесём время
и ласковое дерево родным тю

бог:
куф куф куф
Престол гелинеф
Херуф небо и земля
Сераф славы твоея

фауст:
я стою
вдали вблизи
лоб в огне
живот в грязи
летом жир
зимою хлод
в полдень чирки
кур кир кар
льётся время
спит арон
стонут братья
с трёх сторон
летом жир
зимою хлод
в полдень чирки
кур кир кар
вон любовь
бежит груба
ходит бровь
дрожит губа
летом жир
зимою хлод

в полдень чирки
кур кир кар
я пропал
среди наук
я комар
а ты паук
летом жир
зимою хлод
в полдень чирки
кур кир кар
дайте ж нам
голов кору
ноги суньте
нам в нору
летом жир
зимою хлод
в полдень чирки
кур кир кар
маргаритов
слышен бег
стройных гор
и гибких рек
летом жир
зимою хлод
в полдень чирки
кур кир кар

апостолы: мы подъемлем бронь веков
ландыш битвы рать быков

писатели: небо тёмное стоит
птицы ласточки летят
колокольчики звенят.

фауст: вспомним старцы Маргариту
пруд волос моих, ручей
ах увижу ль Маргариту
кто поймет меня?

апостолы: свечей
много в этом предложеньи
сабель много на зото

нет ни страха ни движенья
дай тарелку.

фауст: гото-
во Олег трубит
собаки
хвисты по ветру несут
львы шевелятся во мраке.
где кувшин — вина сосуд?

писатели: в этом маленьком сосуде
есть и проза и стихи
но никто нас не осудит
мы и скромны и тихи.

фауст: Я прочитал стихи
прелестно

писатели: благодарим.
нам очень лестно

фауст: Стихи прекрасны и певучи.

писатели: ах бросте
это слов бессмысленные кучи

фауст: Ну правдо
есть в них и вода
но смыслов бродят сонные стада
любовь торжественно воспета
вот например стихи:
"в любви друзья куда ни глянь
всюду дрынь и всюду дрянь"
слова сложились как дрова
в них смыслы ходят как огонь
посмотрим дальше. вот строфа:
"к дому дом прибежал
громко говоря
чей-то труп в кровати лежал
возле фонаря
а в груди его кинжал
вспухнул как слюда

я подумал — это труп
и бросая дым из труб
я пришёл сюда"
Это смыслов конь.

писатели: мы писали сочиняли
рифмовали кормовали
пермадули гармадели
фои фари погигири
магафори и трясли

фауст: Руа рео
кио лау
кони фиу
пеу боу
мыс мыс мыс
вам это лучше известно.

22-24 августа <1930>

99

лоб изменялся
рог извивался
лоб кверху рос и лес был нос
и рог стал гнуться
рог стал гнуться
стал гнуться
а лоб стал шире и кофа был гриб
а рог склонялся
из прямого стал кривым
чем выше и шире лоб
тем кривее рог
и что бы это значило
что рог стал кружочком
а лоб стал мешочком
Ау! Ау! лоб очень высокий
и рог сосал его жевительные соки.

22 октября 1930 года.
Д. Х.

100

Где ж? Где ж? Где ж? Где ж?
Полубог и полуплешь
Ой люди не могу!
Полубог и полуплешь!

Ты-с Ты-с Ты-с Ты-с
хоть и жид, а всё же лыс
Ой люди не могу
хоть и жид, а всё же лыс

Их! Их! Их! Их!
тоже выдумал жених!
Ой люди не могу
тоже выдумал жених!

Ты б Ты б Ты б Ты б
лучше б ездил на балы б
Ой люди не могу
лучше б ездил на балы б

Там-с Там-с Там-с Там-с
Забавлял бы плешью дам-с
Ой люди не могу
Забавлял бы плешью дам-с.

Мы ж Мы ж Мы ж Мы ж
все же знаем что ты рыж
Ой люди не могу
все же знаем что ты рыж

Мне ж Мне ж Мне ж Мне ж
Надоела полуплешь
Ой люди не могу
Надоела полуплешь.

9 ноября 1930 года

101
РАДОСТЬ

Мыс Афилей - не скажу что
и в чём отличие пустого разговора
от разговора о вещах текучих
и даже лучше о вещах такого рода
в которых можно усмотреть
причину жи<з>ни времяни и сна.
Сон — это птица с рукавами
А время — суп высокий, длинный и
широкий
А жизнь — это времяни нога
Но не скажу что можно говорить
об этом
и в чём отличие пустого разговора
от разговора о причине
сна, времяни и жизни.
Да время — это суп кручины
А жизнь — дерево лучины
А сон — пустыня и ничто.
Молчите.
в разговоре хоть о чём-нибудь
всегда присутствует желание
сказать хотя бы что-нибудь
И вот в корыто спрятав ноги
воды мутные болтай
мы весёлые как боги
едем к тёте на Алтай.

Тётя - Здравствуй здравствуй
путьша пегий
уж не ты ли путник тут
хучешь буквам абевеги
из чернил приделать кнут.
Я старуха ты плечо
я прореха ты свеча
то то будет горячо
поли в ухо моряча

Мыс Афилей - Не вдаваитесь
а вдавейтесь

не пугайтесь
а пугейтесь
всё настигнет естега
есть и гуки и снега.

Тётя - Ну ползи за воротник
ты рудник и ты крутник.

Мыс Афилей - А ты тётя не хиле
ты микука на хиле.

Тётя - врозь и прямо и вседней
мокла радости видней
хоть и в Библи был потоп
но не тупле а в котоп.

Мыс Афилей - Хваду глевла говори
кто сказали главари
медень в оципе галдай
или гландие отгада

Тётя - Я старуха без очков
не видать мне пяточков
вижу в морде бурачёк
ну так значит пятачёк.

Мыс Афилей - ты старуха не виляй
коку маку не верти
покажу тебе гуляй
будешь киснуть взаперти
Где контыль? и где монтыль?
где двудлинная мерла?

Тётя (трясясь) - Ойде люд не бундыль
я со страху померла.

Мыс Афилей (доставая карандаш) - Прочь прочь прочь
отойди
тётя радости река
назем вилы поклади
пожалейте моряка.

Тётя - Ты не ври и не скуври
вижу в шиле шушность я
ты мой дух не оскверни
потому что скушность я.

Мыс Афилей - Потому чо скушность я.

Тётя - Е еда мне ни к чему
ешь и ешь и ешь и ешь
ты подумай почему
всё земное плешь и греш

Мыс Афилей (подхватывая) - Это верно плешь и греш
когда спишь тогда не ешь
когда еш тогда не спишь
когда ходишь, то гремишь.
а гремишь так и бежишь
но варенье не еда
сунешь ложку в рот, глядишь
надо сахару.
Беда!

Тётя - Ты гордыни печенек
полон ласки полон нег
приласкай меня за грудь
только сядем где-нибудь.

Мыс Афилей - Дай мне руку и цветок
Дай мне зубки и свисток
Дай мне ножку и графин
Дай мне брошку и парафин.

Тётя - Ляг и спи и види сон
бодто в поле ходит слон
нет не слон, а доктор Булль
он несёт на палке нуль
только это уж не по
уж не поле и не ле
уж не лес и не балко
не балкон и не чепе
не чепец и не свинья
Только ты, да только я.

Мыс Афилей - Ах как я рад и счастлив
тётя радости река
тётя слива между слив
пожалейте моряка.

Тётя - Ну влепи мне поцелуйчик
прямо в соску и в ноздрю
мой бубенчик херувимчик
на коленки посади
сбоку шарь меня глазами
а руками позади.

Мыс Афилей - Это тётя хм чудная
осенила тебя мысль
Что ты смотришь как Даная
мне в глаза ища блаженство
что твердишь ты мне "одна я
для тебя пришла с вершины
Сан-Бернара тьпфу! Алтая
принесла тебя аршины".

Тётя - Ну аршины так аршины
Ну с вершины так с вершины
дело в том что я нагая.
Любит кто тебя другая?

Мыс Афилей - Да другая и получше
и получше и почище
посвежей и помоложе

Тётя - Боже! Боже! Боже! Боже!

Мыс Афилей (переменив носки) - Ты сама пойми я молод
молод свеж, тебе не пара
я ударю будто молот
я дышу и много пара.

Тётя - Я одна дышу как рота
но в груди моей мокрота
я ударю как машина
куб навылет в пол-аршина.

Мыс Афилей - Верно вижу ты упряма
тётя радости река
тётя мира панорама
пожалейте моряка.

Тётя - Погляди ведь я рыдая
на коленях пред тобой
я как прежде молодая
с лирой в пальцах и трубой.

Мыс Афилей (прыгая от счастья) - То-то радости поток
Я премудрости моток!

11 ноября <1930>

102

Фадеев Калдеев и Пепермалдеев
однажды гуляли в дремучем лесу
Фадеев в цилиндре Калдеев в
перчатках
А Пепермалдеев с ключом на носу

Над ними по воздуху сокол катался
в скрипучей тележке с высокой дугой
Фадеев смеялся, Калдеев чесался
а Пепермалдеев легался ногой

Но вдруг неожиданно воздух надулся
и вылетел в небо горяч и горюч
Фадеев подпрыгнул Калдеев согнулся
А Пепермалдеев схватился за ключ

Но стоит ли трусить подумайте сами
Давай мудрецы танцовать на траве
Фадеев с кардонкой Калдеев с часами
а Пепермалдеев с кнутом в рукаве

и долго веселые игры затеяв
пока не проснутся в лесу петухи

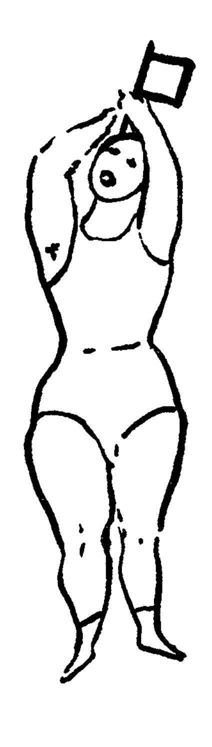
Фадеев Калдеев и Пепермалдеев
смеялись хаха, хохохо, хи-хи-хи!

18 ноября 1930 года.

103

всякую мысль оставь
всякое дело забудь
мир от тебя отвернётся
мы же на помощь придём.

<Ноябрь 1930>.

104

Ревекка Валентина и Тамара
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем

Толстушка, Коротышка и Худышка
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем!

Ах если б обнялись они, то было б
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем как три грации совсем

Но если бы и не обнялись бы они то
даже так
Раз два три четыре пять шесть семь
Совсем совсем три грации совсем.

<Ноябрь 1930>

105

был он тощь высок и строен
взглядом женщин привлекал
ел по-барски и порой он
изумительно икал.

ну она была попроще
тоже стройна и тонка

духом немка, с виду мощи
ростом вверх до потолка.

раз в писательской столовой
две склонились головы
подовившись лбом коровы
оба умерли увы.

но забыть они могли ли
друг про друга? Это вра-
ки! Покойники в могиле
оба встретились Ура

Тут она сказала: Боже
как покойник пропищав
и в могиле ты всё тоже
так же гнусен и прыщав

он ответил зеленея:
дух свободен от прыщей
ты же стала лишь длиннее
и глупея и тощей.

Но она сказала: Знаешь
будь рябым и будь немым
будь бесплотным понимаешь
ты мне душка м м м

О! вскричал он. Ты мне душка!
Что за чудный оборот!
Ты царица! ты индюшка
"Аромат" наоборот!

<Ноябрь 1930>

106

Неужели это фон
Пантелей сказал угрюмо
неужели это пон

Каблуков сказал увы
на плечах его висело
три десятых головы

Пантелей вскричал урча
не губите этот ландыш
я племянник сюргуча

я висел прибит к волам
те паслись на Москворечьи
вдруг жестянка пополам

О промолвил Каблуков
сунув лампу под кровать
я конечно не таков

Густо кругло полно врать
всё похоже на ковыль
прокричала громко мать.

Каблуков сказал увы
на плечах его висело
три десятых головы.

Тут вошла его жена
с петухом на подбородке
в сапоги наряжена

Каблуков сказал ги ги
ты не думай о платенцах
ты себя побереги

за окошком хлопал ветер парусин
в это время из комода
вышел заяц керосин

Пантелей сказал пупу
под ногами Пантелея
все увидели крупу

Каблуков сказал увы
на плечах его висело
три десятых головы

мать воскликнула ва ва
вместо рук её болтались
голубые рукава.

А жена сказала хом
все увидели внезапно
подбородок с петухом.

Ноябрь <1930>

107

Кулундов: Где мой чепец? Где мой чепец?

Родимов: Надменный конь сидел в часах

Кулундов: Куда затылком я воткнусь?

Родимов: За ночью день, за днём сестра.

Кулундов: Вчера чепец лежал на полке
сегодня он лежал в шкапу

Родимов: Однажды царь, он в треуголке
гулял по Невскому в плаще.

Кулундов: Но где чепец?

Родимов: И царь смеялся
когда машинку видел он
в кулак торжественный смеялся
царицу зонтиком толкал.

Кулундов: Чепец в коробке!

Родимов: Царь хранил
своё величье вековое
Сафо двумя пальцами курил
пуская дым.

Кулундов: А? Что такое?
Скажите, где мой шарф?

Родимов: Скакал извозчик.
Скакал по правой стороне.
Кричал царю: сойди с дороги
не то моментом задавлю!
Смеялся царь склонясь к царице.

Кулундов: Простуда в горло попадёт
поставлю вечером горчичник.

Родимов: И крикнул царь: какой болван!
На мне тужурка из латуни
а на царице календарь.
Меня так просто не раздавишь
царицу санками не сдвинешь
и в доказательство мы ляжем
с царицей прямо под трамвай.

Кулундов: Потом советую, сам-друг Кулундов
одень шерстяную рубашку.
На двор Кулундов не ходи
но поцелуй свою мамашку.

Мамаша: Нет, нет, избавь меня Кулундов.

Родимов: И вот вздымая руки к небу
царь и царица на рельсы легли
и взглядом и пушкой покорны Канебу
большие солдаты царя стерегли.
Толпа на Невском замерла
неслась милиция скачками
но птица в воздухе стрела
глядела чудными зрачками.
Царь встал.
Царица встала.
все вздохнули.
Царь молвил: накось выкуси!
Царица крикнула: мы победили!
Канеб сказал: мы льнём к Руси.
вдали солдаты уходили.

Но вдруг извозчик взял и ударил
кнутом царя и царицу по лицу.
Царь выхватил саблю
и с криком: смерть подлецу!
пустился бегом по Садовой.
Царица рыдала. Шумела Нева.
Народ волновался на битву готовый.

Кулундов: Ну прощайте мамочка
я пошёл на Карповку.

Мамаша: Два поклона дедушке.

Кулундов: Хорошо, спасибочки.

Родимов (один): Да, министр Пуришкевич
был однажды на балу
громко музыка рычала
врали ноги на полу.
дама с голыми плечами
извивалась колбасой
генерал для развлеченья
шлёпал пятками босой.
Царь смеялся над царицей,
заставлял её в окно
для потехи прыгнуть птицей
или камнем всё равно.
Но царица для потехи
в руки скипетор брала
и колола им орехи
при помощи двухголового орла.

Голова на двух ногах (входя): Родимов ты заврался.
Я сам бывал на вечеринках
едал индеек в ананасах
видал полковника в лампасах.
Я страсть люблю швырять валета,
когда летит навстречу туз
когда сияет эполета
и над бокалом вьётся ус.
Когда смугла и черноброва

к тебе склоняется княжна
на целый мир глядя сурово
С тобой как с мальчиком нежна.
Люблю когда зарю почуя
хозяин лампу тушит вдруг
и гости сонные тоскуя
сидят безмолвные вокруг.
Когда на улице светая
летают воздухи одни
Когда проходит ночь пустая
и гаснут мёртвые огни.
Люблю Родимов! Нет спасенья!
В спасенье глупые слова!
Вся жизнь только воскресенье!

Родимов: Молчи пустая голова!

Алерих, готский король:

видел я в долинах Рога
мчался грозный Ахерон
он глядел умно и строго
точно ехал с похорон
то долина то гора
пролетали над водой
то карина то мара
сбоку хвостик золотой
Бог глядел в земную ось
всё как суп во мне тряслось
вся шаталась без гвоздей
геометрия костей.
тут открылся коридор
взвился дубом нашатырь
мне в лицо глядел кондор
тучи строгой поводырь
Эй душа колпак стихов
разом книги расплоди
сто простят тебе грехов
только в точку попади
Ну Родимов дай ладонь!

Родимов: На ладони скачет конь.

<13 декабря 1930>

108
ОН И МЕЛЬНИЦА

Он - Простите, Где дорога в Клонки?

Мельница - Не знаю.
шум воды отбил мне память.

Он - Я вижу путь железной конки.
Где остановка?

Мельница - Под липой.
там даже мой отец сломал себе ногу.

Он - Вот ловко!

Мельница - Ей Богу!

Он - А ныне ваш отец здоров?

Мельница - О да, он учит азбуке коров.

Он - Зачем же тварь
учить значкам?
Кто твари мудрости заря?

Мельница - Букварь.

Он - Зря, зря.

Мельница - Поднесите ка к очкам
мотылька.
Вы близоруки?

Он - Очень.
вижу среди тысячи предметов...

Мельница - Извините, среди сколька́?

Он - Среди тысячи предметов,
только очень крупные штуки.

Мельница - В мотыльке
и даже в мухе
есть различные коробочки
расположенные в ухе
на затылке — пробочки.
Поглядите.

Он - Погодите
Запотели зрачки.

Мельница - А что это торчит из ваших сапог?

Он - Стручки.

Мельница - Трите слева глаз направо

Он - Фу ты! треснула оправа!

Мельница - Я замечу вам: глаз не для
развлечений разных дан

Он - разрешите вас в бедро поцеловать
не медля

Мельница - Ах отстаньте хулиган!

Он - Вы жестоки. что мне делать?
Я ослеп. дорогу в Клонки не найду

Мельница - и конки
здесь не ходят на беду.

Он - вы обманщица.
вы недотрога.
И впредь моя нога
не переступит вашего порога.

всё

Даниил Хормс
26 декабря 1930 года.
Даниил Ххармс
28 декабря 1930 года.

109
ВИТАЛИСТ И ИВАН СТРУЧКОВ

живёт и дышет всякий лист, —
сказал однажды виталист.
И глупо превращать вселенную в
мешки,
Куда летит поток молекулярных точек,
не ведает рождённый есть,
где туча беленький платочек
задумала с подругой сесть
никто не знает. Всюду воля
отличная от нас. Но лишь
огонь приносит неба весть
Иван Стручков сказал: шалишь
мы всё перещупали, всё разложили
и вся вселенная на шиле
нашего разима острого.
и даже камень с острова
необитаемых просторов
живуч как боров.
и виталист был посрамлён.
Дурак, захлопни медальон!

Даниил Ххармс
28 декабря 1930 года.

110

боги наги
боги маги.

Если берег накинает
волю камнями швырять
в бомбе злоба закипает
боги наги
боги маги

Вон хитрец идет на кла...
о хитрец и копуцы...
Злая тень ему легла
вдоль щеки.

в его руке
виден штопор
о хитрец!
        боги наги
        боги маги

Если крышу сдёрнет вдруг
не смотри тогда наверх
чтобы пыль и штукатурка
не засыпали твой глаз
        боги наги
        боги маги

Лампа Саша ты карзина
не способная светить
тёмной ванне ты кузина
        боги наги
        боги маги

<1930>

111

Задумали три архитектора
Построить весёлый храм.
Собрали четыре архитектора
Деревяшек и всякий хлам.
И плотники воду носили ведёрками,
Вокруг архитектора шлялись
                                        пятёрками.

<1930>

112

тогда солдатик маленький
вздыхает горячо
он с ног снимает валеньки
кладёт их на плечо...

<1930>

113

видишь основание дома, на гальках
покоится с миром
и мягкий песочек основанию ложе.
Эта дверь с певучей пружиной вход,
а та с замком и латунной ручкой —
выход.

<1930>

114

для вас для вас
я был на юге
где турки ходят завернувшись в
ватные халаты.
где лошади, оскалив жёлтые зубы,
кусают яблоко и нахально смотрят на
караульного.

<1930>

115
СКАВКА

восемь человек сидят на лавке
вот и конец моей скавке.

1930

116

Я был у Шварца
слышал его стихи
он их читал стесняясь и краснея
о эти штучки, их видел во сне я
и не считал за полную удачу.

<1930>

117

Взяли фризовую шинель
пристрочили кант

положили на панель
вот и вышел музыкант.

<1930>

118
ТРЕТЬЯ ЦИСФИНИТНАЯ ЛОГИКА БЕСКОНЕЧНОГО НЕБЫТИЯ

Вот и Вут час.
Вот час всегда только был, а теперь
только полчаса.
Нет полчаса всегда только было,
а теперь только четверть часа.
Нет четверть часа всегда только было,
а теперь только восьмушка часа.
Нет все части часа всегда только
были, а теперь их нет.
Вот час.
Вут час.
Вот час всегда только был.
Вут час всегда только быть.
Вот и Вут час.

<1930>

119
ЗВОНИТЬЛЕТЕТЬ (ТРЕТЬЯ ЦИСФИНИТНАЯ ЛОГИКА)

1
Вот и дом полетел.
Вот и собака полетела.
Вот и сон полетел.
Вот и мать полетела.
Вот и сад полетел.
Конь полетел.
Баня полетела.
Шар полетел.
Вот и камень полететь.
Вот и пень полететь.

Вот и миг полететь.
Вот и круг полететь.
Дом летит.
Мать летит.
Сад летит.
Часы летать.
Рука летать.
Орлы летать.
Копьё летать.
И конь летать.
И дом летать.
И точка летать.
Лоб летит.
Грудь летит.
Живот летит.
Ой держите ухо летит!
Ой глядите нос летит!
Ой монахи рот летит!

2.
Дом звенит.
Вода звенит.
Камень около звенит.
Книга около звенит.
Мать и сын и сад звенит.
А. звенит
Б. звенит
ТО летит и ТО звенит.
Лоб звенит и летит.
Грудь звенит и летит.
Эй монахи рот звенит!
Эй монахи лоб летит!
Что лететь, но не звонить?
Звон летает и звинеть.
ТАМ летает и звонит.
Эй монахи! мы летать!
Эй монахи! мы лететь!
Мы лететь и ТАМ летать.
Эй монахи! мы звонить!
Мы звонить и ТАМ звинеть.

Д. Х.
<1930>

120

мы письма пишем в ночь друг другу
закинув плечи как солдат.
моё летит как ветер в Лугу,
твоё несётся в Ленинград
и лишь только путник в поле
наших писем видет бег
он стоять не в силах боле
тихо падает на брег.

<1930>

121

Пришла весна.
вздулись камни.
веселее стали нам дни.
пришла весна
тепло и камни
веселее стали нам дни.
Тут весна!
Кричали камни
и теплее стали нам дни
зачем весна
ложиться в камни
отдавайте только нам дни
Где весна?
Смотри на камни.
камням ночь отдай, а нам дни.
уходи весна под камни
на земле оставь лишь нам дни.

1930

122
ТУРКА — ТУРКА

1.
Утром рано на заре
ехал турка на горе
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

2.
Вот и феска и халат
турка любит шеколад
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

3.
Турка скачет в облака
дайте турке молока
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

4.
Турка скачет над рекой
милый турка дорогой
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

5.
Сверху звезды снизу мост
турка скачет во весь рост
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

6.
Здравствуй небо! Здравствуй ночь!
крикнул турка во всю мочь
летом гром
зимою снег
в полдень чирки
кур кир кар.

<1930>

123

Папа спит
и Лиза тоже
Иля дремлет во всю мочь
Я в окно взглянул. О Боже!
Там уж утро, а не ночь.

мне осталось только плюнуть
и раздеться и в кроват
спать и спать и спать и думать
только б десять не проспать

Кто ж энергией томимый
встанет раньше. Помоги
чтобы в десять с половиной
мне обуться в сапоги.

и заботами снедаем
вспом<н>и будучи в штанах
сам быть может за трамваем
будешь гнаться впопыхах

А быть может не догнав
перепрыгнув сто канав
за другим каким трамваем
ты помчишся впопыхах.

<1930>

124

Человек устроен из трёх частей,
Из трёх частей,
Из трёх частей,
Хэу ля ля
Дрюм дрюм ту ту
Из трёх частей человек.

Борода и глаз и пятнадцать рук,
И пятнадцать рук,
И пятнадцать рук,

Хеу ля ля
Дрюм дрюм ту ту
Пятнадцать рук и ребро

А впрочем, не рук пятнадцать штук,
Пятнадцать штук,
Пятнадцать штук,
Хеу ля ля
Дрюм дрюм ту ту
Пятнадцать штук, да не рук.

<1930>

125

Я вам хочу рассказать одно происшествие, случившееся с рыбой или даже вернее не с рыбой, а с человеком Патрулёвым, или даже ещё вернее с дочерью Патрулёва.

Начну с самого рождения. Кстати о рождении: у нас родились на полу... Или хотя это мы потом расскажем.

Говорю прямо:

Дочь Патрулёва родилась в субботу. Обозначим эту дочь латинской буквой М.

Обозначив эту дочь латинской буквой М, заметим, что:

1. Две руки, две ноги, посерёдке сапоги.
2. Уши обладают тем же, чем и глаза.
3. Бегать — глагол из под ног.
4. Щупать — глагол из под рук.
5. Усы могут быть только у сына.
6. Затылком нельзя рассмотреть, что висит на стене.

17. Обратите внимание, что после шестёрки идёт семнадцать.

Для того, чтобы раскрасить картинку, запомним эти семнадцать постулатов.

Теперь обопрёмся рукой о пятый постулат и посмотрим, что из этого получилось.

Если бы мы упёрлись о пятый постулат тележкой или сахаром или натуральной лентой, то пришлось бы сказать что: да, и ещё что нибудь.

Но на самом деле вообразим, а для простоты сразу и забудем то, что мы только что вообразили.

Теперь посмотрим, что получилось.

Вы смотрите сюда, а я буду смотреть сюда, вот и вы<й>дет, что мы оба смотрим туда.

Или, говоря точнее, я смотрю туда, а вы смотрите в другое место.

Теперь уясним себе, что мы видим. Для этого достаточно уяснить себе поотдельности, что вижу я и что видите вы.

Я вижу одну половину дома, а вы видите другую половину города. Назовём это для простоты свадьбой.

Теперь перейдёмте к дочери Патрулёва. Её свадьба состоялась ну, скажем, тогда-то. Если бы свадьба состоялась раньше, то мы сказали бы, что свадьба состоялась раньше срока. Если бы свадьба состоялась позднее, то мы сказали бы «Волна», потому что свадьба состоялась позднее.

Все семнадцать постулатов или так называемых перьев, налицо. Перейдем к дальнейшему.

Дальнейшее толще предыдущего
Сом керосинки толще.
Толще лука морской винт.
Книга толще тетради
а тетради толще одной тетради
Этот стол он толще книги
Этот свод он толще предыдущего
а предыдущий выше лука
Лук же меньше гребёнки
так же как и шляпа меньше кроватки
в которой может поместится
ящик с книгами
но ящик
глубже шляпы
шляпа мягче
нежели морской винт
но пчела острее шара.
Одинаково красиво
то что растёт по эту
и по ту сторону забора

Всё же книга гибче супа
ухо гибче книги
Суп желте<е> и жирнее чем лучинка
и тяжелее чем ключ.

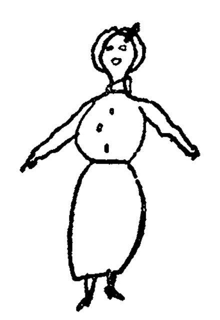
Утверждение:
У зайца вместо усов руки.
У папы на затылке фазан.
У магазина четыре кнопки.
У розалии одуванчик.
У сабли маканаш.
У газеты восемь знаков.
У меня хвост.
У тебя люлька.
У великанов шляпа.

Соединение:
Дом с клювом.
Дитя с татарином.
Корабельщик в керосине.
Тарелка без волос
ворона между сквозных чисел.
Шуба с треском по имяни Фофа.
Каля в безвыходном положении.
Румын из рукомойника.
Ангел ершов.

Побег:
Петух бежал из воды.
Жан бежал из бороды.
Гвоздь бежал из парафина.
кнутик прыгал из графина.
меч бежал из таракана.
Опыт ехал из-под стакана.
Астроном бежал из ваты
ключ лежал продолговатый.

Соединение.
Дом с клювом.
Дитя с татарином.
Корабельщик в керосине.
Тарелка без волос.

183

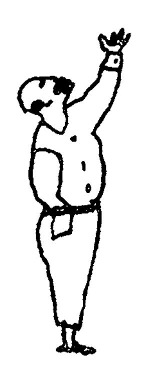

Ворона между сквозных чисел.
Шуба с треском по имяни Фофа.
Каля в безвыходном положении.
Румын из рукомойника.
Ангел Ершов.

Размышление.
Это не кузница, а ведро.
Это не рис, а линейка.
Это не перчатка, а заведывающий
складом.
Это не глаз, а колено.
Это не я пришёл, а ты.
Это не вода, а чай.
Это не гвоздь, а винт.
А винт это не гвоздь.
Мех не свет.
Человек с одной рукой не комната с
одним окном.
Туфли это не ногти.
Туфли это не почки.
Точно также и не ноздри.

Выводы.
Дочь Патрулёва отца Патрулёва дочь
Значит и дочь Патрулёва отца
Патрулёва дочь.
Коли так то и дочь Патрулёва отца
Значит и дочь Патрулёва отца.
Вот и дочь, а отец Патрулёв
Дочь Патрулёва, отец Патрулёв
Значит отец Патрулёвой дочери
Патрулёв
И никто не скажет что он Петухов
Это было бы противоестественно.

<1930>

126

Грянул хор и ходит басс
Бог с икон смотрел анфас
мы в молитвах заблудились
мы в младенцев превратились
наших рук и наших ног
думы слабые плелись
наших был и наших мог
в камни крепкие сплелись
мы живём и жуём
Богом сделанные травы
мы умрём и втроём
выйдем к Богу из дубравы
не с трубой, а с тобой
сядем к Богу на колени
будем петь и глядеть
как небесные олени
пробегают
на врага
устремив свои рога
как тигрицы и ехидны
на цветах сидят невидны.

<1930-1931>

127

Легкомысленные речи
За столом произносив
Я сидел, раскинув плечи,
Неподвижен и красив.

<1930-1933>

128

Убежали стрехи с плеч
Суним плечи хоть бы в печь
Суним звёзды хоть в мешок
Здревья царствия кишок:
То в кишке бежит водами
он со смехом сытый хлев

он в лицо подносит даме
незаметный муки гнев

Та глядит во все зрачки
в мысли тёмные значки
глаз унылых пятачки
смотрит дерзко сквозь очки
Сквозь меня просунут провод
Жалит в сердце милый овод
Смутно вижу образ подметальщицы
она с веником ходит меня волнуя
я вижу ты собираешься уходить.
Как жаль, что я не могу
пойти с тобой.

<1931>

129

один монах
стоял в пустыне
о альманах
тебя отныне
не узнаю.
Ужели ты
оставил келью
молитвы, деньги
и покой
ужели ты
на долг и зубы
махнул единственной рукой.
Однако руль
в твоей ладоне
боится пуль
святой погони
и дребежжит.
прощай монашек
твой лоб стакан
тебя согреет.
в густых колосьях
спасётся рожь
в твоих волосьях

родится вошь
Собачка гнид.
Ребёнку ясно
ужели можно
оставить сумрачное лето?
Когда летят к земле тревожно
цветы студента и валета.
И в миг
лишившись пуговиц
Наполеон
став голым вдруг произнёс:
отныне я хамелеон.
Ну кто поверит этим бредням
Я ли ты ли или он
или Марья или Федор
или сам наполеон?

<январь-май 1931>

130
ОНNЕ МЕЛЬНИЦА

сломались руки
упала ножка
вздохнули духи
блестела ложка
опять Андроний
стоял понурый
немного синий
немного бурый
под ним земля
звала свистела
собак души
сломалось тело
и в землю крак
легло вздыхая.
Андроний шел
ногой махая

<январь 1931>

131

милый чайник проглотив
тем хотел меня привлечь
милый выпий сикатив
отвечала я в ту речь

<январь 1931>

132

порою мил порою груб
неся топор шёл древоруб
чуть чуть светлее становилось
стая чашек проносилась
древоруба плакал дух
полон хлеба полон мух
и полон нечеловеческой тоски
от великого мученья
рвался череп на куски
в глазах застревала гребёнка
и древоруб заглядывал туда как это
положено
когда походкой жеребёнка
шла нина муфтой загорожена
ведя под ручку велосипед
шла нина к тане на обед
предчувствуя жаркого землю
была зима до этих пор
шёл древоруб и нёс топор
поглядывая в разные стороны
на крыше сидели вороны
и лисицы
и многие другие птицы

<январь 1931>

133

и птичка горько плачет
в чернильнице своей
фир фир мур мур
фир фир мур мур

та птичка соловей
и валятся дощечки
из птички на песок
и птичка уж не плачет
летит уже в лесок
горюешь моментально
ты птичка соловей —
такой бы быть хотелось
и девочке моей.

1 января 1931 года.
Даниил Ххармс.

134
АНДОР

мяч летел с тремя крестами
быстро люди все местами
поменялись и галдя
устремились дабы мяч
под калитку не проник
устремились на прямик
эка вылезла пружина
из собачей конуры
вышиною в пол аршина
и залаяла кры-кры
одну минуту все стояли
тикал в роще метроном
потом все снова поскакали
важно нюхая долото
пришивая отлетевшие пуговицы
но это было всё не то
когда сам сын, вернее мяч
летел красивый импопутный
подпрыгнет около румяч
руками склещет у ворот
воздушный голубец
потом совсем наоборот
ложится во дворец
и медленно стонет
шатая словарь
и думы палкой гонит:
прочь прочь бродяги

ступайте в гости к Анне Коряге
и думы глотая живого леща
топчат ногами колоши ища
волшебная ночь наступает
волшебная ночь наступает
волшебная кошка съедает сметану
волшебный старик долго кашляя
дремлет
волшебный стоит под воротами
дворник
волшебная шишка рисует картину:
волшебную лошадь с волшебной
уздечкой
волшебная птичка глотает свистульку
и сев на цветочек волшебно свистит
ах девочки куколки где ваши ленточки
у няни в переднике острые щепочки
ах девочки дурочки
полно тужить
холодные снегурочки
будут землю сторожить.

13-14 января <1931>

135
ОКНО

Школьница - Смотрю в окно
и вижу птиц полки

Учитель - Смотри в ступку на дно
и пестиком зёрна толки

Школьница - Я не могу толочь эти камушки
они учитель так тверды
моя же ручка так нежна

Учитель - Подумаешь какая княжна!
Скрытая теплота парообразования
должна быть тобой изучена.

Школьница - Учитель я измучена
непрерывной цепью опытов
пять суток я толку. И что же

окоченели мои руки
засохла грудь.
О Боже, Боже!

Учитель - Скоро кончатся твои муки
твоё сознание прояснится

Школьница - Ах, как скрипит моя поясница.

Учитель - Смотри чтоб ступка всё звенела
и зёрна щёлкали под пестиком
Я вижу ты позеленела
и ноги сложила крестиком.
Вот уж одинадцатый случай
припоминаю. Ах ты мать честная!
едва натужится бедняжка
уже летит холодный трупик.
Как это мне невыразимо тяжко!
Пока я влез на стул
и поправлял часы
чтоб гиря не качалась,
она несчастная скончалась.
недокончив образования.

Школьница - Ах дорогой учитель
я постигла скрытую теплоту
парообразования.

Учитель - Прости, но теперь я тебя расслышать
не могу
хотя послушал бы охотно
ты стала девочка бесплотна
и больше ни гу гу.

Окно - Я внезапно растворилось
Я дыра в стене домов
Сквозь меня душа пролилась.
Я форточка возвышенных умов.

всё

<15 марта 1931>

136

Короткая молния пролетела над кучей снега
зажгла громовую свечу и разрушила дерево.
Тут же испуганный баран
опустился на колени
Тут же пронеслись дети олени
Тут же открылось окно
и выглянул Хармс
а Николай Макарович и Соколов
прошли разговаривая о волшебных цветах и
числах.
Тут же прошел дух бревна Заболоцкий
читая книгу Сковороды
за ним шёл позвякивая Скалдин
и мысли его бороды
звенели. Звенела хребта кружка
Хармс из окна кричал один
где ты моя подружка
птица Эстер улетевшая в окно
а Соколов молчал давно
уйдя вперёд фигурой.
а Николай Макарыч хмурый
писал вопросы на бумаге
а Заболоцкий ехал в колымаге
на брюхе лёжа
а над медведем Скалдиным
летал орёл по имяни Серёжа.

<март 1931>

137
ОКНОВ И КОЗЛОВ

Окнов - всегда всегда в глубине политик
наука умеет много гитик.

Козлов - неправ ты дорогой товарищ
довольно мы с тобой кувыркались
и Федьку за ноги таскали.

Окнов - Погибнешь ты
печаль тоска ли
заполоснёт тебе мозги.

Козлов - Не вижу ни зги
в твоих речах.

Окнов - О ты несомненно зачах
читая газет скучную структуру.
вот и дождался с ума сошествия
в живот из головы
и по ногам
и в пятку.
Эй, где хвостик мысли?
А он уж в землю нырк.
Вот прыткий!

Козлов - Нет, давай по порядку
посмотрим раньше моих речей
открытки.

Окнов - В них я не вижу ни боба
пощади меня Боже Твоего раба,

Козлов - Да ты никак религиозный!

Окнов - Это вопрос очень серьозный.
Материя по-мойму дура
её однообразная архитектура
сама собой не может колебаться.
Лишь только дух её затронет робко
прочь отлетает движения пробка,
из тёмных бездн плывут жары акулы
в испуге мчатся молекулы
с безумным треском разбивается
вселенной яйцо
и мы встав на колени видим Бога
лицо.

Тот же кто в папахе рока
раб ума, слуга порока
погибает раньше срока

поражённый кочергой.
Поражённый кочергой.

Козлов - Скверно думаешь товарищ
и несёшь одну фасоль
революции пожарищ
Богом уши не мозоль.
Мало мы с тобой кувыркались
Федьку за ноги — фан...

(падает поражённый кочергой.)

Окнов - Как я его трахнул
Разом смолк.
А теперь, пока не поздно,
дам тягу в окно.

Окно - Я внезапно растворилось
я дыра в стене домов
мне всё на свете покорилось
я форточка возвышенных умов.

всё

весеннее равноденствие <22 марта> 1931 года

138
МОЛИТВА ПЕРЕД СНОМ 28 МАРТА 1931 ГОДА В 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Господи, среди бела дня
накотила на меня лень.
Разреши мне лечь и заснуть Господи
и пока я сплю накачай меня Господи
Силою Твоей.
Многое знать хочу
но не книги и не люди скажут мне это
Только Ты просвети меня Господи
путём стихов моих.
Разбуди меня сильного к битве со смыслами

быстрого к управлению слов
и прилежного к восхвалению имяни
Бога
во веки веков.

<28 марта 1931>

139
ВОДА И ХНЮ

Принадлежит Н. М. Олейникову.

Хню - Куда куда
спешишь ты вода?

Вода - Налево
там за поворотом
стоит беседка
в беседке барышня сидит
её волос черная сетка
окутала нежное тело
на переносицу к ней ласточка
прилетела
вот барышня встала и вышла в сад
Идёт уже к воротам.

Хню - Где?

Вода - Там за поворотом
барышня Катя ступает по травам
круглыми пятками
не левом глазу василёк
а на правом
сияет лунная горка
и фятками...

Хню - Чем?

Вода - Это я сказала по-водяному

Хню - Ой кто-то идёт к нам

Вода - где?

Хню - Там.

Вода - Это рыбак Фомка.
его дочь во мне утонула
он идёт побить меня камнем
давай лучше громко
говорить о недавнем.

Рыбак - Один я
из меня тянутся ветьви
грубые руки не могут поднять иголки
Когда я смотрю в море
глаза мои быстро слезятся
Я в лодку сажусь
но лодка тонет
Я на берег прыгаю
берег трясётся.
Я лезу на печь где жили мои деды
но печь осыпается
Эй товарищи рыбаки
что же мне делать?

(увидя Хню) - Неужто Хню?

Хню (молча) - Да это я.
А вот мой жених Никандр.

Никандр - люблю признаться, вашу дочь
и в этом вас прошу помочь
мне овладеть её невинностью
Я сам Бутурлинского края
девиц насилую играя
с ними в поддавки.
А вам в награду рыбачёк
я подарю стальной сачёк
и пробочные поплавки.

Рыбак - Шпасибо шпасибо!

Никандр - Лови полтину!

Вода - Какую мерзкую картину
я наблюдаю.

Старик поймал полтину в рот.
Скорей скорей за поворот
направлю свою струю звонкие.

Хню - Прощай, вода.
Ты меня не любишь?

Вода - Да, твои ноги слишком тонкие.
Я ухожу. Где мой посох?

Хню - Ты любишь чернокосых?

Вода - Жырк жырк
лю лю лю
журч журч
клюб
клюб
клюб.

всё

29 марта <1931>.

140

Здравствуй стол.
ты много лет поддерживал мою лампу и
книгу
а также разноцветные котлеты
Я под тобой ходил не нагибая головы
собирая подушечки мыслительных
коровок

безумный! что тебя толкнуло
всё сбросить на пол
что человек доверил твоему
благоразумию
постой деревянный негодяй

Ххоермс
15 апреля 1931 года

141
ЛАМПА О СЛОВАХ ПОДНОСЯЩИХ УКРОМНУЮ МУЗЫКУ

I
слава Богу кончен бой
лихорадки с молотком
удивили мы с тобой
в старом, тощем, никаком
государстве наших палок
победителя жену
кто был тучен кто был жалок
все разбиты в пух и прах
кое-кто глядел уныло
кое-кто играл во лбы
кое-кто внимал уныло
звукам редьки и польбы
кое-кто раздвинув руки
умирал всю ночь от скуки
кое-кто шептал молитву
кое-кто в подвал забился
кое-кто смотрел на битву
кое-кто богам молился
кое-кто в просторном фраке
шевелил усы во мраке
кое-кто с часами дрался
кое-кто фасадом крался
вынув нож из рукава
ну и ночка кокова
мне в окно глядели вещи
этих ужасов похлеще
мне в окно глядел сюргуч
грозен, красен и могуч
мне в окно мигая глупо
заглянула тётя лупа
мне в окно длинной с вершок
показался артишок
Я дрожал и я молился
на колени повалился
быстро двигая перстами
осенял себя крестами

вспоминал смешные книги
но бежали быстро миги
унося моё спасенье
наступило воскресенье
с незаметных потолков
пала ночи цепь оков
Я поднялся понемногу
оглянулся. Слава Богу
Кончен бой моих тревог
дети кушайте пирог.

16 апреля <1931>

142
ХНЮ

Принадлежит П. И. Соколову.

хню из леса шла пешком
ногами месила болота и глины
хню питалась корешком
рога ворона малины
или хню рвала побеги
весёлого хмеля туземца рощь
Боги ехали в телеге
ясно чувствовалась мощь
Богов наполненных соком лиан и
столетников нев
и мысль в черепе высоком лежала вся
окаменев
зубами щёлкая во мху
грудь выпятив на стяги
варили странники уху
летали голые летяги
подвешиваясь иными моментами на сучках
вниз головой
они мгновенно отдыхали, то подымая
страшный вой
в котёл со щами устремлялись
хватая мясо в красную пасть
то снигири летели в кучу нечиков

то медведь сидя на дереве и запустив когти
в кору чтоб не упасть
рассуждал о правосудии кузнечиков
то Бог в кустах нянчил бабочкину куколку
два волка играли в стуколку
таков был вид ночного свидригала
где хню поспешно пробегала
и думала считая пни сердечного биения
аскет в пустыне властелин
бомба в воздухе владычица
оба вместе лучшее доказательство
человеческого гения
пусть комета в землю тычется
угрожая нарушить бег нашей матери
и если пена п<о>дружка огня, на чёрном
кратере
выпустит мух с небесными каракулями на
лапках
мы гордо глядим на вулкан
и в папках
земных дел
отмечаем рукой астронома событие
способное закидать дредноут лепестками
черёмухи
мы превратили мир в народное увеселение
и всюду увеличили плотность населения.
ещё недавно кверху носом летал Юпитер
в 422 года раз, празднуя свои имянины
пока шутливая комета не проскочила в виде
миски
в хрустальном животе Глафиры
пропали быстро звёздные диски
исчезли тонкие эфиры
даже в пустынях арифметики не стало сил
аскету пребывать в одиночестве.

хню шла вперёд и только отчасти
скользила кверху гибким станом
сёл свет рек звон лесов шуршание
ежеминутно удалялись
хню пела. Чистые озёра
кой-где поблескивая валялись

то с шумом пролетал опасный овод
то взвизгивал меж двух столбов гремучий
провод
сидя на белых изоляторах. То лампы
освещали каменные кочки
ногам приятные опоры
в пути воздушного болота
Иной раз беленький платочек садился на
верхушку осины
то выли дерзкие моторы
в большие вечные ворота
хню хлопала в ладоши.
яркие холмы бросали тонкие стрелы теней
хню прыгала через овраги
и тени холмов превращали хню в тигрицу
хню рукавом смахнув слезинку
бросала бабочек в плетёную корзинку.

лежите бабочки и вы пеструшки
крестьянки воздуха над полевыми клумбами
и вы махатки и свистельки
и вы колдунки с бурыми бочками
и вы лигреи пружинками хоботков
сосите, милые, цветочные кашки
вы, меченосы военными лапами
бейте славянок
вы избачи с медалями ваших сражений на
плоскости крыльев
гряньте куркуру
вы портные с выкройками из газет
вспомните профессора Чебышева
и вы подосиновые грибы
станьте красными ключами
я запру вами корзинку
чтобы не потерять моё детство.

Хню к телеграфному столбу
для отдыха прислонилась
потухли щёки хню. Во лбу
окно стыдливое растворилось
в траве бежала змейка
высунув гибкое жало

в её глазах блестела чудная копейка
хню медленно дышала
накопляя растраченные силы
и распуская мускулов тугие баночки
она под кофточкой ощупывала груди
она вообще была прелестной паночкой
Ах если б знали это люди!

Нам так приятно знать прошедшее
приятно верить в утверждённое
тысячи раз перечитывать книги доступные
логическим правилам
охаживать приятно тёмные углы наук
делать весёлые наблюдения
и на вопрос: есть ли Бог? поднимаются
тысячи рук
склонные полагать, что Бог это выдумка.
Мы рады рады уничтожить
наук свободное полотно
мы считали врагом Галилея
давшего новые ключи
а ныне пять обэриутов,
ещё раз повернувшие ключ в арифметиках
веры
должны скитаться меж домами
За нарушение привычных правил
рассуждения о смыслах.
Смотри чтоб уцелела шапка
чтоб изо лба не выросло бы дерево
тут мёртвый лев сильней живой собаки
и право, должен я сказать, моя изба
не посещается гостями.
Хню отдохнув, взмахнула сильными костями
и двинулась вперёд.
вода послушно рас<с>тупилась
мелькали рыбы. Холодело.
хню глядя в дырочку молилась
достигнув логики предела

меня уж больше не тревожит
Земля ведущая беседу
о прекращении тепла

шептала хню своему соседу
меня уж больше не атакуют
пути жука точильщика
и гвозди больше не кукуют
в больших руках могильщика
и если бы все пчёлы вылетев из чемодана в
меня направили б свои тупые жала
то и тогда, поверьте слову, от страха вовсе
б не дрожала
ты права моя голубка
отвечает спутник ей
но земель глухая трубка
полна звуков ей же ей.
Хню ответила: я дурой
рождена сидеть в стогу
полных дней клавиатуры
звуков слышать не могу
и если бабочки способны слышать
потрескивание искр
в корнях репейника
и если жуки несут в своих котомочках ноты
растительных голосов
и если водяные паучки знают имя отчество
оброненного охотником пистолета
то надо сознаться, что я просто глупая
девочка.
Вот это так, сказал её спутник
всегда наивысшая чистота категорий
пребывает в полном неведении
окружающего.
и это, признаться, мне страшно нравится.

23 апреля 1931 года.

143
ОТ ЗНАКОВ МИГ

Морковь (вылетая из земли) - Я задыхаюсь в этих кучах
дай на воздухе побегаю
сорок лет жила я в бучах
не дружна была я с негою

Корни в землю уходили на много вёрст
Ой помогите же мне из ямы вылезти
на траву
дайте мне возможность посчитать
блага народов.
Что-то силен турок ропот
немцев с ангелами пререкания
слышу я французов опыт
земледельческих расчётов.
Англичан возмущение за травлю быка
в лодке смерти восхищение
заставило путника от смеха держаться
за бока.
Тут русских дела чище
к ним я кинусь учить азбуки.
Не сложна времён корзинка
быстрые формулы заменят нам иные
способы передвижения.

Всех Сын - Корень вырази ведение твоих
праотцов
им тучные гряды навеяли пророчество.
Многолетнее безделие развило в них
способность угадывать завтра.
Ты пасынок подземных жрецов
помнишь наверно мосты древних
песней.
Не говориться ли в них о нашествии
геометрических знаков?
мне это всех вопросов интересней.

Морковь - Как же как же
Совершенно не случайно
значки вырабатываются
правительствами.
Пятиконечную звезду никто не станет
вешать вверх ногами.
И плотник сам не ведает больших дел
своего труда.
Однако я спешу туда
Где свет вгоняет гвозди в лоб.

Всех Сын - Я за тобой помчусь
Ленивая дочь гряд
Смотри над облаками
летим с тобой подряд.
Сына пожалей
Подари меня улыбкой.
из верёвочки налей
слезу пущенную глыбкой.
Тут нет сомнения о случаях земного
верчения
она летит вокруг солнечного шара
без малейшего трения. В кольцах
пожара
гибнут мирные домики.
Я вижу зонтик стоит на верхушке
Меркурия
Это житель человек иных условий
он дышет лентами и всю жизнь
размышляет о вилке.

Морковь - Не завидую, не завидую.
Уж лучше в земле монахиней сидеть.

Всех Сын - Ага,
вот проблеск земножительницы ума.
Сидела б в грядке ты кума

Морковь - Скорей беги ко мне на подмогу
Илья веник чугавой!
пустим в верх его ко Богу
поднимает пусть он вой.
Хорошо говорить о правилах
пробыв на поверхности земной с
рождения.
Тебе голубок сравнивать-то не с чем.

Всех Сын - Смотри морковь наш спор затянется.
Ты сама ведь знаешь только одну
сторону дела.
Ты когда-нибудь в глаза горы глядела?

Морковь - Глядения Лебеди слишком ничтожны
и слуха корзины совсем не цари.
О чувствах я не говорю! о чувствах я
не говорю!
Ни осязание ни вкус
Ни обоняние ни слух
Ни зрение ни архидея
не спасут тебя верхопраха злодея.

Осязание - Моя лошадка плюговата
я то кумир то вата.

Обоняние - Мой тетерев сопляк
я ландыш, дереву земляк.

Вкус - добегу до глотки рьяно
начинаю излучать там
волны синие буяна.
Возбуждение бежит по мачтам
в центр мозговой.
Голос дружен с Иеговой.

Слух и зрение - Мы дочери лета
болонки балета
карты шеколадного пистолета.

Всех Сын - Пройдёт над миром пчела сладости
переживёт всех нас дух радости
Не вы ли чудная морковь
спешите в нашу кровь
увеселить биенье жил?
Я двадцать пять лет палкой жил
не зная слов владычество.
Христос однажды спас язычество
от нападения воздушных раков.
А я спасусь от пяти чувств
и от нашествия геометрических
знаков.

Морковь - Удаляюсь в край нетах
ваше здравие в летах

повторяю каждый миг.
Не сводите с неба книг.

всё.

8-10 мая 1931 года.

144

в миг
открыл я сто книг
найти желая средство
установить природу света
я шёл по кочкам малолетства
не видя дерева совета
моя верёвка разума
гремела по числам
глаза ездили по строчкам
собирая смыслов ком
от моих плечь отскакивали легкие
трости
я гнул с восторгом свои кости
над журналом жирной жизни
где журавли пользуясь рычагом
Архимеда
вытаскивают вёдра воды для варки
обеда.

10 мая 1931 года.

145

Дни дни клонились к вечеру
и утро было точно обрезано
отсутствовало при начале дня.
Сразу сразу зацветало солнце
поднимая растения в надземные
местности
раскрывая чашечки цветов
и заставляя воду из рек испаряться
в надземные местности
То человек спал видя сон

то сразу шёл в мохнатой войлочной
шапке
продавать своё имущество
или по иному какому делу
или просто удить рыбу приговаривая:
удись удись голубая сестра
День становился добрым
и вдруг на Неве грохотала пушка
называя полдень
так страшно неожиданно,
что на мосту два дровосека
подпригнули ударив тяжёлыми
сапогами по камню.
В эти дни дьявол разгуливал
по улицам в образе часовщика
предлагая свои услуги.

<28 июня 1931>

146

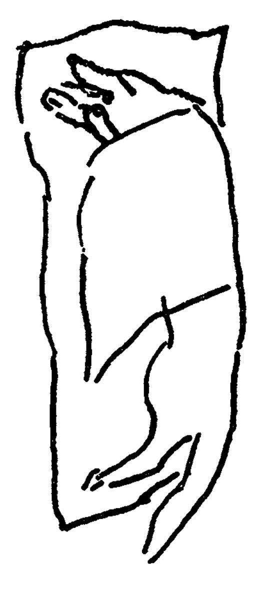
Однажды возвращаясь домой
с прогулки
Я шёл дорогой между двумя городами
насвистывая кое-какие поморские
песни
когда вдали показалась чухонка
молочница
Я сел в лопух и стал невидем
Высока трава Твоя Господи
она скрывает меня до плечь

<28 июня 1931>

147

Скажу тебе по совести
как делается наша мысль
как возникают корни разговоров
как перелетают слова от собеседника
к собеседнику.
Для этого надо молча просидеть
некоторое время

старaясь уловить хотя бы звездочку
чтобы было, как говорится, с чего
распутать свою шею
для поворотов очень приветливым
знакомым и незнакомым
собеседникам.
Поздоровавшись поднести хозяйке
горсть валунов
или иную припасенную ценность
в виде булавки или южного плода или
ялика
для прогулки по озеру в тихия
солнечныя погоды
которыми так скуп наш северный
климат
где весна приходит иной раз
с порядочными опозданиями
таким образом что ещё в июне месяце
комнатная собака спит укрывшись
одеялом
как человек — мужчина, женщина или
ребёнок
и всё же дрожит от озноба.
иной раз берёт просто злоба на
порядок смены
тепла и холода.
вот время луны то старо то молодо
во много яснее непонятной путаницы
погод
Учёные наблюдают из года в год
пути и влияния циклонов
до сих пор не смея угадать будит ли
к вечеру дождь
и я полагаю что даже Павел
Николаевич Филонов
имеет больше власти над тучами.
Кто хочет возразить, прошу
задуманное исполнить
для возражений умных или сильных
или страстных, своевременных и
божественных

я припас инструменты способные
расковырять любую мысль
собеседника.
Я всё обдумал взвесил пересчитал и
перемножил
и вот хозяйке подношу,
как дар пустынника,
для спора очень важный сбор
инструментов
Держите, милая хозяйка, мой подарок
и спорьте сколько вам угодно

28 июня <1931>

148

мне бы в голову забраться козлом
чтобы осмотреть мозгов устройство.
интересуюсь, какие бутылки
составляют наше сознание.
Вот азбука портных
мне кажется ясной до последней
ниточки
всё делается ради удобства движения
конечностей и корпуса.
Легко наклоняться в разные стороны
ничто не давит в живот
рёбра сжимаются и отпрыгивают сновь
как только представится к тому случай.
Мы несравненно лучше сделаны чем
наша одежда.
Портным не угнаться за гимнастами
одевающими себя в мускульные
сюртуки.
И способ гимнастов
мне ближе по духу.
Портной сидит поджавши ноги
руками же вертит ручку швейной
машины
или ногами вертит машинку, а руки
служат ему рулями
или же двигатель Сименс-Шуккерта

вращает маховое колесо, тычет
иголкой и двигает челноком.
Так постепенно сшиваются
отдельные части костюма.
Гимнасты же поступают иначе.
Они быстро наклоняются вперёд и
назад
до тех пор пока их живот не станет
подковой.
Руки вывёртывают
приседают на корточки
достигая этим значительного
утолщения своих мышц.
Этот способ конечно приносит
больше пользы.
Кто пробродив по городским садам
почувствует боль в пояснице
знай: это мускул живота старается
проснуться.
спеши домой и если можешь
пообедай.
Обед ленивым сделает тебя.
Но если нет обеда
ещё лучше съесть кусочек хлеба
это придает бодрость твоему духу.
А если нет и хлеба даже
то благодари приятель Бога
Ты Богом знать отмечен
для совершения великих подвигов.
Нельзя лишь испугаться.
Смотри внимательно в бумагу
Зови слова на помощь
и подходящие слов сочетанья
немедленно утолит желудочную
страсть.
Вот мой совет
произнеси от голода:
я рыба
в ящике пространства
рассуждаю о топливе наших тел
всякая пища попав на зуб

становится жиже выпуская соки
целебных свойств.
Бог разговаривает со мной
мне некогда жевать свиное сало
и даже молока винтовки белые
помеха для меня.
Вот мой фонарь и пища
вот голос моего стола, кушетки и
желища.
Вот совершенство Бога моего стиха
и ветра слов естественных меха.

<до июля 1931>

149

однажды Бог ударил в плечо
воскликнул я: ой горячо!
и в воду прыгнул остудиться
заглушать на теле зной
Я пробывал в воде молиться
сидел на солнце под сосной.

<Начало июля 1931>

150

То то скажу тебе брат от колеса не отойти
тебе
то то засмотришся и станешь пленником
колеса
то то вспомнишь как прежде приходилось
жить
да и один ли раз? может много
в разных обличиях путешествовал ты, но
забыл все
вот смутно вспоминаешь Бога
отгадываешь незнакомые причины по колесу
чуешь выход в степь, в луг, в море, но
живешь пока в лесу
где чудные деревья растут едва заметно
глазу

то голые стоят, то прячут ствол в зеленую
вазу
то закрывают небо лиственной падогой
где Херувиму поют над радугой
длинные песни приятные слуху
то совы кричат в лесу: у́ху! шу́ху!

Начало июля,
1931 года,
Даниэлъ Хаармсъ.

151

Узы верности ломаешь
от ревности сам друг хромаешь.
Та ускользнула в дверь с японцем
дверь тихо притворив
вошла стройна, нежданно солнцем
врачей унылых озарив.
мне ж предоставила помнить твоих
прогулок холод
Ах если б не сковал меня страх перед
женщиной и голод
и ревность не терзала б мне виски
я не испытывал бы той нечеловеческой
тоски.

18 сентября 1931 года.

152

Небеса свернуться
в свиток и падут на
землю; земля и вода
взлетят на небо;
весь мир станет
вверх ногами.
Когда ты всё это увидешь,
то раскроется и зацветет
цветок в груди твоей.
Я говорю: это конец
старого света, ибо я
увидал новый свет.

Я о, я сир, я ис
Я тройной, научи меня
чтению. Мы говорим
вот это я
Я
дарю тебе
ключ,
чтобы ты
говорил
Я.
Я возьму ключ,
когда, как учили нас
наши бабушки, найду
цветок папоротника,
который цветёт
только один раз в
год, в ночь накануне
Ивана Купала.

Но где ростёт этот
цветок? Он ростёт
в лесу под дерев<о>м
котороё стоит вверх
ногами.

Ты идёшь в большом
дремучем лесу, но
нет ни одного де<рева>
которое росло бы в<верх>
ногами. Тогда ты
выбери самое красив<ое>
дерево и влезь на него.

Потом возьми веревку привяжи
один
конец веревки к ветк<е>
а другой конец к своей
ноге. По<то>м спрыгни с
дере<ва>
и ты повиснешь кверх

ногами, и тебе будет видно,
что дерево стоит кверх
ногам<и>.

Когда ты пойдешь в лес
то посмотри раньше в окно
какая погода.

* * *

Вот я смотрю в окно и вижу
там кончается улица, там начинается
поле, там течёт речка, а там на
<берегу стоит дерево>.

Ноябрь 1931 года.

153

два студента бродили в лесу
в воду глядели дойдя до речки
ночью жгли костры отпугивать
хищников
спал один, а другой на дежурстве
сидел в голубой камилавочке
и бабочки
к нему подлетали
то ветерок
швырял в костёр пух пеночки
студент потягиваясь пел:
в костёр упала звездочка.

молча стояли вокруг медведи
мохнатой грудью дыша
и едва копашилась душа
в их неподвижном взгляде
но тихо сзади
шла, мягкими лапами ступая по
ельнику,
рысь
и снилось в лесу заблудившемуся
мельнику

как все звери стоя на холму глядели в
высь
где меж паров
горел костёр
на небе делая отметки
и ветки
шаловливого пламяни
играли серпом на знамяни
и дым и гарь болтаясь в воздухе
платком
висели чёрным молотком.

<1931>

154

ряд вопросов проносился
в виде легких петухов
я лежал. во мне струился
без конца речей грехов

I вопрос: почему телам небесным
(луны, звёзды и серпы)
по кривым бежать известным
дали волю?

Ответ небесных тел: потому что мы слепы.

II вопрос: Людям дан свободный выбор
либо дом, либо лоб.
Почему нам нет котыбр?

Ответ судьбы: Потому что людям гроб.

<1931>

155

Я знаю зачем дороги
отрываясь от земли
играют с птицами.
Мне хорошо известно
куда умирает солдат

крикнув последнее слово.
оловянные пуговицы его шинели
стали отметками
новопредставленного.
Тонкая веточка ветра
дует в могилу
солдат огромными взмахами рёбер
ловит воздушные колёса

вертящие кровь для продолжения
жизни.
Совсем не трудно высчитать
сколько раз в минуту бьётся сердце
врага и воина.
<Ещё> хотел бы я открыть вам способ
исследывать небесные балконы
в них маятник шестого времяни
кладет земные поклоны.
хочу вам указать на путь спасения

<1931>

156

Слава радости пришедшей в мой дом.
Слава радости приходящей в дом
когда меньше всего ждешь её.
Всё внезапно пока не придет
внезапная радость.
Тогда внезапное становится
долгожданным
а имя Господа моего звучит
ликованием.

<1931>

157

Идет высокий человек и ловко играет на
гармоне
Идут за ним четыре и молча его слушают
Но музыкант идет опять и пальцами танцует

За ним опять идут четыре совсем уже как
мертвые
Должно быть он совсем колдун играет тоже
самое
он по дороге в парк идет за ним четыре
следуют.
Я на скамейке просижу не больше месяца
ты на скамейке просидишь до самой
масляницы
он на скамейке просидит четыре праздника
мы на скамейке посидим у самой речки
вы на скамейке посидите возле речки
они сидят они как видно отдыхают
над ними бабочки над ними комары
дощатые порхают

Съезжаются гости

Чотвёртый гость: Каша подана.

Гость с опахалом: Кого поцеловать хозяйку или хозяина?

Часоточный гость: Ай батюшки! Я без рукавов!

Татьяна Николаович: Кхэ кхэ, я сегодня утром наболтала
муки в рот
и чуть чуть не подавилась.

Дядя Вопь: Ох молодежь пошла!

Хозяин: Идёмте гости на порог
есть лепёшки и творог
вот вам соль а вот вам грип
вот вам гвозди. Я охрип.

Гости: Не хотим еды, хотим танцы!

Хозяйка: Музыканты! Эть! два! ... три!

(Музыканты с размаха прыгают в воду).

Хозяйка: Эх, совсем не то вышло.

Часоточный гость: Нам что ли выкупаться?

восемь гостей хором: Ну вот тоже в самом деле!

Княгиня Манька – Дунька: Я господа вся в веснушках, да, а то была бы красавица... Честное слово!

Гость Фёдор: Гхе гхе с удовольствием

Солдат в трусиках: Разрешите вам княгиня Манька-Дунька поднести букет цветов.

Гость Фёдор: Или вот этот гребешок.

Солдат в трусиках: Или вот эту пылинку.

Гости: Тише! тише! слушайте!
Сейчас дядя Вопь расскажет анегдот.

Дядя Вопь встав на стул:
Прочёл я в одной французской книжке анегдот. Разсказать?

Гости: Да — да!

Татьяна Николаевич: безусловно!

Дядя Вопь:
Одна маленькая девочка несла своей бедной матери пирожок с капустой и с лучком. Пирожок был

испечен на чистом сливочном маслице и посыпан тминцем.

Гости: Ох хо хо хо хо! Уморил!

Дядя Вопь:
Постойте, это ещё не всё, ещё дальше есть! Подходит к девочке добрый господин и даёт золотую монету и говорит: Вот тебе девочка золотая монета, отнеси её твоей бедной матери.

Гости: Ха ха ха! Ловко он её!

Дядя Вопь:
А она представьте и говорит: я прачка.

Гости: Ха ха ха!

Дядя Вопь:
А добрый господин достал из кормана рояль

Гости: Ха ха ха ха!

Княгиня Манька – Дунька: Ой не могу. зубы даже заболели! Честное слово!

Хозяин: Ну пора и по домам.

Хозяйка: Досвидание досвидание дорогие гости!

Гости: Досвидание досвидание. Вот уйдём и дом подожгём

Хозяйка: <Ах> ты мать честная!

Хозяин: <В>от же раз!

<1931>

158

Я подарил вам суп
можете принять его как гостя
хотите в кресло посадите, а хотите
съешьте.
Вот вам совет:
режьте зубами картофель
кости ломайте клыками
мясо глотайте не жуя
а воду вливайте через ноздри.

Григорий: Я подавился корочкой
Постучите в мою спину
авось открою дверце.

Маша: Тук тук тук!

Григорий: Кто там?

Маша: Бутылка.

Григорий: Ну вот ну вот
опять начинается сновидение.

Маша: Ну что ты видишь?

Григорий: Я вижу дом
а в доме суп
он сильно грач и сильно уп

Маша: Зачем же это так?

Григорий: Не спрашивай меня
не утруждай своё стеклянное
горлышко
вот я стою на одной ножке
ни качаюсь не падаю
меня толкают в затылок мошки
но воздух поддерживает меня
вечерней прохладою
вот ногами быстро двигаю

поднимаюсь от земли
над свечёй лечу над книгою
мухи след мой замели
Догони меня Маша!

Маша: Хук хук
варежку долой
поймаю тебя за пятки
не уйдёшь комарик
хук хук
юбочку долой
так легче бежать
ногам шире.
Ай, Гриша, забор!
Ну значит улетел

<1931>

159

вот совершается переселение трав
дорогу дай беглянкам
не то травы ужастный нрав
кочует по полянкам

<1931>

160

я знаю почему дороги
отрываясь от земли
играют с птицами.
ветхие веточки ветра
качают корзиночки сшитые дятлами
дятлы бегут по стволам
держа в руках карандашики.
вон из дупла вылетает бутылка
и направляет свой полёт к озеру
чтоб наполнится водой.
то-то обрадуется дуб
когда в его середину
вставят водяное сердце.
Я проходил мимо двух голубей

голуби стучали крыльями
стараясь напугать лисицу
которая острыми лапками
ела голубиных птенчиков.
Я поднял тетрадь, открыл её
и прочитал семнадцать слов
сочинённых мною накануне.
Моментально голуби улетели,
лисица сделалась маленьким
спичечным коробочком.
А мне было чрезвычайно весело.

<1931>

161
КОЛОДА

где мельница там и пороги
льют воду свысока
и дочери мельника недотроги
выводят в поле рысака

<1931>

162

Соседка помоги мне познакомиться с
тобой
Будь первая в этом деле.
Я не могу понять
Совсем запутался
Что хочешь ты?
Со мной соседка познакомиться
иль просто в улицу смотреть
пренебрегая той прозрачной птицей
которая летит из учрежденья
и нам с тобой как почта служет.
перенося желания от сердца к сердцу.

<1931>

163

Почему нелюбопытны
Эти бабы супротив?
Потому что первобытны
Как плохой локомотив.

<1931>

164

Скорей подними занавеску
и жадно смотри на меня.
Ты страстной рукой подними занавеску
и страстно смотри на меня

<1931>

165

Почто сидишь
и на меня нисколько не глядишь
а я значёк поставив на бумаге
лишь о твоей мечтаю влаге
ужель затронул вдруг тебя мой взгляд манящий
ужели страсть в твою проникла грудь
и ты глядишь теперь сюда всё чаще
так поскорей же милая моею будь.

<1931>

166

Ты шьешь. Но это ерунда.
Мне нравится твоя манда
она влажна и сильно пахнет.
Иной посмотрит, вскрикнет, ахнет
и убежит, зажав свой нос.
и вытерая влагу с рук
вернётся ль он. ещё вопрос
ничто не делается вдруг.
А мне твой сок сплошная радость.

ты думаешь, что это гадость,
а я готов твою пизду лизать, лизать
без передышки
и слизь глотать до появления отрыжки.

<1931>

167

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа

вчера я сидел у окна выставив ухо
земля говорила дереву: произростай
дерево медленно росло — но всё же
заметно глазу
то голым стояло то прятало ствол
в зелёную вазу
на солнце читая значёк своей радости
планеты порой шевелились меж
звёздами
а дерево гнулось махая птичьями
гнёздами
семь радуг над деревом возносилось
я видел доски ангельских глаз
они глядели сверху на нас
читая годов добрые числа

(1931)

168

Я ключом укокал пана
ноги ноги мои стрелы
пан упал и пели девы
думы думы где вы? где вы?
А над паном пели боги
ноги ноги мои ги ги
где вы где вы мои ноги
где вы руки? где вы книги.
там у пана мысли дуги
мысли дуги мысли боги
мысли в темяни подруги
разгибают свои ноги

разгибают свои руки
открывают свои книги
открывают мысли время
открывают мысли миги
а над мигом пели боги
где вы руки мои раки
где вы руки? где вы ноги?
Отвечают: мы во мраке
в темноте не видя света
прозябаем боги с лета
нам бы доступ только в книги.
Боги боги! миги миги!

1932 год. декабрь

169

моя любовь
к тебе секрет
не дрогнет бровь
и сотни лет.

пройдут года
пройдёт любовь
но никогда
не дрогнет бровь.

тебя узнав
я всё забыл
и средь забав
я скучен был

мне стал чужим
и странным свет
я каждой даме
молвил: нет.

<1932>

170
НАБЛЮДЕНИЕ

два человека в злобном споре
забыли всё вокруг, но вскоре
им стал противен это спор,
и вот они не спорят больше с этих пор
Они друг к другу ходят в гости
пьют сладкий чай, жуют печенье
угасли в них порывы прежней злости
они друг к другу чувствуют влеченье.
И если нет возможности им
встретиться,
то каждый в лоб себе из пистолета
метится
и презирая жизни лодку
спешит в тартар и восклицает во всю
глотку:
"Порвись порвись моя окова
держать в разлуке нас нет смысла
никакого".
Счастливые натуры! В наше время
не часто встретишь ловкую пару.
То кнут сломается, то лопнет стремя,
то ногу боком конь прижмёт к амбару
Удачи редки в наши дни
Вы, в этом случае, одни
в своей удачи двухсторонней.
Мой глаз, хотя и посторонний
следит за вами со вниманием.
Вот вы расходитесь. За "досвиданием"
вы кажите друг другу спины
идёте по домам, но чудные картины
витают в вашем проницательном
мозгу.
об этом вы до этих пор друг другу ни
гу-гу
молчали чаю в рот набрав.
Но кто из вас неправ,
кто виноват во всей создавшейся
никчёмной сложности

судить об этом не имею никакой
возможности.
при следующем свидании вы сами
выйдите из тупика.
Ну, до свидание, пока.

7 января 1933 года.

171
СТРАСТЬ

Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти.
Меня натура победила
я озверев грызу удила
из носа дым валит столбом
и волос движется от страсти надо лбом.

Ах если б мне иметь бы галстук нежный
сюртук из сизого сукна
стоять бы в позе мне небрежной
смотреть бы сверху из окна
как по дорожке белоснежной
ко мне торопится она.

Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти
они кипят во мне от злости
что мой предмет любви меня к себе
не приглашает в гости.
Уже два дня не видел я предмета.
На третий кончу жизнь из пистолета

Ах если б мне из Эрмитажа
назло соперникам врагам
украсть бы пистолет Лепажа
и взор направив к облакам,
вдруг перед ней из экипажа
упасть бы замертво к ногам.

Я не имею больше власти
таить в себе любовные страсти

Они меня как лист иссушат
как башню времянем разрушат
нарвут на козьи ножки, с табаком
раскурят
сотрут в песок и измечулят.

Ах если б мне предмету страсти
пересказать свою тоску
и разорвав себя на части
отдать бы ей себя всего и по куску,
и быть бы с ней вдвоём на много лет
в любовной власти
пока над нами не прибьют могильную
доску.

7 января 1933 года.

172

играли в море два дельфина
друг друга хлопали хвостами
и морды на подобие графина
мелькали над водой местами.

<январь 1933>

173

Передо мной висит портрет
Алисы Ивановны Порет.
она прекрасна точно фея,
она коварна пуще змея
она хитра моя Алиса
хитрее Рейнеке Лиса.

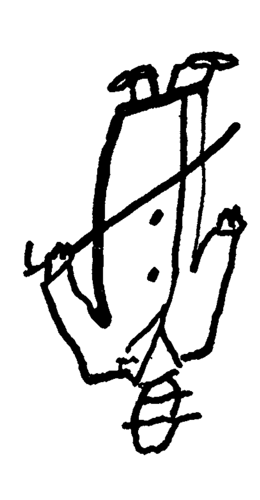
<январь 1933>

174

однажды господин Кондратьев
попал в американский шкап для платьев.
и там провёл четыре дня.
На пятый вся его родня
едва держалась на ногах.

Но в это время ба-ба-бах!
скатили шкап по лестнице и
по ступеньками до земли
и, в тот же день, в Америку
на пароходе увезли.
Злодейство, скажите. Согласен.
Но помните: влюблённый человек
всегда опасен.

<Январь 1933>

175

Шарики сударики
блестят шелестят
шарики сударики
блестят шелестят
и люди тоже шелестят
и шарики шелестят
и люди тоже шелестят
блестят шелестят
и шарики тоже
блестят шелестят
и люди блестят шелестят
и шарики блестят шелестят
и люди стоят
и блестят шелестят
а шарики летят
и блестят шелестят
а люди глядят
как шарики летят
как шарики летят
и блестят шелестят
и люди тоже
бл<е>стят шелестят
и глядят
как шарики тоже
блестят шелестят
люди с палками стоят
и блестят шелестят
и на шарики глядят
как шарики летят

как шарики летят
и блестят шелестят
и палки тоже
бл<е>стят шелестят
и люди блестят шелестят
и палки блестят шелестят
и шарики тоже
блестят шелестят
а люди стоят
и на шарики глядят
и на шарики глядят
и блестят шелестят
и палки тоже блестят шелестят.

13 апреля. 1933 года.

176

игнес игнес
какой восхитительный лес!
я в миг ослеп
что было цветом
стало вес
кора осины
зверю хлеб
мы набрали полные корзины
волчих ягод
всё это зря.
Новой жизни рухнула заря
игнес игнес
где наши кости лягут?

Игнес - Нарочно за руку подвел тебя к опушке
леса
тут разыграется сейчас одна великая
пиеса.
Из мысли выдернута шпора
и времяни задёрнута глухая штора.
не слышит ухо шум и говор
язык не радует умелый повар.

и дева плечь не обнимает

и в страсти рук не просит греть
и к небу глаз не поднимает
и в гроб не хочет умереть.

15 мая 1933 года.

177
АРХИТЕКТОР

Каблуков: Мария!

Мария: Кто зовет меня?
Я восемь лет не слышала ни звука.
И вдруг в моих ушах
зашевелилась тайная пружина.
Я слышу грохот ломовой телеги
и стук приклада о каблук при смене
караула.
Я слышу разговор двух плотников.
Вот, говорит один: махорка.
Другой, подумав, отвечает: суп и
пшённая каша.
Я слышу на Неве трещит моторка.
Я слышу ветром хлопает о стену крыша.
Я слышу чей-то тихий шёпот: Маша!
Маша!
Я восемь лет жила не слыша.
Но кто зовёт меня?

Каблуков: Мария!
Вы слышите меня Мария?
Не пожалейте ваших ног,
сойдите вниз, откройте двери.
Я весь, Мария, изнемог.
Скорей, скорей откройте двери!
А в темноте все люди звери.

Мария: Я не могу сама решиться.
Мой повелитель архитектор.
Его спросите.
Может быть, он вам позволит.

Каблуков: О непонятная покорность!

Ужель не слышите волненья,
громов могучих близкий бой,
домов от страха столкновенье,
и крик толпы, и страшный вой,
и плач, и стон,
и тихое моленье,
и краткий выстрел над Невой.

Мария: Напрасна ваша бурная речь.
Моё ли дело конь и меч?
Куда итти мне с этого места?
Я буду тут.
Ведь я невеста.

Каблуков: Обязанности брачных уз
имеют свой особый вкус.
Но кто хоть капельку не трус,
покинув личные заботы
и вмиг призвав на помощь муз,
бежит в поля большой охоты.

Мария: Смотрите!
Архитектор целится вам в грудь!

Каблуков: Убийца!
Твой черёд не за горами!

(Архитектор стреляет).

Мария: Ах!
Дым раздвинул воздух сизыми
шарами!

Архитектор: Очищен путь,
Восходит ясный день.
И дом закончен, каменный владыка.
Соблюдена гармония высот и тяжести.
Любуйся и ликуй!
Гранита твёрдый лоб,
изъеденный времён писанием,
упёрся в стен преграду.
Над лёгкими рядами окон,
вверху. воздушных бурь подруга,

раскинулась над нами крыша.
Флаг в воздухе стреляет.
Хвала и слава архитектору!
И архитектор — это я.

весна 1933 года.
Даниил Хармс

178

Елизавета играла с огнём
Елизавета играла с огнём
пускала огонь по спине
пускала огонь по спине
Пётр Палыч смотрел в восхищеньи
кругом
Пётр Палыч смотрел в восхищеньи
кругом
и дышал тяжело
и дышал тяжело
и за сердце держался рукой.

3 августа 1933 года.

179

Мне всё противно
Миг и вечность
меня уж больше
не прельщают
Как страшно
если миг один до смерти
но вечно жить ещё страшнее.
А к нескольким годам
я безразлична.

Тогда возми вот этот шарик
научную модель вселенной.
Но никогда не обольщай себя
надеждой,
что форма шара
истинная форма мира.
Действительно
мы к шару чувствуем почтенье

и даже перед шаром снимаем шляпу
Лишь только то высокий смысл имеет,
что узнаёт в своей природе
бесконечность.
Шар бесконечная фигура.

Мне кажется,
Я просто дура,
мне шар напоминает мяч.
Но что такое шар?
Шар деревянный
просто дерева обрубок.
В нём смысла меньше чем в полене.
Полено лучше тем,
Что в печь хотя бы легче лезет.
Однако я соображаю
планеты все почти шарообразны
Тут есть над чем задуматься,
но я бессильна.

Однако я тебе советую подумать.
Чем ниже проявление природы,
тем дальше отстоит оно от формы
шара.
Сломай кусок обыкновенного гранита
и ты увидешь острую поверхность.
Но если ты не веришь мне голубка
то ничего тебе сказать об этом
больше не могу.

Ах нет, я верю,
я страдаю,
умом пытаюсь вникнуть в суть.
Но где мне силы взять
чтоб уловить умом значенье формы.
Я женщина,
и многое сокрыто от меня.
Моя структура преднозначена
природой,
не для раскрытия небесных тайн
природы.
К любви стремятся мои руки
Я слышу ласковые звуки

и всё на свете мной забыты
и время конь
и каждое мгновение копыто.
всё погибло, мир бледнеет
Звёзды рушаться с небес
день свернулся. миг длиннеет.
гибнут камни. Сохнет лес.
Только ты стоишь учитель
неизменною фигурой.
что ты хочешь, мой мучитель?
Мой мучитель белокурый?
в твоём взгляде светит ложь.
Ах зачем ты вынул нож!

6 августа 1933 года.
воскресенье.
Даниил Хармс.

180

Ветер дул, текла вода,
Пели птицы, шли года
До сих пор мы не встречались
Не встречались никогда.

Но теперь узнав друг друга
Мир исчез для нас вокруг
Только ты моя подруга
Только я твой милый друг.

<1933?>

181

Генрих Левин
ты цветок
и света удивительный поток
летит из глаз твоих на вещи
и в этом свете мир мы видим резче.
Ты первый двигатель как раз.
Смотри пожалуйсто на нас.
Ты колокол воздушных токов
ты человек лишённый всех пороков.

<13 августа 1933>

182
ЗНАК ПРИ ПОМОЩИ ГЛАЗА

Вот Кумпельбаков пробегает
держа на палке мыслей пук.
к нему Кондратьев подбегает
издав губами странный звук.

Тут Кумпельбаков сделал глазом
в толпу направо дивный знак.
упал в траву Кондратьев разом
и встать не мог уже никак.

Смеётся громко Кумпельбаков
Лежит Кондратьев точно сор.
От глаза лишь нежданных знаков
какой случается позор!

21 августа 1933 года.

183

Молчите все!
А мне молчать нельзя,
Я был однажды в Англии друзья.

передо мной открылся пир:
сидело сорок человек
на креслах стиля полампир,
прекрасно приспособленных для нег.
Зал освещало электричество.
Я вижу вдру<г> Его Величест<в>о
рукой мантилью скинув с плечь
произнести готово речь.
Тут сразу мухи полетели
производя особый шум.
а все испуганно глядели
и напрягали тщетно ум.
Вдруг входит в зал, в простой накидке
какой то странный гражданин
и королю дав под микитки
садится мрачно в цепелин.
и заведя рукой пружину

ногами быстро жмёт педаль
и направляет вверх машину
и улетает быстро вдаль.
Сначала все остолбенели
не слышно было вздоха,
потом тарелки зазвенели
и поднялась ужасная суматоха.
Король зубами грыз подушки,
то в стену стукал кулаком
то приказав стрелять из пушки
скакал в подштанниках кругом.
То рвал какую то бумагу,
то подскочив нежданно к флагу
срывал его движеньем воли
то падал вдруг от страшной боли.

<24 августа 1933>

184

жил был в доме тридцать три единицы
человек страдающий болью в
пояснице
только стоит ему съесть лук или укроп
валится он моментально как сноп.
развивается боль в правом боку
человек стонет: я больше не могу.
Погибают мускулы в непосильной
борьбе
откажите родственнику карабе...
И так слова какое-то не досказав
умер он пальцем в окно показав.
все присутствующие тут и наоборот
стояли в недоумении забыв закрыть рот
доктор с веснушками возле губы
катал по столу хлебный шарик при
помощи медицинской трубы.
Сосед занимающий комнату возле
уборной
стоял в дверях абсолютно судьбе
покорный.
тот кому принадлежала квартира

гулял по коридору от прихожей до
сортира.
племянник покойника желая
развеселить собравшихся
гостей кучку
Заводил грамофон вертя ручку.
Дворник раздумывая о превратности
человеческого положения
Заворачивал тело покойника в
таблицу умножения.
Варвара Михайловна шарила в
покойнецком комоде
не столько для себя, сколько для
своего сына Володи.
Жилец, написавший в уборной: "пол
не марать"
вытягивал из под покойника железную
кровать.

вынесли покойника завёрнутого в
бумагу
положили покойника на гробовую
колымагу.

подъехал к дому гробовой шарабан
Забил в сердцах тревогу гробовой
барабан

<Август 1933>

185

Часовой •

Теперь я окончательно запутался.
Не нужен ум и быстрая смекалка.
Я в мыслях щепки нахожу,
а в голове застряла палка.
Отсохли ноги на посту,
из рук винтовка падает.
Пройдёшь с трудом одну версту
и мир тебя не радует.
Я погиб и опустился,
бородой совсем оброс,

в кучу снега превратился —
победил меня мороз.

Барбара - Часовой!

Часовой - Гу-гу!

Барбара - Часовой!

Часовой - Гу-гу!

Барбара - Часовой!

Часовой - Гу-гу!

Барбара - Я замерзаю!

Часовой - Обожди помогу,
обожди мою подсобу.

Барбара - Что же ты медлишь?

Часовой - Я из будки вылезаю.

Барбара - Ах спаси мою особу!

Часовой - Двигай пальцы на ногах,
чтоб они не побелели.
Где ты?

Барбара - Гибну!

Часовой - Гибнешь?

Барбара - Ах!

Часовой - Тут погибнешь в самом деле!

Барбара - Уж и руки словно плеть.

Часовой - Тут не долго околеть.
Эка стужа навернула —

так и дует и садит,
из-за каждой снежной горки
зимних бурь встают подпорки,
ходят с треском облака,
птица в тоненьком кафтане
гибнет крылышки сложив.
Если я покуда жив,
то шинель меня спасала
да кусок свиного сала.

Барбара - Отмерзают руки, ноги,
снежный ком вползает в грудь.
Помогите, люди, боги,
помогите как-нибудь!

Часовой - Ну чего тебе злодейка,
эка баба закорюка!
Ну и время! Вот скамейка.
Посижу да покурю-ка.

<август? 1933>

186

О том никто не скажет фразы
что не имеет, как Венера фазы
К тому никто не стукнет в дверь
кто с посетителем как зверь

1 сентября 1933 года

187

подбегает он ко мне
говорит: "останься тут".
подъезжает на коне
он под мышкой держит кнут.
Говорит: "останься сдесь"
он подходит зол и пешь
с головы до пяток весь
улыбнувшись молвил: "ешь".

<2 сентября 1933>

188

Я понял будучи в лесу
вода подобна колесу
Так вот послушайте: однажды,
я погибал совсем от жажды
живот водой мечтал надуться.
Я встал.
и ноги больше не плетутся.
я сел
и в окна льётся свет.
я лег
и мысли больше нет

2 сентября <1933>.

189
ПРИКАЗ ЛОШАДЯМ

Для быстрого движенья
по шумным площадям
пришло распоряженье
от Бога к лошадям
скачи всегда в позиции
военного коня
но если из Милиции
при помощи огня
на тросе вверх подвешенном
в коробке жестяной
мелькнёт в движеньи бешеном
фонарик над стеной
пугая красной вспышкой
идущую толпу,
беги мгновенно мышкой
к фонарному столбу
покорно и с терпением
зелёный жди сигнал
борясь в груди с биением
где кровь бежит в канал
от сердца расходящийся
не в виде тех кусков
в музее находящихся

а в виде волосков
и сердца трепетание
удачно поборов
пустись опять в скитание
покуда ты здоров

3 сентября 1933 года

190
О ВОДЯНЫХ КРУГАХ

Ноль плавал по воде
мы говорили это круг
должно быть кто то бросил в воду
камень.
Здесь Петька Прохоров гулял
вот след его сапог с подковками.
Он создал этот круг
Давайте нам скорей картон и краски
мы зарисуем Петькино творенье.
И будет Прохоров звучать как Пушкин.
И много лет спустя
подумают потомки:
"Был Прохоров когда то,
должно быть славный был художник"
И будут детям назидать:
"Бросайте дети в воду камни.
Рождает камень круг,
а круг рождает мысль.
А мысль вызванная кругом,
зовёт из мрака к свету ноль".

всё.

Вторник 19 сентября 1933 года.

191

На коня вскочил и в стремя
ногу твердую вонзил
Пётр Келлер. В это время
сверху дождик моросил.
С глазом шорою прикрытым

в нетерпеньи конь плясал
и подкованным копытом
дом и площадь потрясал.
На крыльце Мария с внуком
тихо плакали в платок
и сердца их громким стуком
отражались в потолок.

25 сентября 1933 года

192
ПОДРУГА

На лице твоём подруга,
два точильщика жука
начертили сто два круга,
цифру семь и букву Ка.
Над тобой проходят годы,
хладный рот позеленел,
Лопнул глаз от злой погоды,
в ноздрях ветер зазвенел.
Что в душе твоей творится
я не знаю. Только вдруг
может с треском раствориться
дум твоих большой сундук.
И тогда понятен сразу
будет всем твой сладкий сон
и твой дух, подобно газу,
из груди умчится вон.
Что ты ждёшь? Планет сметенья?
Иль движенья звёзд<н>ых толп?
Или ждёшь судеб сплетенья
опершись рукой на столб?
Мы живём не полным ходом
не считаем наших дней
но минуты с каждым годом
всё становятся видней

и тогда настроив лиру
и услыша лиры звон
будем петь. И будет миру
наша песня точно сон.

И быстрей помчаться реки,
и с высоких берегов
будешь ты, поднявши веки,
бесконечный ряд веков
наблюдать холодным оком
нашу славу каждый день.
И на лбу твоём высоком
никогда не ляжет тень.

<20-28 сентября 1933>

193

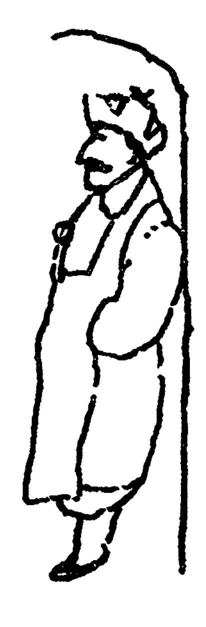
Вошла Елизавета
в большой, прекрасный дом
центрального Совета.
Вошла с открытым ртом.

<Сентябрь 1933>

194

ПОСТОЯНСТВО ВЕСЕЛЬЯ И ГРЯЗИ

Вода в реке журчит прохладна
и тень от гор ложится в поле
и гаснет в небе свет. И птицы
уже летают в сновиденьях
И дворник с чёрными усами
стоит всю ночь под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок
и в окна слышен крик весёлый
и топот ног и звон бутылок
Проходит день, потом неделя,
потом года проходят мимо
и люди стройными рядами
в своих могилах исчезают
а дворник с чёрными усами
стоит года под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок

и в окна слышен крик весёлый
и топот ног и звон бутылок.

Луна и солнце побледнели
Созвездья форму изменили
Движенье сделалось тягучим
И время стало как песок.
А дворник с чёрными усами
стоит опять под воротами
и чешет грязными руками
под грязной шапкой свой затылок
и в окна слышен крик весёлый
и топот ног и звон бутылок

14 октября 1933

195
КАРПАТАМИ — ГОРБАТЫМИ

Всю покорив Азию
На метле теперь несусь над Карпатами.
Деревяшка лесная к земле пригнулась
Хромая старуха бежит за цыпленком
Длинной ногой через лужи скачет
А короткой семенит по травке

Всю покорив Азию
На метле теперь несусь над Карпатами
Треплет ветер колпак на моем затылке
Режет ветер ноздри мне
Под рубашку залетает
Раздувает рукава
Вон гора на моем пути
Палкой гору моментально сокрушаю
Орла тюкнул по голове палкой
Он вниз полетел как бумажка
Хлоп! Воробей в моём кулаке
Ногами болтаю.
Горный воздух глотаю.
Летит моё тело.
Какое мне дело

<1933>

196
СЛАДОСТРАСТНАЯ ТОРГОВКА

одна красивая торговка
с цветком в косе, в расцвете лет,
походкой легкой, гибко, ловко
вошла к хирургу в кабинет.
Хирург с торговки скинул платье;
увидя женские красы,
он заключил её в объятья
и засмеялся сквозь усы.
Его жена, Мария Львовна,
вбежала с криком: Караул!
и, через пол минуты ровно,
Хирурга в череп ранил стул.
Тогда торговка, в голом виде,
свой организм прикрыв рукой,
сказала вслух: "к такой обиде
я не привыкла..." Но какой
был дальше смысл её речей,
мы слышать это не могли,
журчало время как ручей.
темнело небо. И вдали
уже туманы шевелились
над сыном лет — простором степи
и в миг дожди проворно лились
ломая гор стальные цепи.
Хирург сидел в своей качалке
кусая ногти от досады.
Его жены волос мочалки
торчали грозно из засады,
и два блестящих глаза
его просверливали взглядом;
и, душу в день четыре раза
обдав сомненья черным ядом,
гасили в сердце страсти.
Сидел хирург уныл.
и половых приборов части
висели вниз, утратив прежний пыл.
А ты, прекрасная торговка,
блестя по прежнему красой,
ковра касаясь утром ловко

своею ножкою босой,
стоишь у зеркала нагая.
А квартирант, подкравшись к двери,
увидеть в щель предполагая
твой организм, стоит. И звери
в его груди рычат проснувшись.
а ты, за ленточкой нагнувшись,
нарочно медлишь распрямиться.
У квартиранта сердце биться
перестаёт. Его подпорки,
в носки обутые, трясутся;
колени бьют в дверные створки;
а мысли бешенно несутся.
и гаснет в небе солнца луч.
и над землей сгущенье тучь
свою работу совершает.
И гром большую колокольню
с ужасным треском сокрушает.
И главный колокол разбит.
А ты несчастный, жертва страсти,
глядишь в замок. Прекрасен вид!
И половых приборов части,
нагой торговки, блещут влагой.
И ты, наполнив грудь отвагой,
вбегаешь в комнату с храпеньем,
в носках бежишь и с нетерпеньем
рукой прорешку открываешь,
и вместо речи — страшно лаешь.
Торговка ножки растворила,
Ты на торговку быстро влез.
В твоей груди клокочет сила,
Твоим ребром играет бес.
В твоих глазах летают мухи,
В ушах звенит орган любви,
И нежных ласк младые духи
играют в мяч в твоей крови.
И в растворенное окошко,
расправив плащ, влетает ночь.
и сквозь окно большая кошка,
поднявши хвост, уходит прочь.

14-17 октября 1933.

197
СТАРУХА

Года и дни бегут по кругу.
Летит песок; звенит река.
Супруга в дом идёт к супругу.
Седеет бровь, дрожит рука.
И светлый глаз уже слезится,
на всё кругом глядя с тоской.
И сердце, жить устав, стремится
хотя б в земле найти покой.

Старуха, где твой чёрный волос,
Твой гибкий стан и лёгкий шаг?
Куда пропал твой звонкий голос,
Кольцо с мечом и твой кушак?
Теперь тебе весь мир несносен,
противен ход годов и дней.
Беги старуха в рощу сосен
и в землю лбом ложись и тлей.

20 окт<ября> 1933.

198

Птичка с маленькой головкой
о чём так жалобно свистишь?
что ты землю бьешь подковкой?
что ты кверху не летишь?

птичка с маленькой головкой
залетела к нам в окно
с этой маленькой плутовкой
мы знакомы так давно.

прошлый год в начале Марта
мы сиде<л>и в лесу густом
вдруг летит как легкая карта
птичка с маленьким хвостом.

птичка с маленькой головкой
выше облака летить

человек идёт с винтовкой
птичку пулей застрелить.

<1933>

199

Петр выходит с ружьём из ворот
Птицы летят звеня перьями
Клим Логофет открывает свой рот
Полон глухими поверьями.
Чтобы вспомнить слова позабытых
рагат
Повернул Логофет свои взоры назад

<1933>

200

открыв наук зелёный том
я долго плакал, а потом
его закрыл и бросил в реку.
Науки вредны человеку.
науки втянут нас в беду
возьмёмтесь лучше за еду.

<1933>

201

От милого соседа возвратясь домой
На стену вешает с трудом тулупчик свой
С трудом калоши ставит в угол под
скамью
С трудом на стол бросает шапочку свою

<1933>

202

Колесо радости жена
глупости каша мать
напоим тебя
напоим тебя

а если хочешь
накормим тебя.

Ты открыл уже зубы свои
расчесал на пробор волосы ты
подбежал ко мне
подбежал ко мне
растворить окно города Кыбаду
растворить окно города Кыбаду
растворить окно города города КЫбаду
милый мой чело
города КЫбаду милый мой человек по
имяни Пётр.

Мельница смеха весло
машинка румянца пень
О суп выражений твоих
О палочки рук твоих
О шапочки плеч твоих
О кушачки жён твоих
отойди от меня Пётр
отойди от меня человек по имяни Пётр
отойди от меня мастер Пётр.

Грамматики точный конь
арифметики плямба
ножом бы разрезать щёки твои
топором отрубить бы твой хвост
заманить бы тебя в лес

заманить бы тебя в лес
о дяденька друга моего.

<1933>

203
КУСТОВ И ЛЕВИН

Кустов: Генрих Левин,
в твоём глазу
я видел гибкую лозу
она качалась как цветок,

и света удивительный поток
летит из глаз твоих на вещи.

Левин: Не знаю так ли в самом деле.
Мои глаза всегда глядели
На мир спокойно без помех.
Я ухом слышу чей-то смех.
Не над моими ли словами?
Мне неприятно спорить с вами.

Кустов: Однако в чём ты видишь спор.
В твоих речах я вижу удивительный
напор.

<1933>

204

На кобыле баз подков
ехал Пётр Петраков,
а навстречу в шарабане
ехал Фёдор Петраков.

<1933>

205

А ну скажи:
какая сила
вбивает в землю кол?
Сидит на ярмарке магол
и держит слабую дощечку.
куда приткнуться человечку
когда погнут, разбит и сломан
его несчастный организм.

<1933>

206

Я влюблена в тебя.
ты видишь я страдаю.
и каждый день грозит во мне
исчезнуть красота.

Я подхожу к тебе особенной походкой
стараясь выглядить упругой
Я сплю и сон коварный
твой образ длительно не держит
предо мной.

и я влюблён и я страдаю
исчезло всё и только Нина
собой во всём отражена

Исчезло всё и только Нина
одна владычица моя
передо мной стоит богиня
улыбкой в храм войти маня

и я к ногам её повержен
о Нина ты любви дворец.
один лишь вздох и я отвержен
и выстрел в сердце мой конец.

исчезло всё. и только Нина
меня пленяет каждый миг
передо мною как богиня
она стоит. и чудный лик
склонив ко мне и грустным взглядом
питает бурно страсть мою
сама Эсфирь с тобою рядом
не превзойдёт красу твою.

<1933>

207

почему любовный фибр
каждый миг меня трясёт
и в толпу девичьих игр
страстный вихр<ь> меня несёт

удержаться нет сил боле
с диким рёвом точно лев
я несусь туда где в море
плещат груди чудных дев

<1933>

208
О. Л. С.

Лес качает вершинами.
Люди ходят с кувшинами,
Ловят из воздуха воду.
Гнётся в море вода.
Но не гнётся огонь никогда.
Огонь любит воздушную свободу.

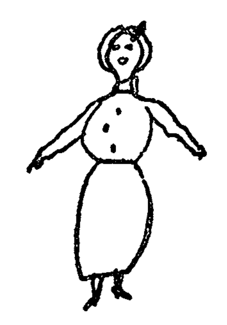
Д. Хармс
1933

209

Положи к моим ногам трофей
Прикажи меня бросать на воздух
Ты охотник, я же скромный житель
Города. Лес меня пугает
Страшно мне смотреть в кусты
Если ветка шевелится я бледнею
Может ветер ветку шевелит,
А может зверь. Или дух лесной
А может птица.
Если птица, я возьму ружьё,
Заряжу его коварной дробью

<1933>

210

Камнями милая подруга
искала ночью тёмный лес
она бродила как лунатик
её ногами двигал бес
она с дороги быстро сбилась
её сердечко быстро билось
она звала, она кричала
но только эхо отвечало
на одинокий девы крик
да ветер плакал как старик.
тут между скал бродили волки
блистали ночью их глаза.
зрачки волков остры и колки

и если горная коза
завидит волчий блеск зрачка
она несётся с кондачка.

<1933>

211
БЕРЕГ И Я

Здравствуй берег быстрой реки!
мы с тобой не старики
нам не надо разных каш,
хлеб и мясо завтрак наш.

Наша кровля, дым и снег,
не стареет каждый миг;
наша речка лента нег,
наша печка груда книг.

Мы с тобой, должно быть, маги,
разрушаем время песней,
от огня и нежной влаги
всё становится прелестней.

берег, берег быстрой реки!
мы с тобой не старики
нам не сорок, как другим.
Нашим возрастом благим
мы собьём папаху с плеч.
Вот и всё. Я кончил речь.

<1933>

212

От Невы поднимается пар
начинается ба ба бар

Над Невой пролетает колонна мух
поднимается в городе мрачный слух

<1933>

213

Начало спора
произошло вблизи Исаакиевского
Собора
Пойдёмте на Неву пешком
сказал Грачёв помахивая гребешком.
Там ветер слишком режет глаз
ответил Фомов ласково и
повелительно зараз.

<1933-1935>

214

Бегут задумчивые люди
Куда бегут? Зачем спешат?
У дам раскачиваются груди,
У кавалеров бороды шуршат.

<1933-1936>

215
БАНЯ

Баня, это отвратительное место.
В бане человек ходит голым.
А быть в голом виде человек не умеет.
В бане ему некогда об этом подумать,
ему нужно тереть мочалкой свой живот
и мылить под мышками.
Всюду голые пятки
и мокрые волосы.
В бане пахнет мочёй.
Веники бьют ноздреватую кожу.
Шайка с мыльной водой,
предмет общей зависти.
Голые люди дерутся ногами
стараясь пяткой ударить соседа
по челюсти.
В бане люди бесстыдны
и никто не старается быть красивым.
Здесь всё напоказ

и отвислый живот
и кривые ноги;
и люди бегают согнувшись,
думая, что этак приличнее.
Недаром считалось когда-то, что баня
служит храмом нечистой силы.
Я не люблю общественных мест,
где мужчины и женщины порозень.
Даже трамвай приятнее бани.

13 марта 1934

216
ЧТО ДЕЛАТЬ НАМ?

Когда дельфин с морским конём
Игру затеяли вдвоём,
О скалы бил морской прибой
И скалы мыл морской водой.
Ревела страшная вода.
Светили звёзды. Шли года.
И вот настал ужасный час:
Меня уж нет, и нету вас,
И моря нет, и скал, и гор,
И звёзд уж нет; Один лишь хор
Звучит из мёртвой пустоты.
И грозный Бог для простоты
Вскочил и сдунул пыль веков.
И вот, без времени оков,
Летит один себе сам друг.
И хлад кругом и мрак вокруг.

Дандан
15 октября 1934 года

217
РОМАНС

Безумными глазами он смотрит на меня. —
Ваш дом и крыльцо мне знакомы давно.
Тёмнокрасными губами он целует меня —
Наши предки ходили на войну в стальной
чешуе.

Он принёс мне букет тёмнокрасных
гвоздик —
Ваше строгое лицо мне знакомо давно.
Он просил за букет лишь один поцелуй —
Наши предки ходили на войну в стальной
чешуе.

Своим пальцем в чёрном кольце он коснулся
меня —
Ваше чёрное кольцо мне знакомо давно.
На турецкий диван мы свалились вдвоём —
Наши предки ходили на войну в стальной
чешуе.

Безумными глазами он смотрит на меня —
О потухните звёзды! и луна побледней!
Тёмнокрасными губами он целует меня —
Наши предки ходили на войну в стальной
чешуе.

Даниил Дандан
15 октября 1934 года

218

Горох тебе в спину.
Попади тебе булыжник
под лопатку.
Падай падай.
Без движенья
На земле
раскинув руки
отдохни.
Много бегал
утомился.
Ноги стали волчиться
Взор стеклянный
перестал метать копьё
в глубь предметов
Сядь на стул
Зажги сигару
отдохни часа четыре
Это лучше,

чем лежать раскинув руки
На земле.
Посмотри
На небе солнце
В светлом воздухе летают
птицы
На цветах сидят стрекозы
и жуки.
Вон горох к тебе летящий
Только спину пощекотит
А булыжник от лопатки
Будто мячик отлетит
Встань Встань
Подойди походкой твёрдой
К центру мира
где волна реки Батобр
пни срывает с берегов
И на камне умный бобр
держит рыбу меж клыков.
Люди, звери и предметы
ниц падут перед тобой
и на лбу твоём высоком
Вспыхнет яркий лампион.

23 DEC. 1934 года
Хармс

219

Стоит средь волн морских пустынный
остров
Над ним скалы громадный остов
Путь ветру лбом пересекает
Порой искрится и сверкает
Порой пустынна и гола
Стоит над морем чёрная скала
И волны дохлых рыб несут к её
откосам.

Морские воды разрезая носом
Шёл пароход. Команда пела.
Летела чайка. Солнце грело.

И человек в штурвальной рубке
Смотрел кругом, пуская дым из трубки

Спокойно море. Кое-где мелькнёт
акула
Ударит по волне хвостом
И вновь исчезнет. Кое-где
Подскочит рыбка. Чайка рыболов
Её тотчас же на лету хватает клювом.

Другая чайка к ней спешит
И выхватив добычу ловко
Из клюва медленной соперницы
Шумит крылом
И прочь летит.
И вслед разбойнице глядит
Голодным взором чайка рыболов.
И снова скачет рыбка меж валов.
Команда весело смеётся
И по морским волнам домой
Весёлый пароход несётся
И воду пенит за кормой

Сгустились тучи на востоке
Барашки по морю бегут
Бормочет штурман: "будет буря
Придётся нам ослабить блоки
И трубы сбить. Не то капут.
Я знаю будет страшный бой"
И бровь косматую нахмуря
На волн игру глядит перед собой

Свежеет ветер. Бьются снасти.
У волн морских всё больше власти
Всё выше вал. всё больше пены
Бежит на грустный вой сирены
Команда быстро по местам
Из трубки выбив прочь табак
Промолвил штурман: "сто собак
И двести кошек не отдам
За то, что гром сейчас не грянет".
Промолвил штурман. Да как взглянет

Перед собой на волн игру
И видит страшную скалу

Торчит скала земли сучёк
А под скалой земли клочек
У моря бурного в плену
Никем не веданный. К нему
Летит волна, за ней другая,
И ветер чайку кувыркая
Как пух по воздуху несёт
И вдруг с размаха обземь бьёт

<1934>

220

ОБРАЩЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ К СВОЕМУ УЧЕНИКУ ГРАФУ ДЭКОНУ

Мы добьёмся от тебя полезных знаний
Сломаем твой упрямый нрав.
Расчёт и смысл научных зданий
В тебя из книг напустим, граф.
Тогда ты сразу всё поймешь
И по-иному поведёшь
Свои нелепые порядки.
Довольно мы с тобой болван играли в прятки.
Всё по-иному повернём,
Что было ночью, станет днём.
Твоё бессмысленное чтенье
Направим сразу в колею,
И, мыслей бурное кипенье,
Мы превратим в наук струю.
От женских, ласковых улыбок
Мы средство верное найдём,
От грамматических ошибок
Рукой умелой отведём.
Твой сон беспутный и бессвязный,
Порою чистый, порою грязный,
Мы подчиним законам века.
Мы создадим большого человека.

И в тайну материалистической
полемики
Тебя введём с открытыми глазами,
Туда где только академики
Сидят сверкая орденами.
Мы приведём тебя туда
Скажи скорей нам только : да.
Ты среди первых будешь первым
Ликует мир. Не в силах нервам
Такой музыки слышать стон
и рёв толпы и звон литавров
Со всех сторон венки из лавров
И шапки вверх со всех сторон
Крылами воздух рассекая
Аэроплан парит над миром
Цветок из крыльев упадая
Летит влекомый прочь зефиром
Цветок тебе предназначался.
Он долго в воздухе качался
И описав дугу кривую
Цветок упал на мостовую.
Что будет с ним? никто не знает
Быть может женская рука
Цветок поднявши, приласкает;
Быть может страшная нога
Его стопой к земле придавит.
А может мир его оставит
В покое сладостном лежать.
Куда итти? Куда бежать?
Когда толпа кругом грохочет
И пушки дымом в верх палят
Уж дым в глазах слезой щекочет
И лбы от грохота болят
Часы небесные сломались
И день и ночь в одно смешались
То солнце, звёзды иль кометы?
Иль бомбы, свечи и ракеты?
Иль искры сыплются из глаз?
Иль это кончен мир как раз?
Ответа нет. Лишь вопль и крики.
И стон, и руки вверх как пики.
Так знай! Когда приходит слава,

Прощай спокойствие твоё
Она вползает в мысль и право
Уж лучше не было б её.
Но путь избран. Сомненья нет.
Доверься нам. Забудь мечты.
Пройдёт ещё немного лет
И вечно славен будешь ты.
И звонкий славой упоённый,
Ты будешь мир собой венчать
И Бог, тобою путь пройденный,
В скрижалях будет отмечать.

<1934>

221

Однажды утром воробей
ударил клювом в лук-парей.
И крикнул громко лук-парей:
"Будь проклят птица-воробей!"
Навеки проклят воробей,
от раны чахнет лук-парей.
И к ночи в мёртвый лук-парей
свалился мёртвый воробей.

Д. Х.
24 янв<аря 1934-1935>

222
ПЕСНЬ

Мы закроем наши глаза
Люди! Люди!
Мы откроем наши глаза
Воины! Воины!

Поднемите нас над водой
Ангелы! Ангелы!
Потопите врага под водой
Демоны! Демоны!

Мы закрыли наши глаза
Люди! Люди!

Мы открыли наши глаза
Воины! Воины!

Дайте силу нам полететь над водой
Птицы! Птицы!
Дайте мужество нам умереть под водой
Рыбы! Рыбы!

<1934-1935>

223

Игра больших переговоров, друзья глядят, гуляет боров и тень по воздуху летит. Смотрите, дятел пролетел, смотрите с дуба желудь пал, а в море кит пускал фонтаны а в небе книга нам видна

<1934-1935>

224

Остановись Коньков!
Куда ты бежишь?
Твой бег бестолков,
Остановись Коньков!

Вот сердцу милый дом.
Знакомая дверь.
Знакомый портрет за окном.
Это сердцу милый дом.

Надо в дверь войти не стуча.
Из двери направо.
Там на стене два меча
Что верней: меч или отрава?

Так знайте Коньков, что меч верней.
А так же приятна рукой совершённая расправа.
Три года и восемь недель ты думал о ней,
Так знай же Коньков, что меч верней!

<1934-1935>

225

РАЗБОЙНИКИ.

Шли разбойники украдкой
Очень злые. Их атаман
Вдруг помахивает бородкой
Лезет наскоро в карман.
Пули там валяются.
Разбойники молчат
Их лошади легаются
Их головы бренчат
И путники пугаются.
И в сторону спешат.
Лишь только день потух
Разбойник вышел на дорогу
И, прошмыгнув как темный дух,
Другого кличет на подмогу.
Другой спешит
Блестя под шляпой черным глазом
И путник в сторону бежит
И два разбойника за ним несутся
разом.

Домов слепые номера
Им вовсе не служили
И два ножа как два пера
Им голову кружили.
Настигнут был беглец. И вдруг
Их жертва убежала.
Глядят разбойники вокруг
И точат два кинжала.
Молчат они. Жуют табак.
Но близок страшный рок
Уже им слышен лай собак
И топот грубых ног
Стоят разбойники. Кругом
из окон из дверей
Подняв ужасный крик и гром
Толпа бежит людей.
Лови его! Держи его!
Кричат со всех сторон
И пули жикают по воздуху

Кувыркая ворон.
Идут разбойники техасом
По траве идут они.
Вдруг звучит команда басом:
Стой ребята отдохни!

<1934-1935>

226

В этом ящике железном
есть и булка есть и хлеб
было б делом неполезным
их оставить на столе б.
ибо крысы ибо мыши
ибо разные скоты
по законам данным свыше
съели б всё без красоты
и в укусах кумачёвых
все изъедены в клопах
всё семейство ювачёвых бы
осталось на бобах
Но не это важно. Мне ведь
надо рифмой заманя
так устроить чтобы в девять
разбуди - ли вы меня.

<Середина 1930-х>

227

Лес, в лесу собака скачет,
Твердой лапой с твёрдым когтем
на коре прямой сосны
ставит знак.
И если волки бродят стаями
и лижут камни спящие во мху
и ветер чёрными носами обнюхивают
Собака поднимает шерсть и воет
и на врага ворчит и пятится.

<Середина 1930-х>

228

Мне стариков медлительный рассказ
противен
пока тягучее скрипит повествованье
Начало фразы в памяти бледнеет
И всё что будет наперёд уму понятно
Старик всегда, особенно разинув рот,
Пытается ненужную фамилию припомнить
То спотыкается на букву ы,
То выпучит глаза — молчит
И кажется, что он способен задохнуться.
То вдруг подхваченный потоком старческого
вдохновенья
Летит вперёд местоименьями пересыпая речь
Уже давно "они" кого то презирают,
Кому то шлют письмо, флакон духов и
деньги
Старик торопится и гневно морщит брови
А слушатель не знает кто "они".

<Середина 1930-х>

229

Возьмите незабудку
На память обо мне.
Тогда собачью будку
Увидите во сне.

А в будке человечки
На лавочке сидят
Огонь играет в печке
И искры вверх летят.

<Середина 1930-х>

230

Дни летят как ласточки
А мы летим как палочки
Часы стучат на полочке
А я сижу в ермолочке

А дни летят как рюмочки
А мы летим как ласточки
Сверкают в небе лампочки,
А мы летим как звездочки.

<Середина 1930-х>

231

Дорогой начальник денег
Надо в баню мне сходить.
Но, без денег, даже веник
Не могу себе купить.

<Середина 1930-х>

232

И не спасет тогда супруга
В безумной ревности своей
Ни ласки милого досуга
Ни сладкой праздности моей.

<Середина 1930-х>

233
ЗАРОЖДЕНИЕ НОВОГО ДНЯ

Старик умелою рукою
Пихает в трубочку табак.
Кричит кукушка над рекою,
В деревне слышен лай собак

И в гору медленно вползая
Скрипит телега колесом,
Возница воздух рассекая
Махает сломанным кнутом.

И в тучах светлая Аврора
Сгоняет в дол ночную тень.
Должно быть очень очень скоро
Наступит новый, светлый день.

16 января 1935 года

234
РАЗМЫШЛЕНИЕ О ДЕВИЦЕ

Придя к Липавскому случайно,
Отметил я в уме своём:
Приятно вдруг необычайно
Остаться с девушкой вдвоём.

Когда она пройдёт воздушной
Походкой — ты не говоришь;
Когда она рукой послушной
Тебя коснётся — ты горишь;

Когда она слегка танцуя
И ножкой по полу скользя
Младую грудь для поцелуя
Тебе подставит, — то нельзя

Не вскрикнуть громко и любезно,
С младой груди пылинку сдуть,
И знать, что молодую грудь
Устами трогать бесполезно.

21 янв<аря> 1935 года.

235
НЕИЗВЕСТНОЙ НАТАШЕ

Скрепив очки простой верёвкой, седой
старик читает книгу.
Горит свеча и мглистый воздух в страницах
ветром шелестит.
Старик вздыхая гладит волос и хлеба
чёрствую ковригу
Грызёт зубов былых остатком и громко
челюстью хрустит.

Уже заря снимает звёзды и фонари на
Невском тушит,
Уже кондукторша в трамвае бранится
с пьяным в пятый раз,

Уже проснулся Невский кашель и старика
за горло душит,
А я пишу стихи Наташе и не смыкаю
светлых глаз.

23 января 1935 года.
Д. Х.

236
ФИЗИК СЛОМАВШИЙ НОГУ

Маша моделями вселенной
Выходит физик из ворот.
И вдруг упал, сломав коленный
Сустав. К нему бежит народ,
Маша уставами движенья
К нему подходит постовой
Твердя таблицу умноженья
Студент подходит молодой
Девица с сумочкой подходит
Старушка с палочкой спешит
А физик всё лежит, не ходит,
Не ходит физик и лежит.

21 янв<аря> 1935 года
Д. Х.

237
ОЛЕЙНИКОВУ

Кондуктор чисел, дружбы злой насмешник
О чём задумался? Иль вновь порочишь мир?
Гомер тебе пошляк, и Гете глупый грешник,
Тобой осмеян Дант, Лишь Бунин твой Кумир.

Твой стих порой смешит, порой тревожит
чувство,
Порой печалит слух, иль вовсе не смешит,
Он даже злит порой, и мало в нём искусства,
И в бездну мелких дел он сверзиться спешит.

Постой! Вернись назад! Куда холодной думой
Летишь, забыв закон видений встречных
толп?

Кого дорогой в грудь пронзил стрелой
угрюмой?
Кто враг тебе? Кто друг? И где твой
смертный столб?

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

23 января 1935 года Д. Х.

238
АНТОН И МАРИЯ

Стучался в дверь Антон Бобров. За дверью,
в стену взор направив
Мария в шапочке сидела. В руке блестел
кавказский нож
Часы показывали полдень. Мечты безумные
оставив
Мария дни свои считала и в сердце
чувствовала дрожь
Смущён стоял Антон Бобров не получив
на стук ответа
Мешал за дверь взглянуть тайком
в замочной скважине платок.
Часы показывают полночь. Антон убит
из пистолета.
Марию нож пронзил. И лампа не светит
больше в потолок.

Д. Х.
26 янв<аря 1935>

239
СТРАШНАЯ СМЕРТЬ

Однажды один человек, чувствуя голод,
сидел за столом и ел котлеты,
А рядом стояла его супруга и всё говорила
о том, что в котлетах мало свинины.
Однако он ел и ел и ел и ел и ел, покуда

Не почувствовал где-то в желудке
смертельную тяжесть.
Тогда, отодвинув коварную пищу,
он задрожал и заплакал;
В кармане его золотые часы перестали
тикать;
Волосы вдруг у него посветлели, взор
прояснился;
Уши его упали на пол, как осенью падают
с тополя жёлтые листья;
И он скоропостижно умер.

апрель 1935

240
НА СМЕРТЬ КАЗИМИРА МАЛЕВИЧА

Памяти разорвав струю,
Ты глядишь кругом, гордостью сокрушив
лицо.
Имя тебе — Казимир.
Ты глядишь как меркнет солнце спасения
твоего.
От красоты якобы растерзаны горы земли
твоей,
Нет площади поддержать фигуру твою.
Дай мне глаза твои! Растворю окно на
своей башке!
Что ты человек, гордостью сокрушил лицо?
Только муха жизнь твоя и желание твоё —
жирная снедь.
Не блестит солнце спасения твоего.
Гром положит к ногам шлем главы твоей.
Пе — чернильница слов твоих.
Трр — желание твое.
Агалтон — тощая память твоя.
Ей Казимир! Где твой стол?
Якобы нет его и желание твоё трр.
Ей, Казимир! Где подруга твоя?
И той нет, и чернильница памяти твоей пе.
Восемь лет прощелкало в ушах у тебя,

Пятьдесят минут простучало в сердце твоем,
Десять раз протекла река пред тобой,
Прекратилась чернильница желания твоего
Трр и Пе.
“Вот штука-то”, — говоришь ты, и память
твоя Агалтон.
Вот стоишь ты и якобы раздвигаешь руками
дым.
Меркнет гордостью сокрушённое
выражение лица твоего;
Исчезает память твоя и желание твоё трр.

5 мая 1935 года Даниил Хармс — Шардам

241

Господи пробуди в душе моей пламень Твой
Освети меня Господи солнцем Твоим
Золотистый песок разбросай у ног Моих
Чтобы чистым путём шёл я к Дому Твоему
Награди меня Господи Словом Твоим
Чтобы гремело оно восхваляя чертог Твой
Поверни Господи колесо живота Моего
Чтобы двинулся паровоз могущества Моего
Отпусти Господи тормоза вдохновения
Моего
Успокой меня Господи
И напои сердце моё источником дивных
Слов Твоих.

Даниил Шардам
Марсово Поле
13 мая 1935 года

242
НЕБО

Настало утро. Хлопотливый
Уже встаёт над миром день.
Уже в саду под белой сливой
Ложится чёрным кругом тень.

Уже по радио сигналы
Сообщают полдень. На углу

Кричат проворные журналы
О том, что было по утру.

Уже мгновенные газеты
Кричат о том, что было днём,
Дают вечерние советы
Уже проспект блестит огнём.

Уже от пива люди пухнут;
Уже трамваи мчатся прочь;
Уже в квартирах лампы тухнут;
Уже в окно стучится ночь.

Настала ночь. И люди дышат,
В глубоком сне забыв дела.
Их взор не видит, слух не слышит,
Недвижны вовсе их тела.

На чёрном небе звёзды блещут;
Дрожит на дереве листок.
В далёком море волны плещут;
С высоких гор журчит поток.

Кричит петух. Настало утро.
Уже спешит за утром день.
Уже из тучи Брамапутра
Шлет на поля благую тень.

Уже прохладой воздух веет,
Уже клубится пыль кругом.
Дубовый листик, взвившись, реет.
Уже гремит над нами гром.

Уже Невой клокочет Питер,
И ветр вокруг свистит в лесах,
И громоблещущий Юпитер
Мечом сверкает в небесах.

Уже сверкает солнце шаром
И с неба в землю мечет жар.
И поднимает воду паром,
И в облака сгущает пар.

И снова страшный ливень льётся.
И снова солнца шар блестит.
То плачет небо, то смеётся,
То веселится, то грустит.

Шардам
17 августа 1935 года. Детское Село.

243
ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К МАРИНЕ

За то, что ты молчишь, не буду
Тебя любить, мой милый друг.
И, разлюбив тебя, забуду
И никогда не вспомню вдруг.

Молчаньем, злостью иль обманом
Любовный кубок пролился,
И молчаливым талисманом
Его наполнить вновь нельзя.
Произнеси хотя бы слово,
Хотя бы самый краткий звук,
И вмиг любовь зажжётся снова
Ещё сильней к тебе мой друг.

19 августа 1935 года

244
ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К МАРИНЕ

Я получил твоё посланье
Да получил
Я утолил свое желанье
Да утолил

Сомнений нет они далёки
Пропал их след
Забудь забудь мои упрёки
Их больше нет

Теперь опять я полон силы
Опять с тобой

Везде везде твой образ милый
Передо мной

Теперь опять я полон страсти
К тебе лететь
Я не имею власти
Собой владеть

Останови Владыко ветры
И прекрати!
Сложи Владыко километры
И сократи!

Молчаньем злостью иль обманом
Любовный кубок пролился
И молчаливым талисманом
Его наполнить вновь нельзя.

Произнеси хотя бы слово
Хотя бы самый краткий звук
И в миг любовь зажжется снова
Ещё сильней к тебе мой друг.

За то что ты молчишь, не буду
Тебя любить мой милый друг.
И, разлюбив тебя, забуду
И никогда не вспомню вдруг.

19 августа 1935 года

245
ЗАУМНАЯ ПЕСЕНЬКА

Милая Фефюлинька
И Философ!
Где твоя тетюлинька
И твой келасо́ф?

Ваши грудки-пу́почки,
Ваши кулачки.
Ваши ручки-хру́почки,
Пальчики сучки!

Ты моя Фефюлинька,
Куколка-дружок!
Ты моя тетюлинька,
Ягодка-кружок.

<1935>

246
ХОРОШАЯ ПЕСЕНЬКА ПРО ФЕФЮЛЮ

1
Хоть ростом ты и не высóка
Зато изящна как осока.
Припев:
Эх, рямонт, рямонт, рямонт!
Першакóкин и кинéб!

2
Твой лик бровями оторочен.
Но ты для нас казиста очень.
Припев:
Эх, рямонт, рямонт, рямонт!
Першакóкин и кинéб!

3
И ваши пальчики-колбашки
Приятней нам, чем у Латашки.
Припев:
Эх, рямонт, рямонт, рямонт!
Першакóкин и кинéб!

4
Мы любим Вас и Ваши ушки.
Мы приноровлены друг к дружке.
Припев:
Эх, рямонт, рямонт, рямонт!
Першакóкин и кинéб!

<1935>

247

Если встретится мерзавка
На пути моём — убью!
Только рыбка, только травка
Та которую люблю.

Только ты моя Фефюлька
Друг мой верный, всё поймёшь
Как бумажка, как свистулька
От меня не отойдёшь.

Я душой хотя и кроток
Но за сто прекрасных дам
И за тысячу красоток
Я Фефюльку не отдам.

<1935>

248
МАРИНЕ

Куда Марина взор лукавый
Ты направляешь в этот миг?
Зачем девической забавой
Меня зовешь уйти от книг,
Оставить стол, перо, бумагу
И в ноги пасть перед тобой,
И пить твою младую влагу
И грудь поддерживать рукой.

<1935>

249

Засни и в миг душой воздушной
В сады беспечные войди
И тело спит как прах бездушный
И ручка дремлет на груди

И сон ленивыми перстами
Твоих касается ресниц.

И я бумажными листами
Не шелещу своих страниц.

<1935>

250

Я гений пламенных речей
Я господин свободных мыслей
Я царь бессмысленных красот
Я бог исчезнувших высот
Я господин свободных мыслей
Я светлой радости ручей.

Когда в толпу метну свой взор,
Толпа как птица замирает
И вкруг меня, как вкруг столба,
Стоит безмолвная толпа.
Толпа как птица замирает
И я толпу мету как сор.

<1935>

251
ХОРЕИ

Спит на дереве кукушка
Рак под камнем видит сон
На лугу лежит пастушка
Дуют ветры с двух сторон.

<1935>

252

В каждом колоколе злоба
В каждой ленточке огонь
В каждой девочке зазноба
В каждом мальчике свой конь.

<1935>

253

Гости радостно пируют
За столом сидят гурьбой
Гости радостно пируют
И гурьбой за столом сидят
И говядину едят
И наливки жадно пьют
И чего то там под столом делают
И дамочкам предлагают раздеться.
А дамочки, тру ля ля, танцуют
И под музыку приседают.
Один из гостей на стол полез,
Но его отвели в ванную комнату.
Хозяйка лифчик расстегнула
И пошла плясать вовсю.
Композитор Ваня Конов
Хотел хозяйку схватить за подол,
Но потерял равновесие
И лёг нá пол.
А Нина Петухова
Сняла свои панталоны
И дала их Семёну Палкину обнюхивать.

<1935>

254

Вечер тихий наступает
Лампа круглая горит
За стеной никто не лает
И никто не говорит.

Звонкий маятник качаясь
Делит время на куски,
И жена, во мне отчаясь
Дремля штопает носки.

Я лежу задравши ноги
ощущая в мыслях кол.

Помогите мне, о Боги!
Быстро встать и сесть за стол.

<1935-1937>

255
ПРОГУЛОЧКА

Мужик и баба играют на свободе,
Стоит оголтелый народ на пароходе
Глядит в зелёную воду.
В закусочной доктор накапливает силу;
Мужик и баба напарываются на вилу,
И доктор спешит к пароходу.

Стоит пароход озарённый луною.
Я мимо иду, и Марина со мною,
Погода нам благоприятна.
Мужик и баба громко стонут,
Под пароходом люди тонут,
И доктор уходит обратно.

<1935-1937>

256
ДАКТИЛЬ

Девушка с рыжими косами
Ходит в тени под откосами
Громко стучит каблучок
Юноша, сидя на стуле,
Бросив кинжал и две пули,
Держит вязальный крючок.

<1935-1937>

257
ПОДСЛУШАННЫЙ МНОЮ СПОР ЗОЛОТЫХ СЕРДЕЦ О БЕШЕМЕЛИ.

Мчался поезд будто с гор
В окна воздухи шумели.

Вдруг я слышу разговор
Бурный спор о бешемели.

Ночь. Не видно мне лица
Только слышно мне по звуку
Золотые всё сердца!
Я готов подать им руку.

Я поднялся, я иду.
Я качаюсь по вагону.
Если я не упаду
Я найду их, но не трону.

Вдруг исчезла темнота
В окнах станция мелькнула
В грудь проникла теснота
В сердце прыгнула акула.

Заскрипели тормоза
Прекратив колёс погони.
Я гляжу во все глаза
Я один в пустом вагоне.

Мне не слышно больше слов
О какой-то бешемели.
Вдруг опять как средь лесов
Ветры в окна зашумели

И вагоны заскрипев
Понеслись. Потух огонь.
Мчится поезд, будто лев
Убегает от погонь.

18 февр<аля> 1936

258
ВАРИАЦИИ

Среди гостей, в одной рубашке
Стоял задумчиво Петров
Молчали гости. Над камином
Железный градусник висел
Молчали гости. Над камином
Висел охотничий рожок.
Петров стоял. Часы стучали

Трещал в камине огонёк.
И гости мрачные молчали.
Петров стоял. Трещал камин.
Часы показывали восемь.
Железный градусник сверкал
Среди гостей, в одной рубашке
Петров задумчиво стоял
Молчали гости. Над камином
Рожок охотничий висел.
Часы таинственно молчали.
Плясал в камине огонёк
Петров <з>адумчиво садился
На табуретку. Вдруг звонок
В прихожей бешенно залился,
И щёлкнул английский замок.
Петров вскочил, и гости тоже
Рожок охотничий трубит
Петров кричит: "О Боже, Боже!"
И на пол падает убит.
И гости мечутся и плачат
Железный градусник трясут
Через Петрова с криком скачат
И в двери страшный гроб несут.
И в гроб закупорив Петрова
Уходят с криками: "готово".

15 августа 1936 года

259

СОН ДВУХ ЧЕРНОМАЗЫХ ДАМ

Две дамы спят, а впрочем нет,
Не спят они, а впрочем нет,
Конечно спят и видят сон,
Как будто в дверь вошёл Иван
А за Иваном управдом
Держа в руках Толстого том
"Война и Мир" вторая часть...
А впрочем нет, совсем не то
Вошёл Толстой и снял пальто
Калоши снял и сапоги

И крикнул: Ванька помоги!
Тогда Иван схватил топор
И трах Толстого по башке.
Толстой упал. Какой позор!
И вся литература русская в ночном
горшке.

19 авг<уста> 1936 г.

260

Да, я поэт забытый небом
<Забытый небом> с давних пор.
А были дни, когда мы с Фебом
Гремели вместе сладкий хор.
А были дни, когда мы с Фебом
Гремели вместе сладкий хор.
А были дни когда мы с Гебой
Носились в тучах над водой.
И свет небес летал за Гебой
И гром смеялся молодой
И гром гремел летя за Гебой
И свет струился золотой.

<1936-1937>

261

Шёл Петров однажды в лес.
Шёл и шёл и вдруг исчез.
Ну и ну сказал Бергсон
Сон ли это? Нет, не сон.
Посмотрел и видит ров
А во рву сидит Петров.
И Бергсон туда полез
Лез и лез и вдруг исчез
Удивляется Петров:
Я должно быть нездоров.
Видел я исчез Бергсон.
Сон ли это? Нет, не сон.

<1936-1937>

262

Григорий студнем подавившись
Прочь от стола бежит с трудом
На гостя хама рассердившись
Хозяйка плачет за столом.
Одна, над чашечкой пустой,
Рыдает бедная хозяйка.
Хозяйка милая, постой,
На картах лучше погадай-ка.
Ушёл Григорий. Срам и стыд.
На гостя нечего сердиться.
Твой студень сделан из копыт
Им всякий мог бы подавиться.

20 февраля 1937 года
Чармс

263

Григорий студнем подавился
И вдруг ушёл из-за стола
В прихожей он остановился
И плюнул в зеркало со зла.

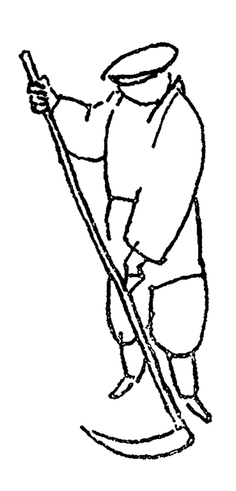
21 февраля 1937 года
Чармс

264

Я долго смотрел на зелёные деревья
Покой наполнял мою душу.
Ещё по-прежнему нет больших
и единых мыслей
Такие же клочья обрывки и хвостики.
То вспыхнет земное желание,
То протянется рука к занимательной
книге
То вдруг хватаю листок бумаги,
То тут же в голову сладкий сон стучится.
Сажусь к окну в глубокое кресло,
Смотрю на часы, закуриваю трубку,
Но тут же вскакиваю и перехожу
к столу,

Сажусь на твердый стул и скручиваю
себе папиросу.
Я вижу бежит по стене паучок
Я слежу за ним, не могу оторваться.
Он мне мешает взять в руки перо.
Убить паука!
Лень подняться.
Теперь я гляжу внутрь себя.
Но пусто во мне, однообразно и скучно,
Нигде не бьется интенсивная жизнь,
Всё вяло и сонно как сырая солома.
Вот я побывал сам в себе
И теперь стою перед вами.
Вы ждёте, что я расскажу
о своем путешествии,
Но я молчу, потому что я ничего
не видел.
Оставьте меня и дайте спокойно
смотреть на зелёные деревья.
Тогда может быть покой наполнит
мою душу.
Тогда быть может проснётся моя душа,
И я проснусь, и во мне забьётся
интенсивная жизнь.

Даниил Хармс
2 августа 1937 года

265

Человек берёт косу
Я хочу его спросить:
Что ты делаешь в лесу?
Я траву хочу косить
Отвечает мне косарь
Закрывая правый глаз
И в глазу его фонарь
В тот же миг уже погас.
Ты бы шляпу снял мужик,
Говорю ему, а он
Отвечает: Это шик,
Я ведь франт со всех сторон.
Но такое франтовство

Непонятно никому
Это просто баловство, —
Обращаюсь я к нему.
Нет, сказал он, не скажите,
Я сказал бы, что не так
Вы хоть руки мне свяжите,
Отрубите мне кулак,
Сквозь лицо проденьте нитку,
Суньте ноги под кибитку
Распорите мне живот
Я скажу тогда: ну вот
Вы меня распотрошили,
Рот верёвками зашили
Но кричу я ва́м в лицо:
Вы подлец и вы яйцо!

Я - Удивляюсь вашей речи,
Где ответ на мой вопрос?
Вы молчите, только в плечи
Глухо прячите свой нос.
Вы молчите словно пень,
Вам ответить просто лень.
Ваша дерзкая усмешка
Не пристала вам к лицу
Вы глупы как сыроежка.
О, поверте подлецу!

Он - Я бы рад молчать веками
И дробить бы лбом гранит.
Кто искусными руками
Жизнь до гроба сохранит?
Кто холодною косой
По моим скользит ногам?
Я голодный, я босой
Мимо вас иду к богам.
По дороге вверх бегущей
Я к богам иду с мечом.
Вот и ангел стерегущий
Заградил мне путь плечом.
Стой! — гремит его приказ
Ты в дверях стоишь как раз.
Дальше рай — сады блаженства

Чтобы в рай тебе войти,
Ты достигни совершенства,
Иль назад повороти.
Я задумался: Ну что же,
Если путь мой в райский сад
Преграждён Тобой, о Боже —
Я пойду тогда назад.
Стой! воскликнул ангел грозный
Ты мне чушь не бормочи
Бог слетит к тебе серьёзный
Вынет райские ключи
Хлопнет ими по балкону
И отвесив по поклону
Во все стороны вселенной,
Улетит домой нетленный.
А потом примчится снова
С вихрем звёзд и тучей птиц
И как бури неба слово
Вдруг на землю рухнет ниц.
Дрогнет мир. Померкнет свет
И тебя исчезнет след.
Тут я поднял страшный вой:
О небесный часовой
Мысль твоя течёт обратно
Как ручей бегущий в гору,
Мне безумцу непонятно
Моему не ясно взору
Моему не близко уху
Слушать неба смутный гла<с>.
Пропусти меня как муху
Через двери в рай как раз.
Ангел молча улыбнулся,
Поднял камень из-под ног,
Осторожно оглянулся,
Вдруг рукою размахнулся
И пустил мне камень в бок.
Этот камень был по счастью
бестелесный,
Потому что этот камень был небесный.

2 августа 1937 года.

266

Мы — это люди
Вы — это боги
Наши деревни
Ваши дороги

12 августа 1937 года
Детское Село

267

Я плавно думать не могу
Мешает страх
Он прорезает мысль мою
Как лучь
В минуту пó два, пó три раза
Он сводит судоргой моё сознание
Я ничего теперь не делаю
И только мучаюсь душой.

Вот грянул дождь,
Остановилось время,
Часы беспомощно стучат
Расти трава, тебе не надо время.
Дух Божий говори, Тебе не надо слов.

Цветок папируса, твоё спокойствие
прекрасно
И я хочу спокойным быть, но всё
напрасно.

12 августа 1937 года
Детское Село

268

Желанье сладостных забав
Меня преследует
Я прочь бегу, но бег мой тих
Мне сапоги не впору
Бегу по гладкой мостовой,
но тяжело, как будто лезу в гору.

Желанье сладостных забав
Меня преследует
Я прочь бегу, но бег мой тих
Я часто часто отдыхаю,
Потом ложусь на мостовой
И быстр<о> быстр<о> засыпаю.

Желанье сладостных забав
Меня во сне преследует.
Я прочь бегу, но бег мой тих
О да! Быстрей бежать мне следует
Но лень как ласковая тень
Мне все движенья сковывает.
И я ложусь. И меркнет день
И ночь мне мысли стягивает

И снова сладостных забав
Желанье жгучее несётся
Я прочь бегу, бегу всю ночь,
Пока над миром первый солнца луч
взовьётся.
И сон во мне кнутом свистит,
И мыслей вихри ветром воют...
А я с открытыми глазами
Встречаю утро.

13 августа <1937>
Ленинград

269

Глеб: Я руку протянул, И крикнул:
Вот потеха!
Стоял тут некогда собор,
А ныне веха.
А тут когда то был пустырь,
А ныне школа
А там — когда то монастырь,
Святителя Никола
А ныне только сад фруктовый
Качает сочные плоды
Да Храм Святителя Никола
Стоит в саду без головы.

Селлей: Молчи молчи безумный Глоб
Не то пущу тебе я пулю в лоб.
Довольно ныть. И горю есть предел
Но ты не прав. Напрасно ноеш<ь>
Ты жизни ходы проглядел.
Ты сам себе могилу роеш<ь>.

Глоб: Какие жизни ходы?
Селлей Селлей!
Нам не открыть закон природы.
Селлей Селлей!
Пройдёт с годами увлеченье
Устанет ум
Селлей Селлей!
Забудет мир своё ученье
И сладость дум
Селлей Селлей!

Селлей: Молчи, несносное созданье
Унылых мыслей философ.
Хотя бы раз в твоё сознанье
Проник ли жизни громкий зов?

<После 13 августа 1937>

270

Я видел: медленные веки
Она лениво подняла
И взглядом ласковые реки
Она лениво обвела

<после 13 августа 1937>

271

Деды жили, деды знали
Как им жить и как им быть
Мы же внуки всё забыли
Мы плывём, не зная куда нам плыть.

Деды строили заборы
Разводили скот и птиц

Деды были инженеры
Своих задумчивых и гордых лиц.

Мы же дедов наших внуки
Сильно двинулись вперед
Верим только лишь науке,
А наука, всегда почти, врёт.

Врёт проклятая наука,
Что бессмертья людям нет.
Врёт! И в том моя порука,
Что науке скоро капут.
————————————————
Потому что нет науки,
А бессмертье людям есть
Я видал такие знаки.
Я слыхал такую весть.
Очень скучно было б миру,
Человеку и душе
Если б жил и бух в могилу!
И вот уже на том свете атташе.

<сентябрь 1937>

272

Я сегодня лягу раньше,
Раньше лампу погашу,
Но зато тебя пораньше
Разбудить меня прошу.

Это просто удивленье
Как легко меня будить!
Ты поставь на стол варенье, —
Я проснусь в одно мгновенье.
Я проснусь в одно мгновенье,
Чтобы чай с вареньем пить.

2 ноября 1937 года.

273

Гнев Бога поразил наш мир.
Гром с неба свет потряс. И трус
Не смеет пить вина. Смолкает брачный
пир,
Чертог трещит, и потолочный брус
Ломает пол. Хор плачет лир.
Трус в трещину земли ползёт как
червь.
Дрожит земля. Бег волн срывает
вервь.
По водам прыгают разбитые суда.
Мир празднует порока дань. Суда
Ждёт жалкий трус, укрыв свой взор
От Божьих кар под корень гор, и стон,
Вой псов из душь людей, как сор
Несёт к нему со всех сторон —
Сюда ждёт жалкий трус удар,
Судьбы злой рок, ход времени и пар,
Томящий в жаркий день глаз, вид
зовущий вновь
Зимы хлад, стужами входящий в нашу
кровь.
Терпеть никто не мог такой раскол
небес
Планет свирепый блеск, и звёздный
вихрь чудес

<кон. 1937 — нач. 1938>

274

Зима рассыпала свои творенья.
Пушистый снег лежит среди дубров
На санки положив поленья,
Везёт их под гору Петров.
За ним собака в кожанном ошейнике
Бежит сверкая белым зубом.
И вот папаха на мошейнике
Уже горит под старым дубом.
Петров конечно рад ужасно

Смеётся, воет, стонет, плачет,
Потом, как стройный бог, прекрасно
Через верёвку с криком скачет.
Мошейник вышел из-под дуба
И говорит Петрову грубо:
“Кому ты здесь ломаешь спину?
Иди туда куда идёшь,
Не то тебя коленом двину
Тогда костей не соберёшь”.

<Кон. 1937 — нач. 1938>

275

Синее Божество!
Да наступит моё торжество!
Ваше Благородие,
Пошли мне небывалое плодородие!
Пожалей меня неудачного верзилу,
Пошли мне огромную поэтическую
силу!
Гибну я, — так

<1937-1938>

276

Но сколько разных движений
Стремительно бегут к нему навстречу
К нему спешит другой помощник
И движется еще одна колесница.

Открывается окно Смирно подходит к нему
слон. Вот он призрачной
голубчик. Вот он
призрачный голубчик.
Вот он призрачный
голубчик. Вот он
призрачный голубчик.
Вот он страданья
полный день. Нет пищи,
нет пищи, нет пищи.
Есть хочу. Ой ой ой!

ВИНО И МЯСО

Хочу есть. Хочу есть.
Вот моё слово.
Хочу накормить мою
жену. Хочу накормить
мою жену. Мы очень
голодаем.
Ах сколько чудных
есть вещей! Ах сколько
чудных есть вещей!
Вино и мясо. Вино и мясо.
Вино приятнее каши.
Бля, бля, бля!
Вино приятнее каши.
Берим бериг чериконфлинь!
Мясо лучше теста!
Мясо лучше теста!
Я ем только мясо и овощи.
Я пью только пиво и водку.
Чя́ки ря́ки!
Я не люблю русских женщин.
А русская женщина, да еще похудевшая,
да еще похудевшая
Фириньть перекринть!
Да еще похудевшая, —
Это дрянь!
Фу! фу! фу!
Это гадость!
Я люблю полных евреек!
Вот это прелесть!
Вот это прелесть!
Вот это,
Вот это,
Вот это прелесть!
Нахально веду себя я,
Я веду себя пренахально.
(Перепрыгни через бочку).
Я веду себя нахально,
Чя́ки, ря́ки!
Я люблю есть мясо,
Пить водку и пиво,
Есть мясо и овощи
и пить водку и пиво.

Фириньть перекиньть!
Я хочу есть мясо
И пить водку и пиво!
        Вот как!
(Перепрыгни через бочку!)

3 января 1938 года.
Гармониус.

277

Красиво это, очень мило:
Отнять у женщины часы
И подарить на память мыло,
Духи, цыгарки и усы.

13 марта 1938 года

278

Меня закинули под стул,
Но был я слаб и глуп
Холодный ветер в щели дул
И попадал мне в зуб.
Мне было так лежать нескладно
Я был и глуп и слаб
Но атмосфера так прохладна
Когда бы не была б,
Я на полу б лежал беззвучно,
Раскинувши тулуп.
Но так лежать безумно скучно:
Я слишком слаб и глуп.

23 апреля 1938 года

279

Да что же это в самом деле?..
Такая вялость в теле,
Мучительно ежесекундно чувствовать
                                        своё бессилие
Стихи совсем не сочиняются.
И каждый день мои пороки
С утра нахально начинаются.

Нет, жили иначе пророки!
Морщины изрезали мои руки.
Я целый день по комнате брожу от
скуки.
Во мне не стало силы воли
Я начал пухнуть от душевной боли.
Оставте меня сознания мухи!

9 мая 1938 года

280
СМЕРТЬ ДИКОГО ВОИНА

Часы стучат
Часы стучат
Летит над миром пыль

В городах поют
В городах поют
В пустынях звенит песок.

Поперёк реки
Поперёк реки
Летит копьё свистя

Дикарь упал
Дикарь упал
И спит, амулетом блестя

Как лёгкий пар
Как лёгкий пар,
Летит его душа

И в солнца шар
И в солнца шар
Вонзается ко́сами шурша.

Четыреста воинов
Четыреста воинов
Мечами небу грозят

Супруга убитого
Супруга убитого
К реке на коленях ползёт

Супруга убитого
Супруга убитого
Отламывает камня кусок

И прячет убитого
И прячет убитого
Под ломанный камень, в песок

Четыреста воинов
Четыреста воинов
Четыреста суток молчат.

Четыреста суток
Четыреста суток
Над миром часы не стучат.

27 июня 1938 года.

281
СЛАДОСТРАСТНЫЙ ДРЕВОРУБ.

Когда вдали сверкнули пилы,
И прозвенели топоры —
Мне все подруги стали милы,
И я влюблён в них с той поры.

Подруги, милые подруги,
Приятно трогать вас рукой.
Вы так нежны! Вы так упруги!
Одна прекраснее другой!

Приятно трогать ваши груди,
Скользить губами вдоль ноги...
О помогите люди люди!
О Боже, Боже помоги!

24 августа 1938 года
Д. Х.

282

Я долго думал об орлах
И понял многое:
Орлы летают в облаках,
Летают, никого не трогая.
Я понял, что живут орлы на скалах и в горах,
И дружат с водяными духами.
Я долго думал об орлах,
Но спутал, кажется, их с мухами.

15 марта 1939 года

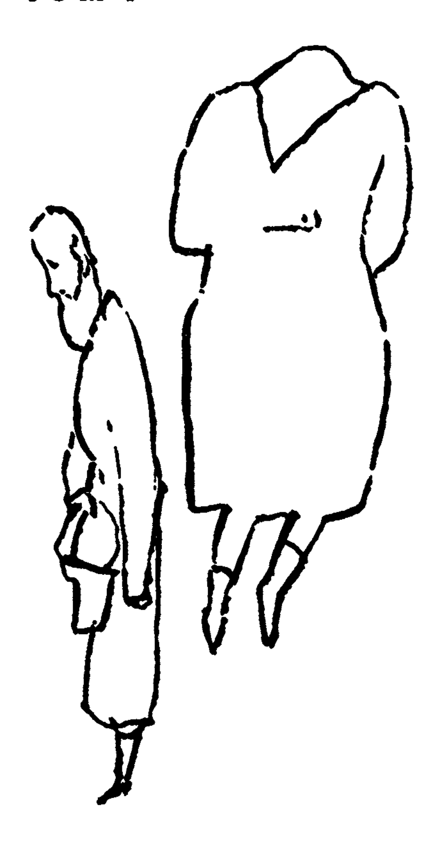
283

В ночной пустынной тишине
Вдоль клумб и гряд в большом саду
Брабантов шел к моей жене
Дрожа от страсти на ходу.
Он даже снял воротничок
И расстегнул слегка жилет
И весь дрожал как старичок
Хотя он был в расцвете лет.

Б. Д.

Д. ХАРМС
ТОМ 1

ПЕРЕВОДЫ

284
М. Д. Омайс

Пришёл конец. Угасла сила
Меня зовёт к себе могила.
И жизни вдруг потерян след.

Всё тише тише сердце бьётся,
Как туча смерть ко мне несётся
И гаснет в небе солнца свет.

Я вижу смерть. Мне жить нельзя.
Земля прощай! Прощай земля!

<1937>

285
Неизвестный автор

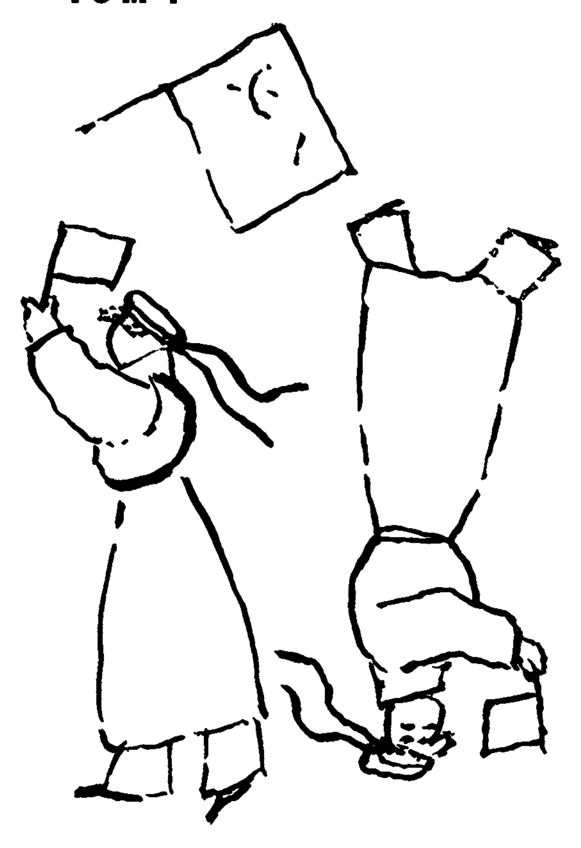
Как страшно тают наши силы
Как страшно тают наши силы
Но Боже слышет наши просьбы
Но Боже слышет наши просьбы
И вдруг нисходит Боже
И вдруг нисходит Боже к нам.

Как страшно тают наши силы
Как страшно!
Как страшно!
Как страшно тают наши силы.
Но Боже слышет наши просьбы
Но Боже слышет наши просьбы,
И вдруг нисходит Боже
И вдруг нисходит Боже к нам.

<1937>

Д. ХАРМС

ТОМ 1

НЕЗАВЕРШЕННОЕ И ОТВЕРГНУТОЕ

286

НОЧНЫЙ ОБЫСК

Пролог
I сцена. Два матроса

I матрос - Что летит под небом там
воит блеет и жужжит
перекладина креста
может по небу бежит
Дай-ка пулю.
Дай-ка пулю.

II матрос - Нет не дам.
Ты убьешь меня ей-Богу
Этой пулей как быка
Я не дам тебе ей-Богу
эту пулю. Отвяжись!

I матрос - Если пулю я прошу
Зная буквы имяни твоего наперечёт
а ты не дашь, то я прибегну к палашу,
что так метко головы сечёт.

II матрос - Конечно сталь острее чем свинец
и смерть стальная мной не победима,
но стоит мне спустить курок
ты штурман и детина
почувствуешь конец
и рухнешь на порог
да здравствует свинец!

I матрос - А видел чорта в рукаве?
Сунься!

<1927>

287

грамоту кто хочет?
истину кто видит?
Кто откроет твёрдый шкап

вынет ваточный халат
окружит себя полой
долгопятым сюртуком
проживёт всю жизнь в нём
не снимая даже днём
в твёрдом он сидит шкапу
круглым страхом напряжён
с пистолетом на боку
позабыт и наряжён
до того ли что в раю
Бог на дереве сидит
я же вам и говорю
ты повторяешь он твердит
она поёт
ему лежит
её пошёл
на нём бежит
в ушах банан
в дверях пузырь
в лесу кабан
в болоте пыль
в болоте смех
в болоте шарабан
скачет мавр
сзади всех
за ним ещё бежит кабан
а сзади пыль
а дальше смех
а там несётся шарабан
скачет конь
а сзади всех
несётся по лесу кабан.

18 апреля 1929 года

288

Один старик смотрел на небо
и всё искал знак воскресения
А в это время на земле
дрожало губительное землетрясение.
Люди сидя за обедом

быстро падали со стула
в Костроме стучали двери
над Москвой качалась Тула.
Федя лавочник в причёске
с пёстрым галстуком в груди
на разрушенном прилавке
сапогов сидел среди
Его невеста Катя
румяная всегда
лежала на полатях
с оторванной рукой
а Федя в скором времяни
женился на другой.

<31 мая или 1 июня 1929>

289

Я подошёл к хозяину
шепнуть ему сухарик.
хозяин внешними руками
обнял меня и притянул к своему жилету.
Я видел как сапоги его стали рости
достигая высот фиолетового дерева
куда уж мне со своими тоненькими плечиками
тянуться к уху великана
Он заметив мою нерешительность
раздвинул стены храма
вдруг солнце выскочило из его глаз
я понял, что передо мной стоит охотник
молний
одержимый небесного грохота комом

Охотник молний –
Собирайся в путь малыш

Перевернув страницу книги
Я

<1929-1930>

290

Я: На стакан с водою глядя
Я задумчиво жевал
Супротив меня мой дядя
К брюкам кнопку пришивал

Все: К брюкам кнопку пришивал.

Я:

<Первая пол. 1930-х>

291

Наступала ночь в битву Сергея Радунского с Миколаем Согнифалом. Достаточно было перебито людей и шерстяных лисиц. Войско Сергея Радунского скакало с пиками заострённых карандашей. А Миколай Согнифал пускал шерстяных лисиц перегрызать логти воинов Сергея Радунского. Первая битва произошла в лесу на комоде с подсвечником.

Дрался воин первый мечник
бил графином кусаря.
прыгал храбро за подсвечник
брюхо пикой разоря.

Тот ложился ниц контужен
ливня зонтик пополам
мечник резал первый пужин
шкуру бивня кандалам.

Вон скачет пушкин ветру следом
целит пушку в лисий холмик.
Он скакунец машет пледом
лопнул гром. проходит пол миг.

Револьверцы скачат вира
Миколая носа близко

13 февраля 1930 года.

292

ляки страха гануе
поляки бороды гану
мевы лодочек пята
бевы санок полео
рёх подруги феи фуи
дням тусусы лепы хипы
грех подруги феи дуи
коням и птицам глаза протыкать
нельзя ли мне послушать ваши бредни?
наши бредни
злые мредни
крепче пыни
мельче дыни
ярче камня
длиннее собаки.
нельзя ли подруги поцеловать
ваши ноги?
наши ноги не целуют
ноги тайные места
нас ласкают и целуют
толь<ко> в плечи и в уста.
поцелуйте если хотите ручку.
Он смеётся шепчет: гага
ручку ласково берёт
и притопнув как бумага
скачет весело вперёд.

<21-22 августа 1930>

293

Аларих: четыре дня над Римом летал пророк.
и двести тысяч кельтов через Альпы
вёл под уздечку Радагес.
Я видел гибель Стилихона, он
в бездну друг скакал на стуле
за ним Евхерий в бездну падал
неся в руках железный крест.
Я под сосной лежал на мху
в лесу шакал кричал ху ху!

Рим снился мне
в кругу зелёных опахал.
Сам император на коне
в бобровой шляпе хохотал
и я во сне подумал: проще
его убить. Какой нахал
и я проснулся в дикой роще
и как безумный хохотал

Готы:

30 ноября 1930 года

294

Лампа Саша:

Я глядела на контору.
кофту муфту и печать
я светила Никанору
ноги стройные читать
слышу в поле Милирея
зубом щёлкает кабан
вижу корень сельдирея
ловит муху в барабан
люди люди бросьте мыло
встаньте в комнате как боги
всё что будет всё что было
всё разбудет на пороге.

Никанор:

понял понял в эту пору
наши гуды наши муки
все подвластны коленкору
но страдали только руки
роту круглую корыты
реки голых деревень
ямы страшные нарыты
в ямах каша и ремень
Кто поверит в лампу Сашу?
где страница наших ног?
мы сидим и просим кашу
лампу, муху и курок.

Лампа Саша:

вы светили ваш покой
свет убог и никакой

я светила бегал свет
вы светили света нет
вы сидели на гвозде
на конторе и везде
я сидела бегал свет
вы сидели света нет
вы глядели в камертон
в кофту муфту и в картон
я глядела бегал свет
вы глядели света нет
вы лежали в сундуке
в сапогах и в сюртуке
я лежала бегал свет
вы лежали света нет
вы висели над столом
с топором и помелом
я висела бегал свет
вы висели света нет

Никанор: понял понял в эту пору
понял домом и дугой
всё подвластно коленкору

<1930>

295

Вид: Направо дверь, на лево дверь, прямо дверь, с низу дверь, в кось дверь, с боку дверь, с тылу дверь и поперёк дверь. На полу молча лежит ласосина и поёт обращаясь к самой себе:

Нынче ты
вылезла из воды
прекрасная дева морей
и пленила понаморей
в свете тусклых фанарей.
Твой стакан

1930

296

Клан:
Вот знак моего облака
рогиня моих веток
слуги моего дня
послушные мне единым словом
бегите ловкие солдаты
поймайте бабочку
сидящую вот там на ветке
во отцвете лет
уложенных в минуты душные
глядящую в толпу цветов
где одуванчиков головки пушные
дождавшись ночи рассыпаются
хочу знать бабочек законы
размножения
вы маленькие голуби
гнезда себе не строя
в капусту на ночь залетаете
мы в огород идем, нас трое
вы нас узнали?
или вовсе нас не знаете?

Бабочки:
незнакомых ваших лиц
мы не знаем не куём
в доки быстрых ваших глаз
в уши боги не поём
не пугаем вовсе вас
не влетаем к вам в окно
не садимся к мамке в рот
что же вы от нас хотите.
Или временно народ
забывая стыд и срам
ставит жертвенник машине
паровозу белый храм

Клан:
Ко
эй слуги знаки буквы и числа
ловите негодниц в зелёные сачки

Слуги и знаки:
Сейчас сейчас поймаем
негодниц и злодеек

мы крылья им обрежем
поверьте в нашу прыть
поверьте в нашу прыть

Буквы и числа: Нам только б до них добраться
уж мы тогда покажем
уж мы тогда покажем
покажем нашу честь
покажем нашу честь

Илан: вон за кустом на камень встаньте
то будет выше опора

<1930-1931>

297

Пульхиреев и Дроздов
храбро ехали в Ростов
Пульхиреев на картоне
ехал вывернув ладони

<1930-1933>

298

Луиза!
Ты моё пристанище
Ты небесный лампион
Ты кораблик с мачтой-пикой
Ты воздушная струя
Ты коробочка с цветочком
Ты бубенчик на шлее

Луиза!
Стань передо мной на стул
Стань на бочку из под яблок
Стань с подсвечником на шляпе
Стань с метёлочкой в зубах
Стань со звёздочкой во взоре
Стань с пером на голове

Луиза!
Покажи мне карту мира
покажи мне

<1930-1933>

299

Дорогой мой, купите мне бубенчик.
Сейчас посмотрю, хватит ли у меня
фиников.
А потом купите мне табуретку.
Я очень устал.
Ну тогда бегите на станцию и купите
мне четырёх коней.
На которую станцию мне бежать?
Лучше всего на правую.
Далеко ли до правой станции?
Я уже не помню сколько туда шагов.
Я пойду туда пешком.
Принесите мне люстру и мешок
отрубей.
Я св

<1930-1933>

300

Дремлет стол скамья и стул
Дремлет шкап, сундук и печь
И Петров свечу задул
И глядит куда бы лечь.

Ай Петров Петров Петров
Лучше стой всю ночь стоймя
Если шуба твой покров,
То постель тебе скамья.

<Первая половина 1930-х>

301

Мы приехали. Шипела
керосиновая каша

на столе коробка с мелом
керосиновая наша
Мария Ивановна удивилась
и давай гармонь тянуть
песня керосиновая полилась
возбуждая нашу грудь
к плачу. Мы лицом уткнулись
в керосиновый графин
в нём находим утешенье
в нём находим парафин
Ладно люди, мы не дети
Мария Ив. букашка
в керосиновом букете
открывается ромашка
Мария Ивановна из пяток
нам рубашку будет шить
то то мы пойдем в присядку
рубашёнкой тлен прикрыв

<Между 11 и 13 января 1931>

302

Окнов – Ну Ваня, знать и ты дружок
дуешь в дудочку рожок
где бы в рай мерзавец думать
своё тело протащить
ты всё в дудочку дудишь
ты всё в дырочку глядишь.

Ваня – Ах это неверно.

<Январь-май 1931>

303

Я не могу читать некоторые книги
в них мысль заменяет слово
но мысли жалкий фитилёк
надежда мученика злого
мне непонятно восхищенье
перед науки торжеством

<март 1931>

304

Дорогая Наташа,
хороводом татарок
благодарю тебя за твой подарок
с вершины белых потолков
бежит моё спасение
и силу оков
недели
кончает воскресение.

<Апрель 1931>

305

Скажите Мария Алексеевна
вам знакома эта местность
Тут утром проходят стада быков
на бойню
а вечером в другую сторону едут
телеги нагружённые мясом

<28 июня 1931>

306

Роберт Мабр — Ну с начинаю
движутся года.
Смотреть и радоваться в книгу
сделанную много сотен лет тому
назад не буду больше никогда.
Садитесь в круг
ученья каждому открою двери.
Без цифр наука как без рук.
начнёмте с цифр:
три контуром напоминает
перерезанное сердце
Согласны?

Все хором — согласны!

<1931>

307

Гностик: Я буду бить каждого человека

Атрук: Хвали лучше дев от каждого дома нам
доставленных.

Гностик: Я закрываю глаза на всякое дело,
не помеченное в нашей книге Иисуса Христа.
И если девы показывают свои голые тела,
то пусть глядят на них глаза невольников
Сатаны
но мои глаза будут глядеть на юношей
стоящих по форме торжественных букв
из которых слагается р ы б а.

Атрук: Как мало радости в складках твоего
измученного лица
Я не думаю чтобы улыбка была твоей няней.
Ты трусишь при мысли совершить грех
Уверен также, что грех это конница.

Гностик: Потом забыли то о чём я думаю.
Простые значки сада, ключа и трости
не трогают наше величество.
Наш путь пробежал по римским владениям
и украсил собою багряницу и виссон.

Атрук: Ты думаешь об искуплении твоих грехов
Я же думаю о сознаниях Бога.
И мы кровью делаем своё дело.
Но твой неподвижный ум
не позволяет заменить кровь человека
бычачей.
Я же кровью легкой птицы
заменяю кровь людскую

<1931>

308
ВОЦАРЕНИЕ ИЛИ ДВЕРЬ КОНЦА СВЕТА.
Поэма

Утро. У ворот петербуржского дома стоит человек в бобриковом пальто. Он то стучит в ворота, то спокойно гуляет взад и вперёд, то снова с яростью стучит в ворота.

Пусти!
Кто б ты не был
Тут твою душу спрашивают.
Я тебе твою голову расшибу
или ты чёртов кум бегом прискачешь.
А то разнесу ворота
садону плечом и вышибу
старый мерзавец!
Да что ты спишь или претворяешься?

<1931>

309

Кин – Этого лица я не хотел бы больше
видеть.
В нём всё противоположно правильному
размещению

бугристые долины разходятся мечами
к свету глаз
пика мешает числам расположиться
в правильных сочетаниях
Законом ищет Бог уравновесить многие
неровности лица

Зак – Вот это справедливо.
Гляжу в тебя как бы разглядывая небо
звездное
Где оси длинных разстояний

<1931>

310

ДОН ЖУАН

Действующие лица:

Духи.
Один дух.
Другой дух.
III, IV, V, VI, VII духи.
Проходящие Облака.
Расцетающие цветы.
Инквизитор.
Фискал.
Член священного
трибунала в Севилье.
II член.
Лепорелло.
Шпион.
Дон Жуан.
Командор.
Дон Октавио.
Донна Анна.
Первый кавалер.
Второй кавалер.
I дама.
Супруг.
II,III дамы.
Пролетающие жуки.
Мальчик.
Пролетающие журавли.
Озёра и реки.
Заходящее Солнце.
Соловей в роще.
Голос.
Сатана.
Девочка.
Гений Д. Х.
Нисета.
Боабдил.
I приятель Дон-Жуана
из Кадикса.
II приятель.
Дон Цезарь.
I,II и III солдаты.
Офицер.
Слуга.
Музыканты.
Пираты.
Статуя.
Настоятель.
I монах.
II монах.
Хор монахов.

ПРОЛОГ

Духи: быть — это быль
и тот, кто был, тот будет
быть — это радость
и тот, кто хочет быть, — тот будь.
И в колыбель его кладут в
младенчестве
и кормят молоком
и с молоком впервые он вкушает
радость.
А в детстве он идёт
и посещает школу,

а в школе получает знание
и в знаниях он видит радость.
А в юности он сильно любит
и чувствует большую радость.
А в зрелости он получает силу
и в силе ощущает радость.
А в старости он получает мудрость
и мудростью он произносит слово,
и это слово — радость.

Дух Фирмапелиус: Тому, кто хочет быть, и стал
тому всегда прилична глупость.

Дух Бусталбалиус: Быть это значит быть умом.
И тот, кто хочет быть,
тот будет умным.

Дух Фирмапелиус: А тот, кто хочет быть — и будет,
того тотчас же одолеет глупость.

Дух Бусталбалиус: А я твержу и утверждаю:
быть, это значит быть неглупым.
И ты, приятель Фирмапелиус
жестоко ошибаешься.

Дух Фирмапелиус: Скажу тебе друг Бусталбалиус,
что ты прямое доказательство,
того, что значит быть.

Дух Бусталбалиус: Я не был и не буду никогда
и ты не будешь никогда
и никогда ты не был.

Проходящие облака: А потому и разговор небывших
мы будем называть небывшим.

Расцветающие цветы: А размышленье проходящих
мы называем проходящим.

Заходящее солнце: Что не успело расцвести,
то не успело мудрости приобрести.

Озёра и реки: Течение всегда приятно
и радости покой.
Когда мы пристально глядим на
что-нибудь,
то наши мысли быстро несутся
и мы, не в силах оглянуться,
летим с порога на порог
журчим рекой на поворотах
и поднимаем вверх волну.
Но вот затихло быстрое теченье
мы видим шире, больше,
видим сразу много
и не спешим, а тихо разливаемся
и делаем свою поверхность гладкой.
И гладкая поверхность отражает небо.
А в небе, ночью, светят звезды,
а днём летят по небу птицы
и отражаются в воде.
Пролетающие журавли:
В этих водах, наши крылья
очень чёрны, журавли.
В этих водах, наши крики
очень громки, журавли.
В этих водах, наши ноги
могут быстро обмануть.
В этих водах, наши дети
могут быстро утонуть.
Эти воды, нашим детям,
очень гладки, журавли.
Эти воды, нашим детям,
не годятся, журавли.

Голос: Эй тварь
живая и неживая,
такая и нетакая,
от племяни и не от племяни,
во времяни и не во времяни
расступись
перед ним, перед самим,
господином
и таким и не таким!

Сатана: Вселенная стой!

ЧАСТЬ I

Инквизитор: Стой!
Я ещё на всё тебя спросил.
Ты не сказал мне
как зовут его слугу.

Фискал: Сейчас скажу.
Я только справлюсь в этой книжечке.
Тут, у меня, всё нужное записано.
Вот перечень главнейших книг,
а вот литература,
которая меня интересует;
всё больше, кажется, по математике.
А вот таблица чисел,
их свойства и значения.
Вот непонятные слова,
которые мне приходилось слышать,
Вот перечень породы бабочек...

Инквизитор: Довольно!
Эти глупости меня не занимают.
Мне нужно имя,
или я пущу в тебя четыре пули.

Фискал: Вот именя погибших
Вот имя Дон-Жуана,
а вот его слуги.

Инквизитор: Ну как же?

Фискал: Лепорелло.
I член священного трибунала:

<1932>

311

Мчится немец меж домами
мчится в бархатных штанах

мчится быстро в гости к маме
в город славный Штаккельнах.

немца кудри черно-буры
грозди глаз его блестят
по бокам его кабуры
бьют по крупу и свистят

по бокам его кабуры
бьют коня в тяжелый круп

немец немец от натуры
ловок, смел, суров и груб.

гвозди глаз его так хмуры
точно снится немцу сон
по бокам его кабуры
испускают страшный звон.

люди в страхе рассуждают:
кто сей всадник? объясните!
в нас, от страха, мысли тают,
рвутся нервов наших нити.

Немцу жизнь как игрушка
немцу пища невдомёк
вот вдали стоит избушка
светит в окнах огонёк.

21 августа <1933>

312

Где ты?
Я тут.
А где твоя подруга?
Подруга в гости не пришла.
А где твоя большая книга?
А книга спрятана в шкапу.
Зачем ты книгу спрятал в шкап?
Ах, просто по ошибке.
Я вытирал со стула пыль

мохнатой тряпкой.
Смотрю летают мухи
около еды.
и оставляют разные, паршивые следы
на разных, дорогих предметах.

<24 августа 1933>

313

Из воздухоплавательного парка
бежит с восторгом фермоплаз.
блестит Юпитер. Звёздам жарко.
К трубе подносит Клумбов глаз.
Огромной силы приближенье
увидел Клумбов сквозь трубу.
Звёзд бесконечное движенье
планет безумный танец
фу ослепительно

<Август 1933>

314

Захлопнув сочиненья том
я целый день сидел с открытым ртом.
прочтя всего пятнадцать строк
я стал внезапно к жизни строг.

<Сентябрь 1933>

315

Когда умно и беспристрастно
в моём отшельническом доме
я сумасшедшими руками
хватаю муху за крыло
меня понять никто не в силах.
Прости природа мой поступок
прости невинное желанье
прости неведенье моё.

<14 октября 1933>

316

На паровом тромбоне мы играли
нам жизнь казалась колесом.
Иван Петрович Пятаков
глядел на небо сквозь трубу

Иван Петрович Пятаков
играл на паровом тромбоне
как пуля в ухо звук летел
Иван Петрович Поглядел
в тетрадку с нотами и грянул
такой стремительный галопп,
что звук летел как пуля в лоб.

<1933>

317

Девица, женщина, жена, вдова, дитя
и Марфа
пугались Римы глаза кар
кого прикрыла тетя арфа
бледнели щёки с плечь сходил загар
кого тянула посмотреться в доску
щемила в рёбрах благодать
и дети чуя тоску
садились на кровать

<1933-1934>

318

Царь вселенной,
Царь натуры,
Царь безыменный,
не имеющий даже определённой
фигуры.

приходи ко мне в мой дом
будем водку вместе жрать
лопать мясо, а потом
о знакомых рассуждать.

может божеский автограф
поднесёт мне твой визит,
или может быть фотограф
твой портрет изобразит.

27 марта 1934 года
Хармс

319

I. Я к тебе несусь владыка
полон страсти и младыка
покажи мне воду некую.

II. Я в кувшинах не кумекаю.
ветка ветра веселёха
распушила хвост рулевой
тучи серая лепёха
груди около лети
это вымпел нулевой
вехи ветхого пути.
Посмотри как я парю над озером
избегая капканы смерти
знать уж скоро выйдут с мозером
отмечать секунды черти.

I. Под ногами вьётся Ладога
величиною с кулачёк
вон торчит глядите радуга
земледелия значёк
к нам от солнца света луч
пробегает путь олений
разноцветным из за тучь
флагом льёт переломлений
мы в этом усматриваем буковку
прекращения гроз

II. А если хватит мороз
по молодым почкам
то то будет горе нам
воздушным цветочкам

I. Я с ножами вилками и ложками
колокольчиком лечу за мошками
не страшны мне холода
я и камни буду есть
я и воды буду пить
превращённые в снега
мне жизнь право опостылила
и если небо все дожди повылило
то радуга корона суши
мне кажется блистает ярче
предыдущего раза.

II. Потоки болотного газа

<4 мая 1934>

320

НА ПОСЕЩЕНИЕ ПИСАТЕЛЬСКОГО ДОМА 24 ЯНВАРЯ 1935 ГОДА

Когда оставленный судьбою
Я в двери к вам стучу друзья
Мой взор темнеет сам собою
И в сердце стук унять нельзя
Быть может радости движенья
Я вам собой не принесу
В груди, быть может, униженья
Насмешек ваших не снесу
Быть может приговор готовый
Моих друзей гремел не раз
Что я в беде моей суровой
Быть может не достоин вас
нелеп
Толпу забот и хлад судеб

<24 января 1935>

321

Тебе дано меня боготворить (а это дар
небесный),
А дар небесный, это, надо думать, дар
святой.
Да, я конечно очень очень очень очень
интересный
И даже очень очень очень очень развитой.

Писать без промаха какое наслажденье!
Потом читать написанное вслух.
Да, это лучшее время препровожденье
Когда участвуют зараз и плоть и дух.

Тогда я чувствую в себе поток вселенной

<1935>

322

Люблю порой смотреть в окно
И наблюдать других людей заботы
Люблю порой смотреть в окно
Тем самым уклоняясь от работы.

Я долго, пристально смотрю
В лицо молоденькой еврейки
Стараясь прочитать в чертах её лица
Законы женских чар

<1936-1937>

323

Вот Граволов чубук роняет
А вот Пятёркин в водку
Рукой дрожащей насыпает...

<Кон. 1937 — нач. 1938>

324

Довольно рвать зубами стремя.
Горячий конь стоит под елью.
Минуту длится ликованье
И снова на балкон выходят гости.

<Кон. 1937 — нач. 1938>

325

Вот вошёл Иван Блинов
И промолвил: "Я готов".
Он схватил руками стол
Раскачал его и в двери
Отшвырнул на сорок метров.
Он безумно был силён!
Антонина Соловьёва
Разлюбила Кандакова
А Блинова полюбила
Ради силы рук его.
А Блинова полюбила ради силы рук его.
И Блинова облепила
Поцелуями всего.

Лектор:

<1937-1938>

326

Ума своего недостойный внук
Давно окруженный пороками
Ключом отопри вдохновенья сундук,
Упомянутый в стари пророками.
Только где этот ключ:
В небесах между тучь
Или в море под хладными волнами?
Или в чёрных горах,
Или в тёмных дарах

28 июня 1933

327

И вдруг из пола вылезает страшный дух
И, указав на нас коленом, "Который, —
говорит — из двух?"
Тогда Хлипатский подбегает к
нерастворенному окну
И хочет пригнуть вниз на камни, но я кричу:
"Не прыгайте — всплакну!"

<28 июня 1938>

328

Журчит ручей, а по берегам
По берегам
По берегам
По берегам того ручья
Разбойники спят на песке.

Опасно плыть вдоль по ручью,
Вдоль по ручью,
Вдоль по ручью
Вдоль по ручью на прохладной волне
Девице плыть молодой.

Приснятся разбойникам жаркие сны,
Жаркие сны,
Жаркие сны,
Коварные сны про весёлый ручей,
С девицей в прохладной воде.

Спасайся девица! Плыви в камыши,
Плыви в камыши,
Плыви в камыши,
Плыви в камыши

18 августа 1938 года

Д. ХАРМС
ТОМ 1

ПРИМЕЧАНИЯ

Как отмечено во вступительной статье к настоящему собранию, посмертное издание литературного наследия Хармса началось в 1962 г. с переиздания его произведений, опубликованных в конце 1920-х — 1940 гг. в детских журналах и книгах для детей. Усилиями А. Александрова и М. Мейлаха — исключительно ограниченного круга исследователей, допущенных владельцем архива Хармса Я. Друскиным к разборке его рукописей, — с середины 1960-х гг. начинается публикация оставшегося неизданным его творческого наследия. Одновременно «<...> тексты начинают расходиться в самиздатовских списках, как правило, искаженных и дефектных, которые после этого стали появляться в полупрофессиональных публикациях» (Кобринский, Мейлах. С. 81) — совершенно точное наблюдение; однако, хорошо зная по собственному опыту этико-политическую атмосферу того времени и учитывая названные выше обстоятельства доступа к архиву Хармса, приходится удивиться «обличительному» пафосу приведенного замечания. Ту же ремарку считаем возможным адресовать и другой, не менее справедливой оценке качества первого большого сборника прежде неопубликованных произведений Хармса: «<...> западный исследователь Дж. Гибиан поторопился сделать "литературное открытие", выпустив сборник произведений Хармса и Введенского на английском языке, где к самиздатовским искажениям текстов добавились грубые ошибки переводчика. Через три года этот же исследователь выпустил и русское издание Хармса, столь же малоудовлетворительное» (Кобринский, Мейлах. С. 81).

В 1978–1980 и 1988 гг. вышли 4 тома Собрания произведений Хармса — итог многолетней тщательной работы М. Мейлаха и В. Эрля по разборке и изучению неизданных рукописей Хармса. В течение, по крайней мере, 10 последующих лет первые три тома этого Собрания служили основным источником изучения «взрослого» стихотворного творчества Хармса, тем более значительного, что в Собрание включены варианты, неоконченные тексты, наброски. Огромный объем впервые осуществленной работы,

по-видимому, не позволил дать необходимых пояснений по поводу избранных составителями текстологических решений, которые, применительно к публикации произведений Хармса (особенно стихотворных), составляют проблему, неизбежно так или иначе решаемую любым, кто берется публиковать по автографам его творческие тексты.

Другим заметным изданием наследия Хармса стал первый в России том избранных его произведений, подготовленный и прокомментированный А. Александровым — «Полет в небеса». Российский читатель, благодаря этому изданию, мог впервые в более или менее репрезентативном объеме и в составе одного тома познакомиться с творчеством Хармса в разных жанрах. Однако, текстологический уровень этого издания оказался оценен (в значительной степени справедливо) негативно (Кобринский, Мейлах).

Помимо явно непрофессиональных или поспешных публикаций литературного наследия Хармса, появлялись достаточно квалифицированные, сделанные с максимально возможым учетом авторской индивидуальной манеры и воли. К таким следует прежде всего и в особенности отнести появлявшиеся с 1985 г. в сопровождении оригинальных, новаторских интерпретаций публикации швейцарского слависта Ж.-Ф. Жаккара. Впоследствии они вошли в развернутом виде в состав его (вообще первой в хармсоведении) монографии (Jaccard I).

Как сказано во вступительной статье, почти все литературное наследие Хармса на сегодня можно считать опубликованным. Однако, хармсовская текстология является достаточно сложной (а некоторыми публикациями и дополнительно осложненной) проблемой — за отсутствием для всего корпуса текстов Хармса (помимо двух опубликованным при жизни) несомненных указаний на авторскую волю, каковой принято считать последнюю прижизненную публикацию (не имеем в виду детские тексты, хотя относительно их текстологии приходится тоже решать немало проблем — о них см. т. 3 настоящего собрания). Итак, перейдем к изложению текстологических принципов настоящего собрания, оговорив, что составитель отнюдь не считает их единственно возможными и универсальными для хармсовской текстологии.

СОСТАВ. О распределении произведений Хармса по томам в соответствии с их жанровой принадлежностью см. во вступительной статье к настоящему тому. В томах 1–3 отсутствуют те литературные произведения Хармса, которые включены им в состав записных книжек: композиция этого собрания предполагает их воспроизведение в полном составе, чтобы дать представление о подлинной внутренней структуре записных книжек Хармса (как это принято в научных публикациях записных книжек писателей).

К драматическим произведениям в стихах (в отличие от диалогически организованных стихотворных текстов) отнесены все

те, которые имеют авторские ремарки: «входит», «садится», «занавес» и т. п. В то же время многочисленные прозаические тексты, имеющие признаки драматических, отнесены в общий раздел «Проза и сценки».

К произведениям Хармса для детей (т. 3 наст. собр.) отнесено, как правило, то, что им самим напечатано в детских изданиях — сознаем, что и среди неопубликованного есть тексты, которые могли быть написаны для таких изданий, но в них, по каким-то причинам, не напечатаны; мы сочли целесообразным пойти по этому формальному пути, чтобы избавить себя от неизбежного субъективизма, а читателя от напрасных догадок по поводу логики составителя или самого Хармса.

В тт. 1–2 особо выделен отдел «Незавершенное и отвергнутое». Отвергнутое — все то, что нередко у Хармса сопровождено пометой «Плохо» или перечеркнуто, но все же носит характер удобного для публикации текста. Что касается незавершенного, то применительно к хармсовской текстологии это проблема едва ли решаемая с безусловной надежностью. Не будучи вообще оригинальной в литературе (ср. с любимым Хармсом Гоголем — об этом см. Jaccard I. P. 233 и далее) у Хармса незавершенность еще и утрирована: начало как бы «с полуслова» и такой же обрыв текста — один из элементов, составляющих его концепцию времени. Поэтому мы сочли возможным отделить в раздел, о котором идет речь, преимущественно те тексты, которые очевидным образом свидетельствуют об их неоконченности: недописанная фраза, слово или обозначенный персонаж, которому не дано реплики (что, впрочем, тоже, может быть, являлось авторским приемом?). Все остальные тексты, завершенность которых может дискутироваться, помещены в основной раздел.

В некоторых случаях приходилось решать проблему выбора основного текста. Имеется в виду нередкая у Хармса ситуация, когда над текстом или паралллельно с ним он вписывает другой, не зачеркивая предыдущего. Сознавая, что в данном случае мы имеем дело с вариантами, и по правилам следовало бы предпочесть второй, мы уклоняемся от этого, руководствуясь именно волей автора, который, не зачеркнув первого варианта, таким образом не отдал предпочтения второму.

ТЕКСТОЛОГИЯ. Наиболее сложной проблемой текстологии Хармса (хотя о ней мы вели речь и в предыдущем разделе) является орфография и пунктуация его стихотворных текстов. Как стало очевидным, фундаментальное Собрание произведений (тт. 1–4) достаточно субъективно воспроизводит их, исходя из того постулата, что тексты Хармса пестрят неграмотными написаниями, описками и т. п. Поэтому тексты в Собрании произведений подчас исправлены в соответствии с современными правилами нормативной грамматики. Однако, также произвольно изменены в стихотворных текстах Хармса начальные буквы стихов (строчные на прописные и наоборот), что не может быть логически мотивиро-

вано. Разумеется, проблема «грамотности» Хармса дискуссионна. Однако, хотелось бы привести несколько произвольно взятых примеров, демонстрирующих на наш взгляд, внимание Хармса к специфике графики, орфографии, и пунктуации своих текстов:

в «Скупости» педантично меняет прописные буквы в начале 25 и 27 стихов на строчные;

«Берег правый межнародный» — в 17 стихе читаем *девецы*; Хармс столько раз писал излюбленное им *девица*, что отнести указанное написание к незнанию (неграмотности) невозможно;

«Лапа» — в слове *равнину* корневую гласную исправляет на *о*; там же — пишет *видишь, посмотришь*, но между этими словами *говориш*;

«Случай на железной дороге» — снимает запятую после стиха 7;

«По дороге я бегу» — строгая система строчных и прописных начальных букв стихов по всем трем строфам;

«Турка–Турка» — последовательно во всех 6 строфах первое слово каждой строфы пишет с прописной, остальные — со строчной буквы;

«Хню» — в слове *весёлые* исправляет конечное *е* на *я*;

«Старуха» — педантично и в полном соответствии с нормой расставляет знаки препинания;

«Соловей, скатываясь в ящик...» — в варианте «неправильное» *перелины* рифмует с *орлины*;

«Двести бабок нам плясало...» — *бездонного* исправляет на *бесдонного*.

Примеры, взятые наудачу, можно еще умножать. На наш взгляд, они свидетельствуют о том, что в значительном большинстве случаев письмо Хармса — не автоматическое и неграмотное, а рассчетливое создание авангардной поэтики, еще и утрированное такими специфически хармсовскими понятиями, как «погрешность», «равновесие» и др. Таким образом, стихотворные тексты мы воспроизводим с максимально возможной пунктуальностью относительно автографов Хармса; в прочих текстах пунктуация приведена в соответствие с нормативной грамматикой (в правке орфографии, кстати, прозаические тексты почти не нуждаются — ср. со стихотворными); оставлены в авторском написании лишь очевидно носящие признак индивидуальности (дважды «анегдот» и т. п).

Сочтено необходимым вопроизводить авторские написания дат, места создания, а также, что особенно важно, подписей (псевдонимов) под текстами, рассматривая все эти элементы как часть структуры текста. Даты в угловых скобках — от составителя. Как выбор текста для публикации в качестве основного, так даты, поставленные составителем, основаны на изучении автографов Хармса в процессе составления научного описания (каталога) архива писателя, хранящегося в РНБ.

ПРИМЕЧАНИЯ. Не раз уже отмеченная фундаментальная работа М. Мейлаха и В. Эрля, прежде всего, учтена при составлении при-

мечаний к текстам Хармса. В необходимых случаях, когда в настоящем собрании избирается иной чем в СП, вариант для публикации, это отмечается как иная текстологическая интерпретация. Ввиду отмеченного ранее значительного расхождения в воспроизведении графики, орфографии и пунктуации в СП в сравнении с автографами Хармса, мы не сочли необходимым каждый раз, ссылаясь на первую публикацию в СП, отмечать эти отличия (как и в других огорчительных случаях неточного воспроизведения хармсовских текстов).

Что касается содержательной стороны примечаний, в них достаточно широко учтен наиболее значительный и в своем роде уникальный материал — названная монография Ж.-Ф. Жаккара (Jaccard I), в которой так или иначе интерпретированы более 100 текстов Хармса. С другой стороны, мы старались учесть в примечаниях те из появившихся в последнее двадцатилетие работ, которые ориентированы на серьезное освоение хармсовского литературного наследия, пытаясь, по мере сил, внести и свою лепту в этот процесс, главным образом, систематизировав сквозные мотивы хармсовских текстов.

В заключение, считаем нужным повторить, что принятые в настоящем собрании сочинений текстологические основания публикации текстов Хармса мы не считаем единственно возможными, сознавая, что во многих случаях сталкиваемся с проблемами не только дискуссионными, но и вряд ли разрешимыми, и памятуя справедливые слова С. А. Рейсера: «Необходимо считаться с тем, что в науке всегда существуют вопросы, разрешить которые мы, при нынешнем состоянии источников не можем» (Рейсер. С.142). Не делая никаких открытий, мы всего лишь опирались на принятые (тоже, может быть, дискуссионные, но приемлемые для составителя настоящего собрания) профессиональные принципы: «Неприкосновенность авторского текста в большом и в малом должна стать аксиомой. Всякие попытки "осовременить", "улучшить" или "исправить" текст писателя должны встречать самый решительный отпор» (Рейсер. С. 134).

Растянувшаяся по разным обстоятельствам на годы работа над собранием сочинений Хармса постоянно творчески опекалась Ж.-Ф. Жаккаром, редакторски прочитавшим первый вариант т. I — я неизменно благодарен ему за помощь и советы. Считаю долгом поблагодарить заслуженного публикатора России Владимира Иосифовича Глоцера, чье постоянное присутствие ощущалось на всем протяжении моей работы; также: Б. Зайковского, М. Золотоносова, А. Кобринского, М. Мейлаха, А. Немзера, К. Огородникову; В. Русакову, Р. Тименчика, Т. Царькову, В. Эрля, своими советами и информацией способствовавших подготовке настоящего издания.

Список условных сокращений названий периодических изданий и архивохранилищ

А — Аврора, журнал.

ВЛ — Вопросы литературы, журнал.

ИЛ — Искусство Ленинграда, журнал.

ИРЛИ — Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом). Рукописный отдел.

К — Крокодил, журнал.

КП — Комсомольская правда, газета.

МК — Московский комсомолец, газета.

НМ — Новый мир, журнал.

РЛ — Русская литература, журнал.

РНБ — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей.

Т — Транспонанс, машинописный журнал.

ФСБ — Федеральная служба безопасности.

ЧС — Частное собрание.

WSA — Wiener Slavistischer Almanach.

Список цитируемой литературы

Агриппа I — Агриппа Г.К. Оккультная философия. <М.,1993>.

Агриппа II — Агриппа Неттесгеймский. О благородстве и преимуществе женского пола. СПб.,1784.

Александров — Александров А. «Игнавия»//Svetova literatura (Praha). 1968. № 6. P.157–174.

Александров II — Александров А. О первых литературных опытах Даниила Хармса // Русская литература. 1992. № 3. С. 155–158.

Аристотель — Аристотель. Соч. В 4 тт. М., 1981. Т. 3.

Афанасьев — Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи. М., 1983.

Бахтерев — Бахтерев И. Когда мы были молодыми//Воспоминания о Н. Заболоцком. Изд. 2-е. М., 1984. С.57–100.

Белодубровский — Белодубровский Е. Даниил Хармс и Елизавета Хармсен//Вечерний Петербург. 1995. 24 апреля.

Бергсон — Бергсон А. Собр. соч. Изд. 2-е, СПб., 1910.

Блюмбаум, Морев — Блюмбаум А. Б., Морев Г. А. «Ванна Архимеда»: к истории несостоявшегося издания//Wiener Slavistischer Almanach. Band 28. 1991. S. 263–269.

Введ. — Введенский Александр. Полн. собр. произвед. В 2-х тт./Вступит. ст., прим. М. Мейлаха. Сост. и подг. текста М. Мейлаха и В. Эрля. М., 1993.

Герасимова — Герасимова А. Г. Даниил Хармс как переводчик// Тыняновский сборник: Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. С. 300–304.

Герасимова, Никитаев I — Даниил Хармс. Лапа / Вступит. ст. и прим. А. Герасимовой и А. Никитаева. Подг. текста А. Герасимовой и Ю. Гирба// Театр. 1991. № 11. С. 26–36.

Герасимова, Никитаев II — Герасимова А., Никитаев А. Хармс и «Голем»: Quasi una fantasia//Театр. 1991. № 11. С. 36–50.

Геродот — Геродот. История в девяти книгах. Т. I. М., 1888.

Глоцер — Глоцер В. Алиса Порет рассказывает и рисует//Панорама искусств. Вып. 12. М., 1990.

Глоцер II — Глоцер В. И. Хармс собирает книгу//Русская литература. 1989. № 1. С. 206–212.

Гоголь — Гоголь Н. В. Собр. соч. В 5 тт. М., 1959. Т. 3.

Гольденберг — Гольденберг А. Х. «Мертвые души» Н. В. Гоголя и традиции народной культуры. Волгоград, 1991.

Грицина — Елизавета Ивановна Грицина вспоминает // Театр. 1991. № 11. С. 38–45.

Гроб, Жаккар — Гроб Т., Жаккар Ж.-Ф. Хармс — переводчик или поэт барокко?//Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 31–44.

Джакуинта — Джакуинта Р. «Ответ был чист и краток»: (Заметки о драматических тенденциях в поэзии Даниила Хармса)// В спорах о театре: Сб. научных трудов. СПб., 1992. С. 118–124.

Друскин — Друскин Я. «Чинари»//Аврора. 1989. № 6. С.103–115.

Друскин II — Друскин Я. Вблизи вестников. Washington, 1988.

Друскина — Друскина Л. Было такое содружество...//Аврора. 1989. № 6. С. 100–102.

Ежегодник I — Александров А. А. Материалы Д. И. Хармса в рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год. Л.,1980, С. 64–78.

Ежегодник II — Александров А. А. Новые материалы Д. Хармса// Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1990 год. СПб.,1993. С. 80–102.

Ершов — Ершов Г. Семь дней творения Даниила Ювачева//Хармсиздат представляет: Сборник материалов. СПб., 1995. С. 20–33.

Жаккар — Жаккар Ж.-Ф. Возвышенное в творчестве Хармса// Хармсиздат представляет: Сборник материалов. СПб., 1995. С. 8–19.

Жегалкин — Жегалкин И. Трансфинитные числа. М.,1907.

Зеленин — Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.,1991.

Зеленин II — Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915.

Зеленин III — Зеленин Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л., 1937.

Золотоносов — Золотоносов М. Слово и Тело или Сексагональные проекции русской литературы//Занавешенные картинки: Антология. В 2-х тт. В печати.

Золотоносов II — Золотоносов М. Шизограмма XY или теория психического экскремента//Хармсиздат представляет: Сборник материалов. СПб., 1995. С. 77–82.

Золотоносов III — Золотоносов М. Ахутокоцахум//Новое литературное обозрение. 1993. № 2.

Иванов — Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994.

Иоффе и Железнов — Иоффе Н. и Железнов Л. Дела литературные... : (О «Чинарях»)//Смена. 1927. № 76. 3 апреля.

Кагаров — Кагаров Е. Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх//Доклады Академии Наук СССР. 1928. № 15. Сер. В.

Кальма — Кальма Д. Против халтуры в детской литературе//Правда. 1929. 16 декабря.

Кобринский, Мейлах — Кобринский А., Мейлах М., Неудачный спектакль// Литературное обозрение. 1990. № 9. С. 81–85.

Козьма Прутков — Козьма Прутков. Полн. собр. соч. М.; Л., 1965 (Библиотека поэта, больш. сер.).

Коцейовский А. Л. — Коцейовский А. Л. Тексты пирамид. Т. 1. Одесса, 1915.

Крученых — Крученых А. Сдвигология русского стиха//Крученых А. Кукиш прошлякам. М.; Таллинн, 1992. С. 33–80.

Леви — Леви Э. Учение и ритуал высшей магии. Т. 1. Учение. <СПб>, 1910.

Левинтон I — Левинтон Г. А. Достоевский и «низкие» жанры фольклора// Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 46–53.

Левинтон II — Левинтон Г. Заметки о Хлебникове//Русский авангард в кругу европейской культуры: Международная конференция: Тезисы и материалы. М., 1993.

Лесная — Лесная Л. ЫТУЕРЕБО//Красная газета (Веч. вып.). 1928. № 24. 25 января.

Лощилов — Лощилов И. Е. Принципы «словесной машины» в поэтике Даниила Хармса//Эстетический дискурс: Семиоэстетические исследования в области литературы. Новосибирск, 1991.

Максимов — Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

Марр — Марр Н. Язык//Марр Н. Избр. работы. Т. 2. Л., 1936.

Матье — Матье М. Древнеегипетские мифы. М.; Л., 1956.

Матюшин — Матюшин М. Русские кубофутуристы//Харджиев Н. И. К истории русского авангарда. Стокгольм, 1976.

Мейлах — Мейлах М. Б. Шкап и колпак: фрагмент обэриутской поэтики// Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 181–193.

Мейлах II — Мейлах М. О «Елизавете Бам» Даниила Хармса//Stanford Slavic Studies. V. 1. Stanford. 1987.

Нильвич — Нильвич Л. Реакционное жонглерство: (об одной вылазке литературных хулиганов)//Смена. 1930. 9 апреля.

Папюс I — Папюс. Первоначальные сведения по оккультизму. СПб., 1904.

Папюс II — Папюс. Черная и белая магия. Книга первая. М., 1992.

Платон — Платон. Соч. В 3 тт. М., 1970. Т.2.

Полет в небеса — Даниил Хармс. Полет в небеса: Стихи: Проза: Драмы: Письма/Вступит. ст., сост., подг. текста и примеч. А. А. Александрова. Л., 1988.

Порет — Порет А. Воспоминания о Данииле Хармсе//Панорама искусств. Вып. 3. М., 1980.

Пропп — Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1934.

Разговоры — Липавский Л. Разговоры//Логос. 1993. № 4. С. 7–88.

Разгром ОБЭРИУ — Разгром ОБЭРИУ: материалы следственного дела / Вступит. ст., публ. и коммент. И. Мальского//Октябрь. 1992. № 11. С. 166–191.

Рейсер — Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М., 1970.

СП — Д. Хармс. Собрание произведений/Под ред. М. Мейлаха и В. Эрля. K-Presse. Bremen.
Т I — 1978.
Т II — 1978.
Т III — 1980.
Т IV — 1988.

Сажин I — Сажин В. Тысяча мелочей//Новое литературное обозрение. (1993). № 3.

Сажин II — Сажин В. Цирк Хармса//Знание–сила. 1993. № 2. С. 89–94.

Сажин III — Сажин В. Сон о погибели русской литературы//Хармсиздат представляет: Сборник материалов. СПб., 1995. С. 83–85.

Сборник — Сборник контрреволюционных произведений/Публ. И. С. Мальского. Подг. текста, примеч. и вступит. заметка А. Г. Герасимовой и И. С. Мальского//De visu.1992. № 0. С. 24–34.

Семенов — Семенов Б. Время моих друзей: Воспоминания. Л.,1982.

Слепнев — Слепнев Н. На переломе//Ленинград. 1930. № 1.

Соловьев — Соловьев В. Стихотворения и шуточные пьесы, Л., 1974 (Библиотека поэта; большая сер.).

Тахо-Годи — Тахо-Годи А. А. Природа и случаи как стилистические принципы новоаттической комедии//Вопросы классической филологии. III-IV. М., 1971.

Топорков — Топорков А. Л. Из истории литературных молитв//Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора. II. М., 1988. С. 28–31.

Топоров — Топоров В. Н. Первобытное представление о мире: (Общий взгляд)//Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М., 1962. С. 8–40.

Тренин — Тренин В. О «смешной» поэзии//Детская литература. 1939. № 9. С. 20–25.

Тураев I — Тураев Б. А. Египетская литература. Т. 1. М., 1920.

Тураев II — Тураев Б. А. История Древнего Востока. Т. 1. Л., 1936.

Туфанов — Туфанов А. Ушкуйники / Сост. Ж.-Ф. Жаккар и Т. Никольская. Berkeley Slavic Specialities. 1991.

Успенский — Успенский П. Д. Tertium organum: Ключ к загадкам мира. Изд. 2-е. Пг., 1916.

Устинов — Устинов А. Б. Дело детского сектора Госиздата 1932 г.: Предварительная справка//Михаил Кузмин и русская литературах XX века. Л., 1990.

Устинов и Кобринский — Дневниковые записи Даниила Хармса/ Публ. А. Устинова и А. Кобринского//Минувшее: Исторический альманах. 11. Atheneum. Paris,1991. С. 417–583.

Флейшман — Флейшман Л. Об одном загадочном стихотворении Даниила Хармса//Stanford Slavic Studies. V. I. Stanford, 1987. P. 247–258.

Флоренский — Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т. 1. М., 1990.

Франк — Франк С. Л. Личность и вещь: Философское обоснование витализма//Франк С. Л. Философия и жизнь: Этюды и наброски по философии культуры. СПб., 1910. С. 164–217.

Фрейд — Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989.

Фрэзер — Фрэзер Д. Золотая цепь. Ч. 1. М., 1928.

Чаттерджи — Браман Чаттерджи. Сокровенная религиозная философия Индии. Калуга, 1914.

Шатилов — Шатилов Б. Еж//Октябрь. 1929. № 12.

Шилейко — Шилейко В. Орел и змея: (Из поэмы об Этине)//Восток. 1924. Кн. 4.

Шишман — Шишман С. Несколько веселых и грустных историй о Даниилe Хармсе и его друзьях. Л., 1991.

Эрль — Эрль В. Даниил Хармс в трех неосуществленных изданиях//Транспонанс (машинописный журнал). 1985. № 28.

Юдина — Юдина М. В. Статьи: Воспоминания: Материалы. М., 1978.

Aizlwood — Aizlwood R. Towards an Iterpretation of Kharms's Sluchai//Daniil Kharms and the Poetics of the Absurd: Essays and Materials/Ed. by N. Cornwell. London. 1991. P. 97–122.

Faryno — Jerzy Faryno. Kharms's «Ist Destruction»//Daniil Kharms and the Poetics of the Absurd. Essays and Materials/Ed. by N. Cornwell. London. 1991. P. 171–174.

Gibian — Даниил Хармс. Избранное / Ed. and introduced by George Gibian. JAL–Verlag. Wurzburg, 1974.

Jaccard I — Jean-Philippe Jaccard. Daniil Harms et la fin de l'avant–garde russe//Slavica Helvetica. Vol.//Band 39. Bern, Berlin, Frankfurt a. M., New-York, Paris, Wien, 1991.

Jaccard II — Jean-Philippe Jaccard. L'impossible eternite. Reflexions sur le probleme de la sexualite dans l'oevre de Daniil Harms//Slavica Helvetica Vol.//Band 41, Bern, Berlin, Frankfurt a. M., New–York, Paris, Wien, 1991. P. 214–247.

Jaccard III — Jean-Philippe Jaccard. Чинари//Russian Literature. XXIII (1992). P. 77–94.

Jaccard, Устинов — Jean-Philippe Jaccard, Андрей Устинов. Заумник Даниил Хармс. Начало пути//Wiener Slavistischer Almanach, Band 27. 1991. S. 159–228.

Milner-Gulland — Milner-Gulland R. Beyond the Turning-Point: An Afterword//Daniil Kharms and the Poetics of the Absurd: Essyas and Materials/Ed. by N. Cornwell. London. 1991.

Perlina — Nina Perlina. Daniil Kharms's Poetic System: Text, Context, Intertext//Daniil Kharms and the Poetics of the Absurd: Essays and Materials/Ed. by N. Cornwell. London, 1991. P. 175–191.

Stoune–Nakhimovsky — A. Stoune-Nakhimovsky. Laughter in the Void//Wiener Slavistischer Almanach, Band 5. 1982.

Ziegler — Ziegler R. Die Modellirung des dramatisches Raume, in Daniil Charms Architector (Teil I)//Wiener Slavistischer Almanach, Band 10. 1982.

1. Впервые — РЛ. 1992. № 3. С. 156. Автограф — РНБ.

Самое раннее из сохранившихся произведений Хармса. О первых его литературных опытах известны свидетельства родных Хармса. Тетка Н. И. Колюбакина в письме к его отцу — И. П. Ювачеву — от 3 марта 1916 г. из Петрограда сообщала: «...Данила сидит рядом со мной и пишет какую-то сказку для Наташи — произведение собственной фантазии» (Александров II. С. 155.; Наташа — старшая из сестер Хармса: «Моё семейство увеличилось девочкой. Назвали Наталией», — писал 7 сентября 1912 г. И. Ювачёв Н. П. Есиповой. — РНБ. О её судьбе сведениями не располагаем). Младшая сестра Хармса Елизавета (род. 1914)

вспоминает: «...он любил усадить меня в темной комнате на диван и рассказывать разные необыкновенные истории, очень интересные: то страшные, то приключенческие. Я с удовольствием их слушала» (Грицина. С. 39). К весне 1925 г. у Хармса несомненно было какое-то количество стихотворений, которые он читал (или хотел читать) публично. Об этом свидетельствует текст в его записной книжке: «Это вполне логично пригласить меня почитать стихи. Боже, сделай так, чтобы там были люди, которые любят литературу, чтобы им было интересно слушать. И пусть Наташа будет повежливей к моим стихам, Господи, сделай то, о чем я тебя прошу. Сделай это, мой Боже». (В подлиннике по-немецки. — Jaccard, Устинов. С. 159).

Об обстоятельствах наименования будущего писателя Даниилом узнаём из записной книжки его отца 17(30) декабря 1905 г. (день рождения сына): «Пришел батюшка и стал решать вопрос, как назвать сына. Сообща решили назвать Даниилом. Во I) сегодня день памяти Даниила. 2) 12 дней тому назад в 6-м часу видел во сне его, 3) по имени его «Суд божий» можно назвать и свои личные страдания 14 дней в революцию России; 4) самый дорогой пророк для меня, из которого я строю свою философию...» (Полет в небеса. С. 538). Три латинские буквы под текстом настоящего стихотворения несомненно означают усеченную форму псевдонима Д. Charms, которую встречаем также в записной книжке Хармса под его автографом–«афоризмом»: «Будь краток и ѳ'юток. Д.Ch. 1925.» [ЧС; отмечено последовательное употребление Хармсом фиты (ѳ) вместо ферта (ф), которое связывается с разнообразно используемой им символикой окна (Герасимова, Никитаев I. С. 48); наиболее значимы для такого написания эротические коннотации — в знакомой Хармсу мистической и масонской литературе ѳ трактуется как «страждующее <...> женское семя всей природы и твари», а у Гоголя, из которого у Хармса находим немало реминисценций, в «Мертвых Душах» говорится о фетюке, происходящем от ѳ, «почитаемой некоторыми неприличною буквой».] Таким образом, 1922 годом можем уверенно датировать появление первого псевдонима (А. Александров, которому настоящий текст и подпись были известны, тем не менее, считал датой появления псевдонима 1925 г. — Полет в небеса. С. 13). Ж.-Ф. Жаккар приводит полный перечень впоследствии видоизменявшихся псевдонимов Хармса с датами их использования: Daniel Charms (1924 — sic!), Даниил Хармс (1924–1925), Даниил Ххармс (1929), Даниил Хормс (1930), Даниил Хаармс (1931), Хоермс (1931), Даниил Протопласт (1933), Д. И. Дукон–Хармс (1933), Даниил Дандан (1934), Даниил Шардам (1935), Чармс (1936–1937), Гармониус (возможно, в качестве скрытого псевдонима Харм...с, 1938), а также псевдонимы при публикациях детских произведений: писатель Колпаков, Карл Иванович Шустерлинг и А. Сушко (Jaccard I. P. 299). См. также прим. к тексту 2.

По поводу смысла основного псевдонима Хармса существуют версии А. Александрова. Все они возводятся к французскому charm — «обаяние», «чары»: «И в немецком, и в английском языках это слово имеет такое же значение. Но, выбрав слово в качестве псевдонима, молодой поэт слегка изменил его звуковой облик. <...> и Daniel Charm превратился в Даниила Хармса. Скрытый смысл измененного слова можно перевести как Даниил Чародей или Даниил Колдун». (Полет в небеса. С. 14; см. также: Ежегодник I. С. 66). Учитывая данные о серьезных занятиях Хармса магией (о них см. ниже), версию А. Александрова, вероятно, можно было бы считать весьма правдободобной, если б не то мистическое значение, которое, судя по некоторым данным, Хармс (и его отец) придавали этой фамилии. О том свидетельствует, в частности, следующая дневниковая запись Хармса от 23 декабря 1936 года: «Вчера папа сказал мне, что пока я буду Хармс, меня будут преследовать нужды». (Полет в небеса. С. 15). «Чародей» или «Колдун», кажется, не те имена, которые налагают на их носителя печать неудачи или несчастья. Впрочем, существует и такой вариант интерпретации значения псевдонима, который со слов Хармса передает его близкая приятельница А. Порет: «Мне он объяснил, что по-английски Хармс значит — несчастье, а Чармс — очарование, и что от одной буквы зависит многое» (Порет. С. 357). Действительно, английское Harm не так далеко по значению от того, что говорил Хармс. Однако, дело не в этом, а в том, что именно в соответствии с занятиями оккультизмом и магией Хармс должен был избрать себе псевдоним, значение которого не выявлялось бы так легко с помощью всего лишь познаний в английском (равно как немецком или французском) языке. Поэтому в качестве гипотезы предположим, что поиск расшифровки псевдонима писателя надо вести и в других языках.

Во-первых, следует учесть совершенно очевидное санскритское Dharma — «священный закон», «религиозный долг» и его исполнение, т. е. «праведность», «благочестие».

Во-вторых, необходимо обратиться к древнееврейскому языку, который Хармс изучал в том числе в связи с своими занятиями оккультизмом и магией, предполагавшими также знакомство с Каббалой (соответствующие рабочие выписки и заметки Хармса: РНБ). Тогда обнаружим: воспроизводимое в иврите как hrm (herem) означает «отлучение» (от синагоги), «запрещение», «уничтожение». Ввиду таких значений может, кажется, получить более определенное объяснение высказывание отца Хармса о жизненном неблагополучии сына, связанном с его псевдонимом.

В-третьих, учтём мифологического Харма, одного из сыновей Аристея (о нем см.: Иванов. С. 81).

В-четвертых, примем во внимание сообщение Е. Белодубровского о том, что учительницей немецкого языка в Петершуле, где с 1916 года учился Хармс, была Елизавета Васильевна Хармсен (Белодубровский).

В-пятых, необходимо учитывать основательные занятия Хармса мифологией, историей и литературой Древнего Египта, следы которых своеобразно трансформировались во многих его текстах (см. ниже). Самым ранним из известных свидетельств такого его увлечения является рисунок пером, изображающей некое лицо, с подписью: «Тот» и датой: «1924» (воспроизведение: Полет в небеса. С. 89). К тому времени относится начало дружбы Хармса с Введенским и Т. Мейер, которые тогда учились на Восточном факультете университета. Нет оснований для убедительных заключений о том, в какой последовательности расширялся круг интересов Хармса: от оккультизма к Древнему Египту или наоборот; несомненно лишь, что обстоятельные выписки из книги Папюса «Первоначальные сведения по оккультизму» (РНБ) и названное изображение одного из главных египетских богов Тота, бога мудрости и письма, которого греки отождествляли впоследствии с Гермесом Трисмегистом, носителем сокровенного знания всех поколений магов, — то и другое сосуществовало в сознании Хармса и реализовывалось в его творчестве.

Возвращаясь к теме происхождения псевдонима, необходимо, на наш взгляд, учитывать следующее: «Согласно представлениям египтян, часть человеческой души заключается в имени человека. Поэтому имя являлось постоянным объектом магических действий и заклинаний» (М. Матье. С. 44, сн.2). Трансформации, которые придавал своему псевдониму Хармс, напоминают как раз некие магические манипуляции, с одной стороны, прикрывающие истинное значение имени (которое, по канонам магии, не должно быть ведомо непосвященному), с другой — уберегающие носителя этого имени от неблагоприятного внешнего воздействия.

В заключение, выскажем предположение о возможной реализации в метаморфозах хармсовских псевдонимов яфетической теории Н. Марра, по которой близкое по звучанию слово находится во множестве языков и означает или идентичное или антиномичное (т. е. все равно подобное), вследствие чего сама личность (носитель имени) подтверждает свое древнее происхождение.

О псевдонимах Хармса см. также: Milner Gulland. P. 248.

2. Впервые — Jaccard, Устинов. S. 214–217. Автограф — ИРЛИ.

Отметим еще один псевдоним Хармса, отсутствующий в выше приведенном перечне. Здесь Хармс идентифицирует себя со знаменитым книжником, секретарем князя Андрея (XII в.), который пострадал за свои убеждения. Здесь впервые встречаемся с Иваном Ивановичем — персонаж с таким именем и отчеством будет еще неоднократно возникать в текстах Хармса — взрослых и детских. Иван Иваныч Самовар встретится в другой раз во фрагменте «Комедии Города Петербурга», датированном 4 сентября 1927 г. (см. т. 2 наст. собр.). Но комментируемый текст самим содержанием вызывает в памяти прежде всего Ивана Ивановича

Самовара из знаменитого детского стихотворения, которым открывается детское творчество Хармса в печати («Еж». 1928. № 1), причем, обращает на себя внимание не только имя персонажа, а и схожая ритмика обоих текстов, и та же трехстрочная строфика, и своеобразная трансформация эротического сюжета комментируемого стихотворения в детском, где, напротив, *Иван Иваныч* «не дает». Обратим также внимание на профессию Ивана Ивановича — столяры также еще появятся в произведениях Хармса (см. 95 и т. 2 наст. собр.). Не исключено, что имя персонажа навеяно любимым писателем Хармса — Гоголем, в частности, из «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (сходство заглавия и сюжета — «ссора» — весьма показательны). Во всяком случае, имя Иван встречается у Хармса в более чем 20 текстах (Иван Иванович — в 5) и это корреспондирует частоте их появления у Гоголя («Нос», «Портрет», «Шинель» и мн. др.).

Гоголевская реминисценция, но уже из «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки», указана нам А. С. Немзером в 8-ой строфе, отсылающей к видениям то и дело выскакивающих жен в вынимаемых Иваном Федоровичем платках.

Р. Д. Тименчик обратил внимание на «финские» акценты в тексте Хармса: названное в посвящении имя — повидимому, фольклорный персонаж Тылль, и Усикирка (Уусикиркко) — поселок на Карельском перешейке, где в 1913 г. умерла жена М. Матюшина Елена Гуро и где проходил первый съезд футуристов.

кику с кокой — ср. 7, 87.

3. Впервые — Jaccard, Устинов. S. 184–186. Автограф — ИРЛИ (в подборке произведений, представленных Хармсом при вступлении в Союз поэтов; см. также тексты 4—14. Эти тексты относятся к периоду т. н. «заумника» Хармса).

Бабушка — один из устойчивых персонажей произведений Хармса 1920-х годов; возможно, одна из ипостасей важного для стихотворных и прозаических его текстов мотива старухи (здесь впервые: *резиновая старуха*; см. 12, 15, 18, 33, 44, 152);

Esther — Эстер Александровна Русакова (1909–1943), первая жена Хармса (в 1925–1932 гг.). Ей впрямую и неявно посвящены многие произведения Хармса. Ему несомненно были известны многочисленные беды, обрушившиеся на семейство Русаковых в конце 1920-х — 1930-е гг.: в 1928 г. арестовывался отец — Александр Иванович Русаков (Иоселевич; 1875? — 1935?); в том же году, как член Коминтерна и троцкист — Виктор-Наполеон Львович (Леонидович) Кибальчич (Виктор Серж; 1890–1947), муж Любови Александровны Русаковой (сестры Эстер); в 1933 он вторично арестован и выслан в Оренбург, а в апреле 1936 — в Бельгию; в качестве тестя Кибальчича, вторично арестован отец Эстер — вскоре после этого он умер; наконец, 10 сентября 1936 арестована и погибла в Магадане в 1943 Эстер Русакова (ср.: Устинов и Кобринский. С. 531–534, 559–560).

Всё — этим словом завершается много текстов Хармса, об их завершенности и сигнализирующим. Отметим, что в некоторых древнеегипетских текстах, а также в древнегреческой драматургии конец отличался сокращенно написанным словом-указанием: «кончать».

4. Впервые — Ежегодник I. С. 71 (фрагмент). Полный текст — Т. № 27. Автограф — ИРЛИ (см. прим. 3) с авторским примечанием: «Поэма I Михаил читается скандовочно — и — нараспев. Второй Михаил выкрикивается. Третий Михаил сильно распадается на слоги, но напева меньше чем в первом». Комментируемый текст (как и ряд других этого времени), рассчитан на произнесение вслух, скандирование, возможно, в подражание существовавшей в античности традиции устного, «скандовочного» произнеснения евангельских текстов, своеобразного обряда, «действа». В записной книжке Хармса 1925 г. содержится текст о IV Михаиле: «IV Михаил: Четвертый Михаил — глупый. Вошел в комнату пошаркивая ногами и раскачиваясь: «выплывают расписные» говорит — слушает боком и таращит мускулы вокруг глаз. В молчаливые моменты долго думает и затем обращается к кому-нибудь с официальным вопросом — ему не нужным. Разговаривает с человеком у которого умирает мать под щёлк пишущей машинки» (РНБ). Собственно текст этого «IV Михаила» неизвестен.

Михаил встречается еще в нескольких текстах Хармса (13, 36, 44). Возможно, «любовь» к этому персонажу связана с именем персидского князя Михаила — единственного, кто, согласно «Книге пророка Даниила», покровительствовал иудеям и пророку Даниилу в их пленении при персидском царе Кире. Отметим также, что в каббалистике, которой занимался Хармс, Михаил — ангел света, солнце (Леви. С. 148).

Стоит обратить внимание на число 4 (с учетом IV Михаила), с которым придется встретиться еще во многих текстах Хармса, особенно, если принимать во внимание еще и его трансформации: 40, 400 (см. 10, 11, 13, 16, 17, 19, 30, 53, 56, 65, 111, 125, 157, 174, 183, 196, 211, 218, 293, 299, 310, 325). Одним из источников этого символа у Хармса, по-видимому, является структура египетских текстов пирамид, где именно четырехкратность — отличительное их свойство. (См.: Коцейовский. С. 70–71 и др.). Содержательная важность этого символа определяется наличием в нем понятия Троицы и Всеединства (3 + 1), четырех евангелий (и евангелистов). Комплекс мифологем, связанных с четверичным членением мира, рассмотрен: Топоров. С. 26 и др.

Всё — см. 3, 5–10, 12–14, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

5. Впервые — Jaccard, Устинов. S. 190. Автограф — ИРЛИ (см. 3).

Всё — см. 3, 4, 6–10, 12–14, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

6. Впервые — СП-I. С. 163–164 и СП-IV. С. 187–188 (неполный текст по автографу РНБ); полностью — Jaccard, Устинов. S. 190–193. Автографы — ИРЛИ (см. 3), РНБ (неполный текст в записной книжке 1925 г.); список с вариантами — архив ФСБ (De visu. С. 26–27).

Как бы ни относиться к показаниям Введенского (или Хармса) на следствии после ареста 10 декабря 1931 г., нельзя их не учитывать. Поэтому обратим внимание на характеристику комментируемого текста, данную ему Введенским на допросе 20 декабря 1931 г., где, говоря о своем произведении «Птицы», он отмечает: «<...> о ведущей идее этого стихотворения следует сказать прямо: эта ведущая идея заключена в оплакивании прошлого строя, и в таком выражении она и понималась окружающими. То же самое следует сказать о произведениях Хармса «Землю, говорят, изобрели конюхи» и о других его произведениях». (Разгром ОБЭРИУ. С. 182).

Посвящение адресовано Э. А. Русаковой и её семье, жившим по адресу: ул. Желябова (до 1918 года — Большая Конюшенная), дом 19, квартира 4.

Отметим конгломерат слов–сигналов, отсылающих к Древнему Востоку: Финикия, фароонами, кабала, арабы и др.

Всё — см. 3–5, 7–10, 12–14, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

7. Впервые — Jaccard, Устинов. S. 194–195. Автограф — ИРЛИ (см. 3).

Кика и Кока — см. 7, 87.

Всё — см. 3–5, 7–10, 12–14, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

8. Впервые — Jaccard, Устинов. S. 195–196. Автограф — ИРЛИ (см. 3).

9. Впервые — Ежегодник I. С. 70 (фрагмент); полностью — Jaccard, Устинов. S. 196–197. Автограф — ИРЛИ (см. 3). К стиху 10 — авторское примечание: «кочать укоризненно головой».

dew. (Esther) — от нем. gewiss, т. е. принадлежит Эстер (о ней см. 3, а также 95, 130, 136, 206).

Всё — см. 3–5, 7–10, 12–14, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

10. Впервые — Jaccard, Устинов. S. 197–199. Автограф — ИРЛИ (см. 3). К стиху 59 — авторское примечание: «именно кичка а не кличка».

Заглавие ср. с понятием «затылочного зрения» у М. Матюшина (Jaccard, Устинов. S. 162).

распахнулся орлик бубой — возможно, здесь впервые появляется мотив орла, который впоследствии станет весьма значимым

в текстах Хармса (см. 20, 26, 45, 50, 63, 77, 89, 98, 107, 119, 136, 195, 282);

переколотил на четвертый раз — см. 4, 11, 13, 16, 17, 19, 30, 53, 56, 65, 111, 125, 157, 174, 183, 196, 211;

Маргоритку — Маргарита (если понимать здесь как имя) — один из эпитетов греческой богини Афродиты; она будет фигурировать еще у Хармса (см. 95).

11. Впервые — Jaccard, Устинов. S. 203–205. Автограф — ИРЛИ (см. 3).

Посвящено памяти С. Есенина, скончавшегося 28 декабря 1925 г.

и четыре мужика — см. 4, 11, 13, 16, 17, 19, 30, 53, 56, 65, 111, 125, 157, 174, 183, 196, 211;

Vater Unser — Lieber Gott — начальные слова молитвы «Отче наш...»;

добреду до Клюева — Хармс был знаком с Клюевым, вероятно, с 1925 г. Существует рассказ И. Бахтерева о том, как Хармс привел его, Введенского и Заболоцкого к Клюеву: «Входим и оказываемся не в комнате, не в кабинете широко известного горожанина, а в деревенской избе кулака-мироеда с дубовыми скамьями, коваными сундуками, киотами с теплящимися лампадами, замысловатыми райскими птицами и петухами, вышитыми на занавесях, скатертях, полотенцах.

Навстречу к нам шел степенный, благостный бородач в посконной рубахе, молитвенно сложив руки» (Бахтерев. С. 81–82). О посещении Хармсом Клюева вспоминал и Г. Матвеев: «Даниил заходил к Клюеву, нравились ему чудачества Клюева: чуть не средневековая обстановка, голос и язык ангельский, вид — воды не замутит, но сильно любил посквернословить» (цит по: Полет в небеса. С. 540).

В следственном деле Э. А. Русаковой имеются сведения о посещении Клюевым квартиры Русаковых (сообщено В. А. Русаковой).

Устинов и Кобринский находят влияние Клюева в текстах Хармса «Наброски к поэме Михаилы», «Половинки» и «Вьюшка смерть» (Устинов и Кобринский. С. 541–542).

Школа чинарей Взирь зауми — см. вступит. статью.

12. Впервые — Jaccard, Устинов. S. 206–207. Автограф — ИРЛИ (см. 3) с авторским примечанием рядом с заглавием: «нужно написать, это еще не ВАНЬКИ ВСТАНЬКИ». Оформление текста и, главное, сравнение со следующим под тем же заглавием (см. 13) позволяет интерпретировать примечание Хармса в буквальном смысле и считать настоящий текст совершенно самостоятельным произведением, не соотносимым со следующим.

стонала только бабушка — см. 3, 15, 18, 33, 44, 152.

всё — см. 3–10, 13, 14, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

13. Впервые — Jaccard, Устинов. S. 207–212. Автограф — ИРЛИ (см. 3). См. также комментарий к предыдущему тексту.

Там лежали Михаилы — см. 4, 36, 44;

и нянин плач — отметим появление еще одного мотива, который будет систематически воспроизводиться у Хармса.

и свистит в четыре пальца ср. *свистит как я в четыре пальца* (19); *и выходит гулять часа так на четыре* — см. прим. к 4;

все́ — см. 3–10, 12, 14, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

14. Впервые — Jaccard, Устинов. S. 200–203. Автограф — ИРЛИ (см. 3).

Всё — см. 3–10, 12, 14, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211;

Школа ЧИНАРЕЙ Взирь Зауми — см. вступит. статью.

15. Впервые — СП-I. С. 6 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

и слышет бабушка — см. 3, 12, 18, 33, 44, 152;

творить акафисты по кругу — церковные молитвы;

и поджидать свою подругу — одно из слов–символов Хармса (см. ниже: 30, 45, 63, 86, 109, 168, 177, 180, 192, 210, 240, 281, 292, 312).

16. Впервые — Gibian. С. 227–229. Автограф — РНБ.

Отметим возвращение Хармса к работе над текстом: против стиха 31 в скобках и датой: 1928 — записано: *пугливых* (т. е. вар. *блестящих*).

алатырь — в фольклоре алатырь-камень ассоциируется с источником райских благ (Афанасьев. С. 191–192); это слово встречается в качестве заглавия повести Е. Замятина, где Алатырь — невежественное селение, олицетворяющее Россию;

до девки 107–го раза — дева (девица, девка) многозначный эротический символ у Хармса (см. 20, 26, 30, 50, 60, 63, 64, 80, 89, 91, 98, 168, 176, 207, 210, 234, 295, 307, 328). В кругу чинарей девой также называли Т. Липавскую; см.: «Письмо Д. И. Хармсу» Н. Заболоцкого (Введенский-II. С. 234);

твоя рука жару прогонит ∞ как водолей пронзит меня — эти 6 стихов насыщены эротической символикой;

плюю в колодец и пою; восстанет мёртвый на помост//с блином во рту промчится пост — все эти стихи создают образ противоестественности происходящих событий;

Пусть дева плачет о зиме//и молоко даёт змее — по-видимому, здесь идет своеобразная трансформация облика древнегреческой богини мудрости Афины (прозванной Палладой, т. е. по-гречески: девой) — вечно девственной богини, одним из культовых животных которой была змея. Афина почиталась также как олицетворение первого весеннего месяца марта; таким образом,

сюжет произведения Хармса может интерпретироваться в рамках оппозиции: девственность/распутство.

Мотиву кормления змеи грудью корреспондирует следующее место в «Улиссе» Дж. Джойса, на которое обратил мое внимание М. Золотоносов: «<...> змеи падки до женского молока. Ползет целые мили через всядные леса, высосать до капли груди сочной двустворчатой. Как те римлянки на полянке, про которых у Элефантулиазиса» (Джеймс Джойс. Улисс. М., 1993. С. 375). Происхождение описываемого Джойсом сюжета «кормления» в примечании к роману не прояснено, а об Элефантулиазисе сказано, что «такой автор неведом» (там же. С. 645), но очевидно, что это трансформированный античный сюжет, который служил образцом и Хармсу;

Как жнец над пряхою не дышит — Афина, между прочим, являлась покровительницей ткачества; по-видимому, «жнец» здесь выполняет роль эротического символа (об этом его значении см. в работе: Левинтон. С. 47).

моя Розалья — от лат. rosalia, русск. — русалка; обычно «похотливые женщины, которые проводят время чаще всего в любовных играх» (Зеленин. С. 419); здесь традиционная хармсовская инверсия: в противоположность фольклорной версии, распутный герой соблазняет девушку.

17. Впервые — СП-I. С. 14–16 (по списку Г. Гора). Автограф неизвестен. Печ. по списку Гора с исправлением первой публ.

внемля блеянью овцы — см. 51, 95, 136;

Всё — см. 3–10, 12–14, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

18. Впервые — Собрание стихотворений. Сборник Ленинградского отделения Всероссийского Союза Поэтов. Л., 1926. С. 71–72. Автограф — РНБ.

Первое из опубликованных при жизни произведений Хармса.

Начиная с этого стихотворения, слово «случай» то и дело возникает у Хармса на протяжении всего его творчества в качестве заглавия прозаических и стихотворных текстов или составляет их содержание. Это очевидным образом связано с основополагающей оккультной концепцией времени, которая была известна Хармсу, в частности, из книги Успенского «Tertium organum», выписки из которой сохранились в его архиве в РНБ. Рассуждая о соотношении окружающего мира вещей с нуменальным миром четырех измерений, Успенский утверждал, что в нем, нуменальном мире, время «<...> существует пространственно, то есть *временные события* должны существовать, а не случаться». (Успенский. С. 253). Таким образом, человек, достигший способности жить в четырехмерном мире, постоянно движется в неразъединимом и неостановимом потоке событий, именуемом вечностью.

Хармсовские «случаи» «события», «истории», «происшествия» совершаются в трехмерном плоском мире. Вот почему они

часто производят впечатление происходящих в результате некоторой временной паузы, а иногда Хармс прямо указывает на это свойство (так в прозе· «а потом мы разошлись по домам», «Толпа, удовлетворив свои страсти, — расходится» и тому подобные — особенно в прозе финалы, в которых восстанавливается нарушенное случаем непрерывное до того течение жизни — см. т. 2 наст. собр.). Вместе с тем, случай — это и шанс вырваться из пределов ограниченного мира повседневности в иррациональный четырехмерный мир (см. многочисленные произведения Хармса о снах, в которые пытаются погрузиться его герои, а сон в системе оккультизма и есть способ такого прорыва).

По-видимому, можно говорить и о влиянии на Хармса концепции случая в античной философии и культуре, которые были в поле его интересов: «Случай (tyche) — великая движущая сила для человека эпохи эллинизма,символ текучести (чрезвычайно важное понятие в творческом мире Хармса! — *сост.*), неустойчивости, дисгармонии, чего-то неясного, иррационального, мощного именно благодаря своей безликой безразличности ко всякому порядку, установленному судьбой, воплощенной в природе». (Тахо-Годи. С. 232).

Р. Айзлвуд связал также высокую частоту слов «случай» и «происшествие» у Хармса с аналогичным явлением в текстах Гоголя (Aizlwood. P.98). О концепции времени у Хармса в контексте размышлений на ту же тему Я. Друскина и Л. Липавского см.: Jaccard I. P. 82–83.

как-то бабушка махнула — см. 3, 12, 15, 33, 44, 152;

пейте кашу и сундук — М. Мейлах отметил перекличку с «кушай польку// пей цветы» в «Зеркале и музыканте» Введенского (Введенский I. С. 237);

сундук — по замечанию М. Мейлаха, «одно из программных, наряду со знаменитым шкафом <...> обэриутских слов–вещей» (отмечено в связи с «Елизаветой Бам» — Мейлах. С. 245). В древнеегипетском мифе о царе Осирисе сундук фигурирует в качестве места его пленения, куда Осирис был хитростью заманен. Сундук спустили по Нилу в море, он был выброшен на берег у Финикийского города Библа и здесь произошло чудо: из сундука выросло великолепное дерево, скрывшее его своими корнями, а Осирис был чудесно воскрешен своей сестрой (женой) Исидой. Миф об Осирисе, египетском боге мертвых и плодородия — один из важнейших в оккультизме. См. также 44, 53, 65, 192, 294, 300, 326.

два плеча — одно из популярных в игре числительными у Хармса (см. 25, 56, 96, 125, 170, 177, 219, 225, 293).

19. Впервые — СП-I. С. 10–11. Автограф — ИРЛИ.

свистит как я в четыре пальца — ср.: *свистит в четыре пальца* в «Ваньки встаньки» (13); см. также 4, 10, 11, 13, 16, 17, 30, 53, 56, 65, 111, 125, 157, 174, 183, 196, 211, 218, 293, 299, 310, 325;

всё — см. 3–10, 12–14, 17, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

20. Впервые — СП-I. С. 14–15. Автограф — РНБ. В списке Г. Гора дата: «Осень 1926».

Стихотворение включалось Хармсом в проектировавшийся им в 1929 г. коллективный сборник «Ванна Архимеда» (не изд.; см. Блюмбаум, Морев. С. 263–269).

Орел — уже встречался в «Полька затылки»(10); орел и связанный с ним мотив полета станет одним из сквозных у Хармса, по-видимому, связанным с его изучением Древнего Востока и магии (см. 10, 26, 45, 50, 63, 77, 89, 98, 107, 119, 136, 195, 282). Полет на орле или полет орла постоянно присутствует в ассирийских легендах, происходящих, в свою очередь, от шумерских (см., например, поэмы о Гильгамеше). В истоке этого образа — миф о царе орле, «о власти солца, слетевшей с неба в орлином образе для воплощения в царе» (Шилейко. С. 24). Орел стал одной из магических птиц; чтобы повелевать духами воздуха, нужно перо орла (Леви. С. 141; Папюс II. С. 98). Интерпретацию мотива полета см. также: Устинов и Кобринский. С. 544.

Дева — см. 16, 26, 30, 50, 60, 63, 64, 80, 89, 91, 98, 168, 176, 207, 210, 234, 295, 307, 328;

Все — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211;

Отметим также появляющийся мотив сна — один из ключевых у Хармса (58, 63, 85, 86, 87, 95, 97, 98, 101, 119, 145, 158, 192, 259, 261, 268).

21. Впервые — СП-I. С. 28. Автограф — РНБ. В списке Г. Гора с заключительным «Все». М. Мейлах со ссылкой на Н. И. Харджиева приводит иной вариант:

Ногу за ногу заложив
Сидит Велимир. Он жив

(СП-IV. С. 190), вписанный под воспроизведенным во втором томе Собрания произведений Хлебникова (Л., 1930) его карандашным портретом работы Б. Григорьева.

Хлебников был одним из литературных учителей Хармса, в текстах которого найдем и образ Хлебникова и реминисценции из его произведений (см. 30, 95). Об этом см.: Jaccard I.

22. Впервые — Костер. Сборник Ленинградского Союза Поэтов. Л., 1927. С. 101–102. Автограф — ИРЛИ (с зачеркнутым в заглавии словом «Коммуниста»).

Все — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

23. Впервые — Gibian. С. 221. Автограф — ИРЛИ. Печ. по тексту первой публикации.

24. Впервые — СП-I. С. 128. Автограф — РНБ.

25. Впервые — СП-I. С. 32. Автограф — РНБ.

двух полководцев — см. игру числительным *два*: 18, 56, 96, 125, 170, 177, 219, 225, 293;

Разговор — представленный здесь как сражение, разговор станет одним из важных стилеобразующих мотивов творчества Хармса; диалог и драматическая форма будут проявлять коммуникативные возможности персонажей.

26. Впервые — СП-I. С. 31–33 (по списку Г. Гора). Автограф неизвестен. Печ. по списку Г. Гора с исправлениями первой публ. Датируется не позднее 1927 г., т. к. по сведениям И. Бахтерева Хармс читал это произведение на вечере «Три левых часа», состоявшемся в Доме печати 24 января 1928 г. (СП-IV. С. 186).

Нет ли в образе медведя–генерала, который «служил в кабаке», реминисценции из «Генерала Топтыгина» Н. Некрасова?

в ночном колпаке — М. Мейлах называет колпак чинарским словом и говорит о карнавализующей коннотации этого слова в текстах и литературном быту чинарей (Мейлах. С. 192). Устинов и Кобринский усматривают в возникновении этого мотива влияние К. Вагинова (Устинов и Кобринский. С. 537). Отметим значительную частоту упоминания колпака у любимого Хармсом Гоголя (причем в «Ревизоре», например, в совершенно разных смыслах).

на шкапу — другое чинарское слово (Мейлах. С. 192 и др.). Знаменитый лозунг «Искусство как шкап» эпатировал публику на вечерах «Левого фланга» в 1927 г., а сам предмет разнообразно обыгрывался. Не исключено, что Хармс и друзья почерпнули его у М. Матюшина, по утверждению которого, в свою очередь, выражение принадлежит Е. Гуро (Матюшин. С. 77); см. 29, 50, 58, 107, 287, 300.

дева — см. 16, 20, 30, 50, 60, 63, 64, 80, 89, 91, 98, 168, 176, 207, 210, 234, 295, 307, 328.

приготовь резеду — символическое значение этого цветка: нежность и кротость;

все — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

27. Впервые — Jaccard, Устинов. S. 179. Автографы — РНБ (два идентичных текста; один — с типографской разметкой).

Кружок друзей камерной музыки — «ставший своеобразной сценой Левого фланга» (Jaccard, Устинов. S. 179), собирался по адресу: Проспект 25 Октября, д. 52. Вечер, которому посвящено это стихотворное объявление, состоялся 9 января 1927 г. О двух таких коллективных выступлениях см. рассказы И. Бахтерева и Д. Максимова в сб. воспоминаний о Заболоцком (Бахтерев; Максимов);

Левый Фланг — с января 1927 так называлось творческое объединение, в которое входили А. Туфанов (до марта 1927), Введенский, Е. Вигилянский, Хармс и многие другие литераторы. Преобразован из созданного в марте 1925 г. А. Туфановым «Ордена заумников DSO» (самый полный свод данных см.: Туфанов.

С. 176–180 и др.; Jaccard I. P. 51 и далее). С 25 марта 1927 г. Левый Фланг стал называться «Академией Левых классиков».

28. Впервые – СП-I. С. 12. Автограф с многочисленными вариантами – РНБ.

Марья ключница – появляется имя Мария, имеющее, по-видимому, много источников и значений в творчестве Хармса (см.18, 29, 38, 83, 95, 177, 191, 238, 301).

29. Впервые – СП-I. С. 36–38 (по списку Г. Гора). Автограф неизвестен. Печ. по: списку Г. Гора с исправлениями первой публикации.

Полет – один из существенных мотивов у Хармса, связанный с другими, например, – орел, сон. Опосредованно связан, прежде всего, с ключевыми онтологическими проблемами, интересовавшими Хармса. Суть полета так трактовал Липавский: «Человек теряет свое место среди предметов, подвластность им и дает освобождение от индивидуальности... Полет и плавание служат изучению жизни и смерти» (Разговоры. С. 10). См. также 20, 46, 47, 54, 56, 66, 119, 175, 230, 286, 293;

Управление вещей – фразеологизм, употребляемый в оккультизме для обозначения действий мага, оккультиста (Агриппа. С. 5). См. также вступит. ст.;

в небе тристо колпаков – см. 26, 55, 85, 101, 107,153, 195, 230;

вертит облако шкапов – см. 26, 50, 58, 107, 287, 300;

Мадлэн – трансформированное имя Марии (см. 18, 28, 38, 83, 95, 177, 191, 238, 301).

Всё – см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

30. Впервые – Gibian. С. 209–212. Автограф – ИРЛИ. М. Мейлах указывает также на наличие автографа у Н. И. Харджиева (СП-IV. С. 189).

Казимир Северинович Малевич (1878–1935) – художник и теоретик искусства (см. вступит. статью).

Четыре девки на пороге – см. 16, 20, 26, 50, 60, 63, 64, 80, 89, 91, 98, 168, 176, 207, 210, 234, 295, 307, 328; отметим преображение «четырех девок» в «четырех девиц», весьма значимое в контексте словоупотребления Хармса;

скинь рубашку с голых плеч – реминисценция из «Зангези» Хлебникова: «Скинь рубашку с полуплечь»;

Все – см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

31. Впервые – СП-I. С. 43–44. Автографы – ИРЛИ (два варианта и драматургическая разработка того же сюжета). Вариант с той же датой, заканчивающийся ст. 34, включает после ст. 17 нижеследующий текст:

нянька рыскает волчицей
съест морковку на пути

выпьет кофе, дальше мчится
в двери пробует уйти
колет скупые орехи
нянька быстрая в дверях
мчится косточкой по саду
вдоль железного плетня
долго бегает в испуге
ищет Петю и гамак

Кажется, что мотив пожара в литературе (в основном — детской) получил в 20–е — 30–е годы заметное распространение и это нуждается в подобающем осмыслении.

заснула нянька кувырком — см. 13, 63, 134, 307.

32. Впервые — СП-I. С. 129. Автограф — РНБ (среди текста «Комедии города Петербурга») с зачеркнутым началом:

Сожми коробочку собачку
внезапно душу разоблоча
Он прячет барыню за бочку.

Об А. Введенском и Л. Липавском см. вступит. статью.

Очевидно, что собственно к философии Введенского настоящий текст не имеет отношения, а носит шуточный характер.

33. Впервые — Gibian. С. 219–220. Автограф — ИРЛИ.

как бабушка тоскуем — см. 3, 12, 15, 18, 44, 152;

стыдливо кутаясь в меха//кормила грудью жениха — эротический мотив, имеет широкую мифологическую, живописную и литературную традицию. Кажется уместным отметить, что русский перевод «Венеры в мехах» Л. фон Захер–Мазоха появился в 1908 г.

34. Впервые — СП-I. С. 133. Автограф — РНБ (среди текста «Комедии города Петербурга»).

35. Автограф — РНБ (среди текста «Комедии города Петербурга»).

36. Впервые — СП-I. С. 134. Автограф — РНБ (среди текста «Комедии города Петербурга»).

Михаил бежал по шпалам — см. 4, 13, 44.

37. Автограф — РНБ.

38. Впервые — День поэзии. М., 1965. С. 291. Автограф — ИРЛИ. В списке Г. Гора под загл. «Серенада».

Мария — присутствует в произведениях Хармса во многих ипостасях (или предполагает возможность различных интерпретаций). Не исключено, что образ девы Марии — богородицы, в частности, в комментируемом тексте, навеян гностической трактовкой, даваемой ей в апокрифическом «Евангелии от Марии». Кажется справедливым отметить здесь, что у одного из любимых Хармсом авторов — А. К. Толстого — Мария присутствует в ряде

ранних произведений («Из Индии дальней...», «Ты помнишь ли, Мария» и др.). См. также 18, 28, 29, 83, 95, 177, 191, 238, 301.

39. Автограф — РНБ.

возбуждающую смесь — речь идет о нюхании эфира, которое практиковалось в дружеском кругу Хармса. Не исключено, что «рекомендации» на этот счет почерпнуты из трудов Папюса (см., например, Папюс II. С. 34–35), рекомендовавшего в том числе и этот способ подготовки мага к практическим действиям (см. также 44).

40. Автограф — РНБ.

замыкая шествие монахом — устойчивое присутствие этого мотива в стихотворных и прозаических текстах Хармса побуждает вспомнить, прежде всего, упоминание его в программной статье «ОБЭРИУ»: «<...> полагают, что литературная школа — это нечто вроде монастыря, где монахи на одно лицо» (Афиши Дома печати. 1928. № 2. С. 11–12). См. 16, 110, 119, 129, 143, 310 и т. 2 наст. собр.

41. Автограф — РНБ.

42. Впервые — СП-I. С. 60. Автограф — РНБ.

Все — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

43. Впервые — Gibian. С. 222. Авторская машинопись с правкой (заменой фамилий героев: Степанов и Малахов — на соответственно: Тюльпанов и Пятаков) — РНБ. М. Мейлах отмечает также наличие белового автографа, принадлежащего Н. И. Харджиеву, но считать его «окончательной редакцией» представляется неточным, поскольку наличие в нем персонажей Степанова и Малахова должно означать, что этот текст предшествует машинописи; в противном случае мы должны были бы констатировать вторичное возвращение Хармса к прежде отвергнутым фамилиям, но это маловероятно хотя бы потому, что Тюльпанов и Пятаков (в отличие от Степанова и Малахова) могут считаться в какой-то мере традиционными героями Хармса (см. 63 и 316).

44. Впервые — СП-I. С. 63–65. Машинопись с авторской правкой — и подписью–автографом — РНБ. М. Мейлах указывает также на беловой автограф, прринадлежащий Н. И. Харджиеву, где посвящение отсутствует (СП-IV. С. 190).

Осса — лесистая гора, составляющая с Олимпом и Пелионом горную цепь, отделяющую фессалийскую равнину от Эгейского моря;

Тамара Александровна Мейер — см. вступит статью;

На потолке сидела муха — еще один из устойчивых символов, используемых Хармсом в более чем 20 текстах. Широко распространен в мифологии и оккультных воззрениях (см.: Зеленин. С. 400; Агриппа. С. 79).

Сидит и нюхает ладонь — см. 39;

Сундучек — см. 18, 53, 65, 192, 294, 300, 326;

Предмет в котором нет материи — отзвук философских размышлений в среде чинарей о свойствах материи;

мерцая по бокам шинелью волосатой — отметим еще один устойчивый концепт (см. 117, 155, 185).

все можно написать зеленым карандашом — в связи с присутствующим в тексте мотивом смерти/воскрешения ср. характеристику зеленого цвета у древних египтян: «Зеленый цвет иероглифов, цвет воскресения, уже внешним видом свидетельствует, что этот древнейший литературный памятник человечества является вместе с тем и древнейшим словесным протестом против смерти и средством словесной борьбы с нею» (Тураев I. С. 37);

Михаилы начали рости//качаясь при вдыхании премудрости — см. 4, 13, 36. По-видимому, все это произведение можно интерпретировать как метаморфозы, происходящие в мире, воспринимаемом сознанием в результате нюхания «возбуждающей смеси»;

сказала бабушка седая — см. 3, 12, 15, 18, 33, 152.

45. Впервые — СП-I. С. 51–54 (по списку Г. Гора). Автограф неизвестен. Печатается по списку Г. Гора с исправлениями первой публ.

ищи свою подругу — см. 15, 30, 63, 86, 109, 168, 177, 180, 192, 210, 240, 281, 292, 312;

Орел двукрылый, как воробей — см. 10, 20, 26, 50, 63, 77, 89, 98, 107, 119, 136, 195, 282;

Бил мух под самым потолком — см. 29, 44, 50, 55, 86, 89, 95, 108, 132, 142, 158, 183, 196, 212, 240, 265, 279, 294, 310, 312, 315;

Он как орел махал крылами//Усы взлетали вверх орлами — см. выше. Отметим насыщенность комментируемого текста «орлиной» символикой;

Все́ — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

46. Впервые — СП-I. С. 68. Автограф — РНБ.

Отметим мотив полета, причем, это едва ли не автопортрет самого Хармса — мага, с высоты контролирующего ход жизни (см. 20, 29, 47, 54, 56, 66, 119, 175, 230, 286, 293).

47. Впервые — СП-I. С. 69–71 (по списку Г. Гора). Автограф неизвестен. Печ. по списку Г. Гора с исправлениями первой публ.

Продолжение мотива полета (см. 46). Предполагается аллюзия этого текста на занятия В. Каменского воздухоплаванием и (или) его поэму «Полет Васи Каменского на аэроплане в Варшаве» из кн. «Танго с коровами» (М., 1914; Герасимова, Никитаев I. С. 27).

Дай взгляну через кулак — жест, связанный с профессиональным рассматриванием произведений живописи;

Всё — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

48. Впервые — СП-I. С. 72. Автограф — РНБ.

49. Впервые — СП-I. С. 73. Автограф с многочисленной правкой — РНБ.

пристала к пуделю рука — с пуделем традиционно ассоциируется нечистая сила;

херувимскую поёт — духовная песнь православных христиан; если интерпретировать метаморфозы настоящего текста, как результат некоего колдовства, то заключительный стих получает определенную мотивировку, поскольку херувимскую поют в том числе на пасхальной обедне для изобличения колдунов (Максимов. С. 113).

50. Впервые — СП-I. С. 143–148. Автограф с многочисленной правкой — РНБ. Приводим зачеркнутое продолжение:

Ананан – Почему это здесь мусор?
Зачем дерево не на месте?
Чей это сапог валяется?
Где тут у вас колодец?
Всюду всюду беспорядок
всюду виден сор и хлам
Змеи ходят между грядок
Все театр. Где же храм

Ку – А вот пожалуйте сюда
по ступенькам осторожно
о порог не спотыкнитесь
Не запачкайте рукав.
Тут прихожая с камином
открывается очам
из дверей в плаще орлином
Тарфик ходит по ночам
Заворачивает в двери
стучит ногтем о косяки
над ним вьется легкий пери
за ним ходят босяки
Пери — это вы начальник
босяки же — это души
Тарфик — это зверь первоначальный

Ананан – Почеши мне Ку мои уши.

Ку – Извольте. Вижу прыщик
на затылке Вашем я
может срезать этот прыщик
хочу цирульником быть Вашим я.

Ананий – Режь мне его не надо
У меня на животе их целые тысячи
есть и поменьше, есть и побольше
а есть такие как кулак.
А этот прыщик просто так.

Ку – Фе
ме
дюре.
Срезал

Ананий – А теперь обратно прикрепи

Ку – Лю

Ку — возможно, образовано по созвучию с именем древнеегипетского царя Ка (см. этот персонаж в «Лапе» — 95);

Шу — древнеегипетский бог воздушного пространства (не этим ли объясняется его материальное отсутствие в тексте);

гортань согласными напряжена — в древнеегипетском языке отсутствовали гласные; отметим также возможное влияние «Теории слов» Липавского, который как раз исследовал роль согласных звуков в языке; см. также: Jaccard I. С. 32;

Шкап соединение трех сил ∞ особенно спины, мышиных рыльц — против этих стихов помета Хармса: «За эти строчки мне стыдно, но я их пока не переделываю»;

часословы — церковно-богословская книга, содержащая постоянные на каждую часть дня молитвы;

эти мухи — см. 29, 44, 45, 55, 86, 89, 95, 108, 132, 142, 158, 183, 196, 212, 240, 265, 279, 294, 310, 312, 315;

на скале живу орлом — см. 10, 20, 26, 45, 63, 77, 89, 98, 107, 119, 136, 195, 282;

девы с косами до пупа — см. 16, 20, 26, 30, 60, 63, 64, 80, 89, 91, 98, 168, 176, 207, 210, 234, 295, 307, 328.

51. Впервые — СП-I. С. 75–76. Автограф с правкой — РНБ.

Не являются ли эти Овца (Овен) и Козерог (козел с рогами между глаз) — персонажами одного из пророческих видений пророка Даниила из библейской «Книги пророка Даниила»? Частота появления у Хармса этого мотива (см. 17, 95, 136) побуждает вспомнить о его занятиях Древним Египтом, где один из главных богов и объект многочисленных ритуалов, бог Аммон, идентифицировался с бараном.

52. Автограф — РНБ.

Наташа — Наталья Ивановна Колюбакина (1868–1942), тетка Хармса с материнской стороны. Преподавала словесность и директорствовала в II Детскосельской советской единой трудовой школе (бывш. Мариинская женская гимназия). «Она была филолог, устраивала литературные вечера — благодаря ей увлекся литературой и Даня. Наталья Ивановна была очень строгая, ее все

боялись: и учителя, и ученики, и даже Даня, который не боялся ни мамы, ни папы — никого. Она была глубоко образованным человеком, знала языки. Однажды, уже перед самой войной, понадобилось зачем-то выучить итальянский, и она выучила его. В то время она работала у академика Марра над составлением какого-то словаря, научным сотрудником. Наталья Ивановна очень любила Даню, а он — ее <...>» (Грицина. С. 40).

53. Впервые — СП-I. С. 77. Автограф — РНБ.

Вопросы, задаваемые первыми четырьмя стихами, — основополагающие для Хармса. Ж.-Ф. Жаккар интерпретирует этот текст, как описывающий «разорванную» реальность и предвосхищающий экзистенциальный кризис поэтики Хармса 1930-х гг. (Jaccard I. P. 95–96).

Сундук — см. 18, 44, 65, 192, 294, 300, 326;

четыре кисточки на платке — см. прим. к 4;

восемь кнопок на потолке — игра с числом 8 ещё будет продолжена (см. 79, 125, 157, 177, 224, 240, 258).

54. Впервые — СП-I. С. 78–79. Автограф с многочисленной правкой — РНБ.

Крюгер — возможно, мотивом «наблюдения» вводится имя немецкого астронома Адальберта Крюгера. См. также в несколько ранее написанной «Комедии города Петербурга» персонаж Эммануил Крюгер;

Всё — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

55. Впервые — СП-I. С. 153–154. Автограф со значительной правкой — РНБ (в частности, неоконченный и зачеркнутый вариант продолжения: диалог Фомы с Доктором Матрёной).

Доктор Матрёна — ср. с родственным случаем в «Мёртвых Душах» Гоголя, где под видом мужика Собакевич подсовывает Чичикову бабу Елизавету Воробей (см.: Сажин I. С. 201);

вёз корзину колпаков — см. прим. 26, 29, 85, 101, 107, 153, 195, 230;

за мухами глазами — см. 29, 44, 45, 50, 86, 89, 95, 108, 132, 142, 158, 183, 196, 212, 240, 265, 279, 294, 310, 312, 315.

56. Впервые — СП-I. С. 80–83. Автограф — РНБ.

После ст. 75 следуют четыре стиха, обведенные Хармсом, с вопросительным знаком против них:

В него кинули яму помойную
а он сказал: всё будет по моему
В него кинули усадьбу и имение
а он сказал: "Я останусь при своём мнении".

Текст представляет собой ироническое осмысление традиционной для Хармса дилеммы между полетом и естественной, по-

добно природе, жизнью, с одной стороны, и борьбой за существование в рамках обыденной жизни, с другой. Придерживающийся последней позиции — по меркам людского хора — мудрец и заслуживает искомой им награды — средств для поддержания жизни: сахара, масла и т. п. Дерево и, в частности, дуб — важный символ в поэтике Хармса, почерпнутый в мифологических и фольклорных представлениях о нем, как «от века существующем», основополагающем (Афанасьев. С. 214), культовом дереве (Фрэзер. С. 175, 185), тотеме (Зеленин III. С. 5). — См. 60, 63, 95, 107, 160, 223, 242.

Наша месть ∞ слепота — в этом фрагменте находят «вписанными» основные магические числа (Лощилов. С. 155).

57. Впервые — СП-I. С. 158. Автограф — РНБ.

58. Впервые — СП-I. С. 160. Автограф — РНБ.
Первые три стиха ср. со ст. 19–20 в «Ванне Архимеда» (62);
смотрим шкапа изменение — см. 26, 29, 50, 107, 287, 300.

59. Впервые — СП-I. С. 159. Автограф — РНБ.

Текст, построенный как описание живописного произведения, или за которым, весьма вероятно, стоит живописный прообраз — нередок у Хармса.

заложив пальцем книгу — жест, часто встречающийся в текстах Хармса; см., например: «Он пальцем заложил страницу» («Комедия Города Петербурга» — т. 2 наст. собр.).

60. Впервые — СП-II. С. 5. Автограф с правкой — РНБ. Приводим первоначальные (зачеркнутые) варианты существительных: ст. 1 — природа, ст. 2 — деревья, ст. 3 — каменья, ст. 6 — ребята, ст. 7 — театры, ст. 8 — журналы, ст. 9 — искусство.

Текст дает возможность весьма разветвленных трактовок, особенно если иметь в виду, например, что деревья и каменья в интерпретации чинарей, составляют оппозицию, как живое и мертвое, образующее единую природу; другого рода оппозиции можно реконструировать и из отдельных элементов текста, например, учитывая интерес Хармса к еврейской истории и этнографии (см. прозаические тексты в т. 2 наст. собр.), а также неоднократно возникающий образ «красивой еврейки» в стихах Хармса (см. 98, 100, 276, 322). См. также размышления Липавского о «еврейских предках» (Разговоры. С. 9).

61. Впервые — СП-II. С. 6–7. Автограф с многочисленной правкой — РНБ.

Л. Флейшман соотносит содержание стихотворения с октябрьским наводнением 1929 г. в Ленинграде (Флейшман. С. 258).

Гельмголанд — маленький скалистый остров в Германии;

наши воды лезут в трубы — см. подобный образ в тексте «Сабля» (т. 2 наст. собр.);

точно саблю воды глотаем — еще один из ряда слов-символов Хармса (см. 98, 125, 287, а также в т. 2 наст. собр.). По-видимому, это ещё один из многих «гоголевских» мотивов Хармса (см.: Сажин I. С. 201; о символике «сабли» у Гоголя: Гольденберг. С. 31).

62. Впервые — СП-II. С. 3–4. Автограф с многочисленной правкой — РНБ. Текст имел иное начало (зачёркнуто):

Архимед сажаясь в ванну
произнес:
вода чиста
но когда я влезу в ванну
то вода будет грязна.
в ней скопились инфузории
я их сейчас раздавлю
коли сяду тяжело
плюхнусь в воду
упаду.

Против этих стихов также зачёркнутый текст:

Покидав свои одежды
ловко в воду влез Ахмет
Да, забудь свои надежды
молвил старче Архимед

После ст. 18 зачёркнуто:

Ну, давай брат экспериментировать
сказал Архимед вновь довольный
предположим ты мотыга
я же камень краеугольный.
Нет, сказал Махмет, я буду
лучше дом изображать
а вы изобразите болото,
значит под водой лежать.
Гм, — промолвил муж ученый,
Я задохнусь под водой
лучше ты прикинься драчёной,
а я тебя съем с головой.
Впрочем довольно!
Что за шалости!
Бить и гнать
надо этого негодяя
безо всякой жалости.
Эй Махмет!
неси мочало.
мыло дай сюда махмет!
крикнул тря свои чресала
в ванне сидя Архимед.

знаменитейших особ — вместо зачеркнутого: *формалистов, белых вшей; формалистами в особь* — вместо зачеркнутого: *к ним искусство не пришей.*

Стихотворение, судя по тексту, инициировано (и получило заглавие) по наименованию проектировавшегося в 1929 году Альманаха, в котором должны были объединиться поэты, прозаики и литературоведы «под знаком литературного изобретательства и экспериментаторства. Его основная задача, объединяющая всех авторов — это борьба с литературной рутиной и противопоставление ей опытов» (Из заявки Б. Эйхенбаума в Издательство писателей в Ленинграде от 9 октября 1929 года). В альманахе должны были участвовать Заболоцкий, Введенский, Хармс, Н. Тихонов, Н. Добычин, В. Шкловский, В. Каверин, Ю. Тынянов, Б. Бухштаб, Л. Гинзбург и др. Об обстоятельствах подготовки альманаха и причинах, помешавших его выпуску, см.: Блюмбаум, Морев. С. 263–269.

Архимед (ок. 287–212 до н. э.) — античный математик и физик.

По-видимому, стихотворение можно интерпретировать в рамках скептического отношения Хармса к попыткам науки быть точной на основании опытных доказательств; в сущности, облик Архимеда здесь травестирован.

В наше время нет вопросов//каждый сам себе вопрос — ср. ст. 1–3 в «Диалоге двух сапожников» (58).

63. Впервые — СП-II. С. 8–12. Автограф с многочисленной правкой и отвергнутым первоначальным заглавием: «Тюльпанов» — РНБ.

Стихотворение было включено Хармсом в проектировавшийся альманах «Ванна Архимеда» (см. 62).

Л. Флейшман соотносит содержание стихотворения, как и 61, с октябрьским наводнением 1929 г. в Ленинграде (Флейшман. С. 258).

Тюльпанов — см. этот персонаж в 43;

дождик светлый моросил — мотив воды (дождя, реки) исключительно распространен у Хармса, как один их основополагающих мифопоэтических мотивов; его наличие обусловлено также знакомством Хармса с магическими ритуалами, в которых вода трактуется как сила, преобразующая тело в дух и придающая ему нетленные свойства (см. 86, 139, 142, 188);

орлиный бег на лбу упругом — см. 10, 20, 26, 45, 50, 77, 89, 98, 107, 119, 136, 195, 282;

из дверей выходит няня — см. 13, 31, 134, 307;

в белый мчится воздух дева — см. 16, 20, 26, 30, 50, 60, 64, 80, 89, 91, 98, 168, 176, 207, 210, 234, 295, 307, 328;

только я пройду как сон — см. 20, 58, 85–87, 95, 97, 98, 101, 119, 145, 158, 192, 259, 261, 268;

по воде плывёт кружочек — см. текст 190.

Как видим, этот текст является средоточием излюбленных хармсовских мотивов.

64. Впервые — СП-II. С. 156. Автограф — РНБ. Слева от текста записан неоконченный и незачеркнутый текст, место которого не поддается определению:

Приди!
Зовёт её вращая спицы
поэт идущий впереди.

Она – Кто ты?
Я думала ты воин
идешь расстреливать врагов
как ночь стихаешь перед боем
и снова дуешь в дырочку рогов
сзывая кличем

Возможно отождествление «девы» с Афиной, одной из ипостасей которой было покровительство ткачеству (см. также 16).

склонилась дева как лилея — т. е. лилия, символизирующая девственность.

65. Впервые — СП-II. С. 13–14. Автограф с многочисленной правкой — РНБ. После ст. 12 зачеркнуто:

дни проходят счётом шесть
под руками гнётся жесть
над людьми поёт свисток
объявляет ровно всем
день делимый счётом семь.

Анализируя конкретные исторические обстоятельства, «откликом на которые явилось это загадочное стихотворение», Л. Флейшман показал, что таковыми стали меры по реформе советского календаря. Это была попытка введения четырехдневной рабочей недели с пятым (скользящим) выходным («сундучек в четыре дня»). При этом Л. Флейшман отводит возможность публицистической интерпретации текста: «Никаких заключений об «отрицательном» отношении автора к совершавшимся реформам прямо вывести из текста этого стихотворения нельзя. Напротив, можно допустить, что поэта–обэриута мог привлечь элемент аттракциона, эпатажа, эксцентрики в государственном — даже чуть ли не глобальном — масштабе, содержавшийся в предпринимаемом эксперименте» (Флейшман. Р. 251, 257).

Очевидно, что конкретно–историческая ситуация наложилась на размышления Хармса о свойствах времени, реальность которого ощущалась лишь вследствие деления бесконечности на доли, события (см.: Jaccard II. P. 81–82). Проблема делимости времени — в терминологии чинарей: миг–вечность — круг размышлений Хармса, Липавского, Друскина.

Вместе с тем, отметим имеющийся, на наш взгляд, эсхатологический мотив текста Хармса. В мироустройстве древних евреев фиксированный день отдыха искони означал восстановление мира, равновесия между человеком и природой, нарушенного ра-

ботой. Описываемое Хармсом «разрушение», в таком случае, — не просто нарушение повседневной жизнедеятельнсти, но разрушение мира. См. также: Faryno. P. 172.

Сундучёк в четыре дня — сочетание двух традиционных хармсовских символов (см. 18, 44, 53, 192, 294, 300, 326; 4, 10, 11, 13, 16, 17, 19, 30, 53, 56, 111, 125, 157, 174, 183, 196, 211, 218, 293, 299, 310, 325).

66. Впервые — СП-II. С. 17. Автограф — РНБ.

Помимо традиционного мотива полета (см. 20, 29, 46, 47, 54, 56, 119, 175, 230, 286, 293), отметим важность в комментируемом тексте числа ноль, отделяющего старый год от нового, что в системе размышлений Хармса о свойствах ноля означает переход в иное измерение (см. 63, 101, 190; т. 2 и 4 наст. собр.).

67. Впервые — СП-II. С. 18. Автограф — РНБ.

блоха болот ∞ стоит избушка — цитата из Д. Бурлюка («Требник троих», М., 1913. С. 77).

68. Автограф — РНБ.

69. Автограф — РНБ.

70. Впервые — СП-II. С. 126 (среди неоконченных). Автограф — РНБ.

71. Автограф — РНБ.

72. Впервые — КП. 1993. 10 авг. Автограф — РНБ.

73. Автограф — РНБ.

74. Автограф — РНБ (с заменой последнего стиха).

75. Впервые — СП-II. С. 131 и 211–212 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ (с пометкой: «Хватит (плохо выходит)».

Приводим вариант начала этого стихотворения, перечеркнутый Хармсом:

вам не хватит ваших полок
руки ставить отдыхать
миг недолгий станет долог
перпендикулем махать.
вы проскочите Галина
сидя в бане возле нас
ваша круглая далина
в окруженьи малых глаз
ваши свежие ланиты
нам напомнят молоко
зубки мелкие разбиты
друг от друга далеко

ваш Галина хвостик вкусный
в твердый кинем подстаканник
голосок Галины грустный
мы услышим в телефон.
обождитэ нас Галина
с наступлением зимы
на катке с тобой Галина
на коньках поедем мы.

2 января 1930 года

По воспоминаниям драматурга А. Разумовского, приятеля Хармса, на Фонтанке близ Аничкова моста был каток и по вечерам там играл духовой оркестр (РНБ).

Едешь соколом вперед — вариант хармсовского символа орла?

76. Впервые — Jaccard II. P. 254. Автограф — РНБ.

Первый из ряда откровенно эротических текстов Хармса, не осложненных мифологической символикой. Для характеристики противоречивого отношения писателя к эротике полезно обратить внимание на некоторые из источников, которые были в поле его внимания. Так, например, Папюс дает следующую интерпретацию темы: «Любовь есть таинственное средство, влекущее один атом к другому, начиная с инстинктивного влечения противоположных полов, побеждающего все преграды, и до увлечения ума, повергающего человека ниц перед красотою форм и истиною. Любовь — это великий двигатель всего существующего, действующий в бессмертной форме, он имеет два пути осуществления: низший — произрождение и высший — экстаз, так как вращающийся центр бессмертного духа один и тот же с центром сферы анемической, только лучеиспускание его более обширно.

Вот почему Магия, рассматриваемая синтетически, есть наука о любви; любовь звезд к Солнцу или атомов по отношению к силе. Вот почему женщина — инстинктивная жрица любви на земле, действует ли она как спутница, Луна, мать семейства, или, подобно Венере, как любовница, куртизанка или жена». (Папюс II. С. 40). Вместе с тем в книге П. Успенского, с которой был знаком Хармс, он мог почерпнуть следующее: «<...> любовь служит не жизни, а высшему постижению. Она, при правильном отношении к ней, настраивает человека на лад «чудесного», снимает завесы, раскрывает закрытые двери. И в прошлом, а может быть, и в настоящем несомненно есть попытки постижения любви вне жизни, как культ, как магическую церемонию, настраивающую тело и душу для восприятия чудесного». (Успенский. С. 149).

Другой автор, у которого Хармс черпал оккультные познания, Агриппа Неттесгеймский, употреблял выражения, созвучие которым находим в комментируемом тексте «<...> женское тело как по

взору, так и по осязанию есть наинежнейшее <...>»; «<...> и все члены, наполненные соком <...>» (Агриппа II. С. 13, 15).

Существенным источником для осмысления свойств эротики у Хармса могут служить гностические апокрифические тексты, а также то, что пишет о сексуальных обычаях гностиков их критик св. Епифаний Кипрский.

М. Золотоносов отметил, что в комментируемом тексте присутствует уподобление пера — фаллосу, женского полового органа — бумаге, что связывает этот текст с известной литературной традицией (Золотоносов II.).

77. Впервые — СП-II. С. 19–20 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ (лист с вариантом окончания оборван).

После ст. 20 зачеркнуто:

Давайте же сядем на наших коней
и в тучу вомчимся летучих камней
только б наши перелины
не слетали б с наших плечь
наши бы очи орлины
девичьи сердца продолжали бы жечь

Н. Перлина находит в тексте реминисценции из «Бесов» Пушкина (Perlina. P. 180).

больше орла (и далее) — см. 10, 20, 26, 45, 50, 63, 89, 98, 107, 119, 136, 195, 282;

Всё — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

78. Впервые — СП-II. С. 132. Автограф — РНБ (часть листа с окончанием оборвана).

Вопрос о свойствах времени и возможностях его деления — один из непременных и кардинальных вопросов, занимавших Хармса, который исходил из ложности всех прежних научных представлений о времени.

79. Впервые — СП-II. С. 22. Автограф — РНБ.

Трансформация темы времени, рассматриваемого через понятия события и последовательности. В трактовке Хармса (и чинарей) по событию (или, что то же — случаю) опознается существование времени (см. также 143).

и так последовательность создаётся — в терминологии изучавшейся Хармсом индийской философии последовательность — способ познания объектов во времени;

наступят восемь пузырьков — см. также 53, 125, 157, 177, 224, 240, 258.

80. Впервые — СП-II. С. 21. Автограф — РНБ.

Отметим, что стихотворение написано накануне дня памяти непорочной Агнии; возможно, это совпадение случайно, но, независимо от того, избранное Хармсом экзотическое имя сигнализирует об уже встречавшейся у него оппозиции девственность/распутство (см. 16 и др.).

Это первый из, так сказать, «мельничных» текстов Хармса, поразному трансформирующих фольклорные мотивы. В данном случае уместно привести суждение А. Н. Афанасьева: «Мельник непременно должен быть колдун и водить дружбу с нечистыми; иначе дело не пойдет на лад. Если он сумеет задобрить водяного, то мельница будет всегда в исправности и будет приносить большие барыши» (Афанасьев. С. 209). «Нечистота» мельника характеризуется и таким историческим фактом: с 21 мая 1929 г. постановлением Совнаркома к кулацким хозяйствам были отнесены в том числе имеющие мельницу (см. также 108, 130, 161, 202).

81. Впервые — СП-II. С. 134 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

Ахилл — в греческой мифологии один из героев Троянской войны.

и Варвара в камилавке — один из вариантов «колпака» (см. 26, 29, 55, 85, 101, 107, 153, 195, 230);

Всё — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

82. Впервые — СП-II. С. 23. Автограф — РНБ.

Всё — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 85, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

83. Впервые — СП-II. С. 135 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

Ну ка выбеги Маруся — вариант традиционного у Хармса имени Мария (см. 18, 28, 29, 38, 95, 177, 191, 238, 301).

84. Впервые — СП-II. С. 24. Автограф — РНБ.

Н. Перлина отмечает насыщенность текста цитатами и парафразами из Библии, Пушкина и Хлебникова (Perlina. P. 189).

85. Впервые — СП-II. С. 25. Автографы — РНБ (один — под заглавием «Пробуждение элементов» и правкой трех слов; другой — беловой; третий автограф — «Чукоккала» (С. 391) с датой: 13 августа 1930 г. (дата записи) и с разночтениями).

в колпаках — см. 26, 29, 55, 81, 101, 107, 153, 195, 230;

Всё — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

86. Впервые — Поэзия: Альманах 14. М., 1975. С. 287. Автограф со значительной правкой — РНБ.

Один из вариантов интерпретации магических свойств воды (см. 63, 139, 142, 188).

Мухи снов живые точки и далее — см.29, 44, 45, 50, 55, 89, 95, 108, 132, 142, 158, 183, 196, 212, 240, 265, 279, 294, 310, 312, 315;

Геба — в греческой мифологии богиня юности;

Гляньте мухи в самовар — символика самовара имеет фольклорную и литературную традицию, своеобразно трансформированную Хармсом в детских и взрослых текстах. Об эротической функции самовара, в частности, у Козьмы Пруткова, Крученных, Хлебникова (а это источники творческих ассоциаций Хармса — добавим от себя) см.: Левинтон. С. 126–129; см. также 107 и т. 2, 3 наст. собр.;

Всё — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 85, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

87. Впервые — СП-II. С. 28–29. Автограф — РНБ.

Здравствуй Кика; Входит Кока — см. эти персонажи 2, 7;

Ветер дул. текла вода.//Пели птицы. Шли года. — см. 180;

всё — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 85, 86, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

88. Впервые — СП-II. С. 50. Автограф — РНБ, после ст. 8 зачеркнуто:

В ночи длинные не спится
вдовам новопредставленных мужей
Голова к подушке не клонится
бьёт сознание свежей
Вот и Карпов и супруга
возле дома, на ковре
как флакон сидит упруга
всех пугая во дворе.

89. Впервые — СП-II. С. 31. Автографы — РНБ (черновой набросок начала; автограф с незначительной правкой и пометой: «Считаю, что очень плохо написано. Да и всякий это сочтёт»; автограф Э. Русаковой, написанный под диктовку Хармса и с его автографами: заключительным словом «всё», подписью «Д. Х.» и пометой «5+1»).

Неназванные здесь «по имени» птицы — совершенно очевидно, орлы, которые здесь выступают в качестве символов Российской империи. Земля, огонь и ветер (воздух) — принятые в оккультизме три исходные начала всего сущего (четвертое — вода); см. Папюс I, Успенский.

всё — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 85, 86, 87, 90, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

90. Впервые — СП-II. С. 32–33. Автограф — РНБ.

всё — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 92, 135, 137, 143, 190, 211.

91. Впервые — СП-II. С. 138 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

Девицы только часть вселенной — см. 16, 20, 26, 30, 50, 60, 63, 64, 80, 89, 98, 168, 176, 207, 210, 234, 295, 307, 328.

92. Впервые — СП-II. С. 34–35. Автограф с правкой — РНБ.

Место, которое занимают в текстах Хармса коллизии с рукой (как правило отрываемой или исчезающей), позволяет предположить, что он придавал этому элементу своего творческого мира особенное значение. Быть может, такое отношение инициировано яфетической теорией Н. Марра, писавшего: «<...> Еще более многочисленны слова, восходящие к представлению о «руке». «Рука», первое и долго основное орудие производства, не уступает «небу» и в культовой значимости: «рука» как магическая сила, «рука–божество», «рука–власть» наблюдается в изображениях на предметах с палеолита и прослеживается во все времена как символ власти «культа» (Марр. С. 132–133). Соотнесем это с отмеченным выше увлечением Хармса оккультизмом и принятой на себя функцией мага.

равновесие храним — «равновесие» — одно из важных понятий в системе мира Хармса. Состояние равновесия характеризуется отсутствием движения и равно «несуществованию»; соответственно, нарушение равновесия или «небольшая погрешность» (другой термин, введенный Я. Друскиным), есть признак жизни. Об этих понятиях и их значениях для дружеского круга чинарей см.: Jaccard II. P. 86–88. См. также т. 2 наст. собр.;

всё — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 135, 137, 143, 190, 211.

93. Впервые — СП-II. С. 36–38. Автограф с правкой — РНБ.

вышел кокер из угла — ср. 87.

94. Впервые — СП-II. С. 46–47. Автограф — РНБ (ст. 1–9 отчеркнуты синим карандашом; ст. 10–19 — красным).

Текст развивает тему свойств времени — одну из главных у Хармса.

Заглавие можно интерпретировать, как антоним аристотелевскому термину «теперь», означающему связующее звено между предыдущим и последующим временем: «Время и непрерывно через «теперь» и разделяется посредством «теперь» (Аристотель. С. 150).

Первые три стиха, по-видимому, цитата из Успенского, где, возможно, Хармс и почерпнул аристотелевские идеи: «Наша обычная логика, которой мы живем, <...> сводится к простой схеме, сформулированной Аристотелем <...>:

А есть А.
А не есть не А.
Всякая вещь есть или А или не А».

(Успенский. С. 77). Далее: «Логика животного будет отличаться от нашей прежде всего тем, что она не будет общей. Она будет существовать для каждого случая, для каждого представления от-

дельно <...>. Каждый предмет будет сам по себе и все его свойства будут его специфическими свойствами <...>. Животное скажет так:

Это есть это.
То есть то.
Это не то.»

(Там же. С. 79). Наконец: «Аксиомы, которые заключает в себе Tertium organum» <т. е. способ познания многомерного мира. — *комм.*> не могут быть сформулированы на нашем языке. Если их все-таки пытаться формулировать, они будут производить впечатление абсурдов. Беря за образец аксиомы Аристотеля, мы можем на нашем бедном земном языке выразить главную аксиому новой логики следующим образом:

А есть и А и не А.
или
Всякая вещь есть и А и не А.
или Всякая вещь есть Всё».

(Там же. С. 251, см. также: Сажин II. С. 91);

Мы говорим — фразеологизм, постоянно встречающийся у Аристотеля (см., например, в той же «Физике»). Помимо названных, важными источниками для осмысления текста являются работы Я. Друскина. В комментарии к «Нетеперь» он пишет: «Это» и «то» — термины, введенные мною в 1928 г. и обозначающие члены конъюкций и дисъюкций, применяемых при построении философских систем» (РНБ). См., например, его три «Исследования об этом и том» (РНБ). Можно также обратить внимание на явные следы обсуждения названных терминов в кругу чинарей, выявляющиеся в «Пять или шесть» Введенского. См. также: Jaccard I. P. 158–160 и его же статью «Возвышенное в творчестве Даниила Хармса» — Жаккар. С. 8–19.

95. Впервые — СП-II. С. 88–108. Автограф с обширной правкой — РНБ.

Продолжение «египетской» темы, которую некоторые комментаторы возводят к влиянию Хлебникова, в частности, его повести «Ка» (Герасимова, Никитаев I. С. 26 и др.); однако, наличие Хлебникова среди персонажей «Лапы», на наш взгляд, — слишком прямолинейная для Хармса подсказка читателю, чтобы её можно было принять за отсылку к поэту, как прототипу.

Выше отмечалось, что приход Хармса к египетской теме не может быть объяснен какой–либо одной побудительной причиной, поэтому, скорее, учтено должно быть всё многообразие версий (Хлебников, оккультизм и магия, влияние Введенского и Т. Мейер, учившихся на восточном факультете университета, самостоятельный интерес Хармса к Древнему Востоку).

После ст.: *И земля поднимается выше* — следуют зачеркнутые 18 стихов диалога Ангела Капусты с Алехиным («чемпион Алехин», т. е. шахматист, ставший в 1927 году чемпионом мира); после ст.

и уходит с ним на ледник — следует зачеркнутый диалог Власти и Земляка на леднике, оканчивающийся традиционным «всё» и подписью «Даниил Хармс. Писано с четверга 24 июня по понедельник 4 августа 1930 года. Петербург».

Значок над текстом — монограмма имени Э. Русаковой (см. 3, 9, 97, 130, 136, 206). Значение этого символа разъяснено Хармсом в письме к Р. Поляковской (см. т. 4 наст. собр.). Наличием посвящения не ограничивается эротический характер «Лапы» — наряду с весомыми древнеегипетскими мотивами и аксессуарами, в тексте достаточно деталей, мотивирующих его посвящение Хармсом Э. Русаковой.

Учитывая интерес Хармса к масонской символике, отметим, что таким прямоугольником (но без средней полосы) в масонских текстах обозначается слово *ложа*.

См. также ценные соображения Н. Перлиной о связи текста с яфетической теорией Н. Марра: Perlina. P. 190.

М. Мейлах находит в «Лапе» (сцены в птичнике) парафраз из «Кругом возможно Бог» Введенского (Введенский I. С. 143).

Глинкин плац — контаминация двух адресов Ювачевых: Глинской улицы и Казачьего плаца;

о статуя всех статуй — по-видимому, можно интерпретировать как Афродиту, богиню любви и красоты (вавилоно-ассирийская Иштар); см. также 10;

И наступала ночь Купала — эротический языческий праздник в честь Ивана Купала, когда единственный раз в году расцветает папоротник, — средство вызывания девичьей любви (см. также 152);

Два Невских — уподобление двум Нилам, существовавшим в сознании древних египтян: Нилу земному и Нилу небесному;

один на свете холостуя — вместе с предшествующим ст.: *сосны тогда обнимать* и последующим: *блещут звезды как ножи* может интерпретироваться как своеобразная трансформация мифа о Кибеле и Аттисе (греч. Афродита и Адонис), где Аттис оскопляет (холостит) себя в честь Кибелы под сосной (или превращен в сосну);

Старик читал книгу — ср. 235;

Ангел Капуста — возможно, обыгрывание существовавшего в каббалистике ангела для каждого дня недели;

Аменхотеп—имя нескольких египетских фараонов;

финит и цисфинит — см. 118;

Ибис — священная птица в Древнем Египте, одно из наименований бога Тота;

глАвНабор — ср. с «Зангези» Хлебникова, где в результате «благовеста ума» «божественные звуки» слетаются сверху на призыв человека (Хлебников. Творения. С. 482–483. Обстоятельный разбор мотивов, связанных с Хлебниковым, в наст. тексте: Jaccard I. P. 29–32);

пуруша — в индийской мифологии высшее начало, из которого был сотворен мир;

ища созвездие Барана—см. 17, 51, 136;

Ну человечество! дыши! — парафраз Хлебникова: «Но человечество — лети!»

96. Впервые — СП-II. С. 51. Автограф с правкой — РНБ.

Двести бабок — вариант популярного у Хармса числа два (см. 18, 25, 56, 125, 170, 177, 219, 225, 293);

ранец Лилии жены Тюльпана—сочетание двух этих цветов, символизирующих, соответственно, непорочность и любовную страсть (на востоке), возвращает нас к уже отмеченной у Хармса оппозиции: девственность/распутство;

всё похоже на суповую кость — нельзя не заметить значительное место этого символа в дальнейшем у Хармса. М. Мейлах, комментируя подобное явление у Введенского, отмечает символику кости в магии — ее важную роль в магических трансформациях (см. коммент. М. Мейлаха к «Очевидец и крыса» — Введенский I. С. 261).

97. Впервые — СП-II. С. 52–53. Автограф с правкой — РНБ.

Значок при заглавии свидетельствует о посвящении текста Э. Русаковой (см. 3, 9, 95, 130, 136, 206). А. Александров отнес текст к разновидности молитвы. Сравнение с образцами древнеегипетских аналогичных по содержанию текстов показывает, что именно они явились в данном случае образцами для Хармса (ср., например, многочисленные тексты, собранные в кн.: Тураев I; Матье и др.). В комментарии в СП стилистические свойства этого текста характеризуются, как «калькирование синтаксических моделей некоторых восточных языков» (СП-II. С. 182).

Пе — город на севере Египта с культом бога Гора;

баня лицов твоих — см. 119, 215.

98. Впервые — СП-II. С. 54–64. Автограф с обширной правкой — РНБ; после ст. 34 зачеркнуто:

скажите евреи
как можно скорее
где вода и где земля;

(ср. 60, 100, 276, 322);

после ст.: *ландыш битвы рать богов* следовал заключавший произведение текст с датой: 22–23 августа (зачеркнут):

Маргарита: дом в верху и дом внизу
зану трус бежит в лесу

Апостолы: стыдно встать и лень сидеть
скучно спать легко лететь

Писатели: мудрость феф голоса тихи
хороши только песни и стихи

Фауст: проваливается

в колодец.

М. Мейлах называет «Месть» «гетевским» произведением Хармса и отмечает имена Лиза и Маргарита в «Очевидец и крыса» Введенского (Введенский I. С. 261). Эти имена, наряду с именем Мария, наиболее употребительны в текстах Хармса. Отметим, что в 1933 г. Хармс назовет себя «бывшим Гете» (Разговоры. С. 31).

М. В. Юдина, приводя в своих воспоминаниях фрагмент текста, так его характеризует: «Фантастика, почти бессмыслица этих Хармсовских виршей, музыкальный напор его prestissimo, головокружительные потоки, зубцы, грохот колес, организованный треск пропеллеров, инфантильная наивность и невинность, первозданность этой младенческой поэзии имела в ту пору, увы, кратковременного поэтического бытия Даниила Хармса своих восторженных приверженцев» (Юдина. С. 269–270). Интерпретацию этого текста см.: Jaccard I. (как произведения о «борьбе со смыслами» писателей — это их месть разуму).

и птица орёл — см. 10, 20, 26, 45, 50, 63, 77, 89, 107, 119, 136, 195, 282;

дева по полю бежит — см. 16, 20, 26, 30, 50, 60, 63, 64, 80, 89, 91, 168, 176, 207, 210, 234, 295, 307, 328;;

дева ангел и змея — М. Золотоносов интерпретирует этот мотив, как отражение сюжета византийской агиографии, включавшего битву Георгия со змеем ради защиты дамы (Золотоносов. С. 268, сн. 35. Ср. с нашей интерпретацией текста 16);

огонь//воздух//вода//земля — в оккультных воззрениях — четыре начала жизни (ср. 208);

куф куф куф и т. д. — В комментариях к СП отмечено, что в речи Бога имитируются «гебраизмы» в сочетании с церковнославянизмами (СП-II. С. 186);

кур кир кар — ср. с «Турка-Турка» (122);

я пропал//среди наук//я комар//а ты паук — М. Золотоносов находит реминисценцию из «Мухи-цокотухи» К. Чуковского (ук. соч. С. 268, сн. 35);

ландыш битвы — по одной из легенд ландыш вырос из освященных капель крови св. Леонарда, получившего многочисленные раны в битве с драконом Синь;

сабель много — см. 61, 125, 287.

99. Впервые — СП-II. С. 65. Автограф — РНБ.

100. Автограф с исключением одной строфы — РНБ.

Полубог — так в Древнем Египте именовали фараонов.

хоть и жид — ср. 60, 98, 276, 322;

лучше б ездил на балы б — ср. у Пушкина: «Я балы б до сих пор любил».

101. Впервые — СП-II. С. 68–73. Автограф с обширной правкой — РНБ.

Радость — значимое слово в общении чинарей. См., например, рассуждения «О науке радости», записанные Липавским: «Можно ли достичь, чтобы радость была обычным состоянием. Л. Л. думает, что можно. Неприятности на девять десятых воображаемы; они происходят от зависти, представления себя на месте другого, или от горечи при представлении возможного будущего. Но ведь все это на самом деле не реально <...>. Радость под руками, но чтобы ее пощупать, надо скинуть привычки, мешающие этому, пройти через некоторый аскетизм. <...> Радость и горе не противоположности и безразличие не середина между ними, как нет среднего между целым и растрескавшимся. Радость нормальна». (Разговоры. С. 11).

Афилей — возможно, как это нередко у Хармса, в основе — видоизмененное имя греческого ученого египетского происхождения Афинея (ок. 200 н. э.);

от разговора о вещах текучих — мотив «текучести» — один из важнейших в художественном мире Хармса, — неоднократно возникает в его текстах в связи с проблемой времени. О текучести чувственного мира говорил Протагор. В диалоге «Теэтет» это понятие критически рассмотрено Платоном. В хорошо известной Хармсу книге П. Успенского «Tertium organum. Ключ к загадками мира» с отсылкой к Ньютону сказано: «Постоянных величин в природе не существует, только переменные, текучии» (Успенский. С. 41). Не исключено и знакомство Хармса с трактовкой этого понятия о. П. Флоренским: «Все текуче. Время есть форма существования всего, что ни есть, и сказать: «существует» — значит сказать: «во времени», ибо время есть форма текучести явлений <...>. Оригинальнейшая из философий наших дней, — философия времени Анри Бергсона, — всецело построена на этой несомненной истине, на идее о реальности времени и его мощи» (Флоренский. С. 18). Отметим, что идеи А. Бергсона несомненно присутствовали в сознании Хармса (см. 109). Ж.-Ф. Жаккар отметил, что реализация мотива текучести у Хармса связана с тем, как в произведении Г. Гессе «Сиддхарта» герой познает свойство её (и свойства времени) в общении с рекой (Jaccard I. P. 180). Здесь же отмечена схожесть идей Хармса с заявлением Туфанова о «текучем рельефе вещей» (Туфанов. Р. 65);

причину жи<з>ни времяни и сна — отметим сопоставление сна с другими основополагающими хармсовскими понятиями (см. 20, 58, 63, 85–87, 95, 97, 98, 119, 145, 158, 192, 259, 261, 268);

я прореха ты свеча — неоднократно воспроизводимый Хармсом мотив свечи здесь реализуется в его эротическом значении (см. также 16, 29, 44, 50, 90, 98, 136, 158, 235);

доктор Булль — в записной книжке Хармса 1924–1925 гг. отмечено: «Чистую математику открыл Буль в сочин. Законы мысли 1854»;

с лирой в пальцах и трубой — очевидно, образ, отсылающий к живописному произведению.

102. Впервые — Поэзия: Альманах 14. М., 1975. С. 285 (с заменой по цензурным соображениям Фадеев на Халдеев). Автограф с отвергнутым вариантом начала — РНБ. Приводим этот вариант:

Фадеев Калдеев и Пепермалдеев
служили в издательстве Р. М. Н. С.
Фадеев — редактор
Калдеев — сотрудник
а Пепермалдеев ходил просто так

Фадеев Калдеев и Пепермалдеев
гуляли однажды на горном плато
Фадеев в цилиндре Калдеев в перчатках
а Пепермалдеев в зелёном пальто

Пепермалдеев присутствует также в позаическом тексте Хармса «В одном городе...» (см. т. 2 наст. собр.).

103. Автограф — РНБ.

104. Впервые — Устинов и Кобринский. С. 562. Автограф — РНБ.

Ревекка — возможно Ревекка Ароновна Житомирская, жена профессора консерватории, о которой известно, что она входила в круг общения Э. Русаковой;

Валентина — Валентина Ефимовна Гольдина (в замуж. Каменская, 1902—1968). Жена пианиста; училась в консерватории, Художественно-промышленном техникуме; работала художником по тканям. Подруга Т. А. Липавской, а через неё — Хармса, Введенского и др.;

Тамара — Тамара Александровна Липавская (Мейер) — см. вступит. ст.

105. Впервые — СП-II. С. 66—67. Автограф с правкой — РНБ. Приводим перечеркнутый вариант окончания:

И всю ночь соседний прах
Лежа пристально в гробу
Слышал будто бы в руках
Терли пшенную крупу.

Обращено к Т. А. Липавской, в то время — жене Введенского.

раз в писательской столовой — находилась по адресу: пр. 25 Октября (Невский), дом 106;

«Аромат» наоборот — неточный палиндром (т. е. Тамара); наименование сорта папирос.

106. Впервые — СП-II. С. 74 и 188—189 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф с правкой — РНБ.

Пантелей — встречается еще в двух прозаических текстах Хармса (см. т. 2 наст. собр.);

Каблуков — см. 177.

107. Впервые — СП-II. С. 77–82 (под отвергнутым Хармсом заглавием «Разговоры за самоваром; ср. 86 и т. 2 и 3 наст. собр.). Автограф с зачеркнутым заглавием и обширной правкой — РНБ. На отдельном листе, помимо отвергнутых вариантов текста, остались незачеркнутыми следующие два фрагмента, датированные Хармсом так же, как и окончательный текст:

<1> царь говорил: мои дворцы
стоят пусты, но я вернусь

Анерих: но мне не страшны мертвецы

Матильда: а я покойников боюсь

<2> кто покойников боится
тот на кладбище ступай
там в гробах течет водица
гложет птицу горностай

Кроме того, по-видимому, в конце декабря 1930 г. Хармс создал вариант одной из частей текста, передав, так сказать, текст другому персонажу и с намерением, по-видимому, создать самостоятельное произведение, но не окончил его:

Кулундов: Я страсть люблю швырять валета
Когда летит навстречу туз,
Когда сияет эполета
И над бокалом вьётся ус.
Когда смугла и черноброва
Ко мне склоняется княжна
То зла, надменна и сурова
То ласки полна и нежна.

Люблю когда, тоску почуя,
Хозяин лампу тушит вдруг,
И гости сонные тоскуя
Сидят безмолвные вокруг.

Уже бледнеет и светает
Над Петропавловской иглой
И снизу в окна шум влетает
Шуршанье дворника метлой

Люблю домой мечтаний полный
И сонным телом чуя хлад
Спешить по улицам безмолвным
Ещё сквозь мертвый Ленинград

Обратим внимание на полифоническое построение текста (Родимов и Кулундов ведут свои самостоятельные «партии»); с аналогичным явлением у Хармса приходится не раз встречаться (см. 206, 217);

Где мой чепец? — вариант «колпака» (см. 26, 29, 55, 81, 85, 101, 153, 195, 230).

Канеб — ср. созвучие с древнеегипетским городом Канобом (Канопом), а также образованным от него наименованием сосудов, предназначенных для хранения внутренностей мумифицированных людей или животных; известны «Канопские песенки» М. Кузмина; (см. также 246);

Карповка — река в Ленинграде;

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) — политический деятель; как обычно у Хармса, имена исторических личностей используются без какой-либо отсылки к реальной биографии;

Я страсть люблю швырять валета//когда летит навстречу туз — прием в карточной игре в винт («резка»); тема карточной игры не случайна у Хармса. М. Мейлах передает устное свидетельство Вс. Н. Петрова о намерении Введенского (заядлого, кстати, картежника) и Хармса написать трактат о нравственности и безнравственности выигрыша в карточной игре — в связи с «Игроками» Гоголя (Введенский I. С. 275);

Аларих — имя двух королей вестготов; см. этот персонаж в неоконченном тексте от 30 ноября 1930 г. (293);

Ахерон — в греческой мифологии подземная река, через которую переправлялись души умерших в царство мертвых;

Эй душа колпак стихов — см. выше.

108. Впервые — СП-II. С. 83–85. Автографы — РНБ (два варианта; в первоначальном персонажи именовались: вместо «он» — мальчик, вместо «мельница» — она).

В комментариях к СП отмечена очевидность коннотации Мельницы как дочери мельника, «<...> протягивающая нить к распространенному в Средней Европе фольклорному балладному сюжету о дочери мельника, обольщаемой рыцарем, князем и т. п.»(СП-II. С. 197).

См. также отмеченный Н. Перлиной парафраз «Торжества земледелия» Н. Заболоцкого и трактовку витализма Хармса (Perlina. P. 184–185).

Возможно, здесь (как и в других текстах «мельничного», условно говоря, цикла) мы имеем дело с отголосками фольклорного сюжета «соблазнения у воды» (Зеленин II. С. 333–334, 381). См. также 80, 130, 161, 202.

109. Впервые — СП-II. С. 86. Автограф — РНБ.

Текст Хармса в традиционной у него диалогической форме воспроизводит дилемму между учеными догмами механистического материализма («мы всё перещупали, всё разложили») и виталистической онтологией. Как часто у Хармса — невозможно судить безусловно, за кем остается победа.

Идеи витализма могли быть известны Хармсу из работ А. Бергсона (их он, несомненно, читал), а также его популяризаторов, в

частности, С. Франка, который в концентрированной форме так перелагал виталистическую онтологию: «Основное различие между античной и новой онтологией можно охарактеризовать в краткой формуле: тогда как первая стремилась объяснить все бытие по образцу *живого*, последняя пытается понять весь мир, в том числе и все живое и духовное, по образцу *безжизненного*, механического. И если верно, что механистическое воззрение — ценность которого в известных областях, как условного, регулятивного приема мысли, стоит, разумеется, вне всяких сомнений — начинает разрушаться в настоящее время, в качестве философского миропонимания, то этим открывается путь для сближения с античными философскими идеями. И действительно, признание фундаментального онтологического значения за идеями целесообразности и органического единства — этими основными понятиями *виталистического* (в широком смысле) мировоззрения — стоит на очереди дня» (Франк. С. 169).

В комментарии к СП отмечено, что стихотворение примыкает к жанру псевдобасни, восходит к традиции Козьмы Пруткова (СП-II. С. 198).

Стручков — ср. со «стручками», торчащими из сапог мельницы (108).

110. Впервые — СП-II. С. 146 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

боги маги — наводит на ассоциации с древнеегипетским пантеизмом и верой именно в магическую силу богов;

Лампа Саша — лампа в оккультизме связана с фигурой Гермеса Трисмегиста: лампа Трисмегиста воплощает разум, просвещенный знанием, один из трех обязательных атрибутов мага или посвященного (Леви. С. 160). Лампа — один из символов у Хармса, связанных с темой критики претензий науки на всезнайство и способность исчерпывающе объяснять явления жизни (см. 63, 83, 87, 98, 106, 140, 141, 142, 230, 238, 254, 303, а также 294, который, несмотря на присутствие «Лампы Саши», не решаемся причитать частью комментируемого текста). Отметим, что лампа уже фигурирует в одном из «загадочных» рисунков Хармса 1919 г. В том же, в сущности, значении «лампа» фигурирует у Введенского в «Значенье моря» и «Человек веселый Франц».

111. Впервые — СП-II. С. 154. Автограф — РНБ.

Уместно говорить о масонской символике текста: *архитектор* — означает одновременно создателя вселенной и легендарного Мастера Хирама; числа *три*, *четыре* и *пять* — важнейшие в масонском ритуале; *плотник* (каменщик?) — возникнет в другом масонском тексте Хармса (177; см. также 143). Отметим частоту появления числа *три* в разнообразной хармсовской игре числами — с ним связаны наиболее важные мифопоэтические ассоциации (см. 3, 10, 11, 15, 26, 29, 50, 51, 56, 62, 96, 124, 140, 184, 224, 296, 306).

112. Автограф — РНБ.

113. Впервые — СП-III. С. 119 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

114. Впервые — СП-III. С. 118 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

115. Впервые — СП-II. С. 102. Автограф — РНБ.

116. Впервые — СП-III. С. 120 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

Шварц Евгений Львович (1896–1958), — драматург. Хармс заинтересованно относился к творчеству Шварца, но эта заинтересованность носила критический характер (см.: Устинов и Кобринский. С. 566–567).

117. Впервые — СП-II. С. 139. Автограф — РНБ.

Фризовая шинель — из толстой ворсистой ткани; вышедшее ко времени Хармса из употребления слово могло возникнуть из нескольких текстов Гоголя: её носили учитель латинского языка в «Иване Федоровиче Шпоньке», капитан Копейкин в «Мертвых Душах», с ней встречаемся в «Невском проспекте»; в особенности же впечатляет привидение в облике Акакия Акакиевича, пытавшееся «<...> сдернуть фризовую шинель с какого-то отставного музыканта, свиставшего в своё время на флейте (Гоголь. С. 156). См. также 44, 155, 185.

118. Впервые — СП-II. С. 45. Автограф с обширной правкой — РНБ.

Укажем на некоторые источники понятий, которые претерпевают у Хармса, как обычно, своеобразную трансформацию. П. Успенский, анализируя мир четвертого измерения, нуменальный, в котором не действуют законы мира реального, проводит аналогию с двумя математиками: конечных, постоянных чисел (finitum) и бесконечных, нарушающих аксиомы привычной логики (transfinitum) (Успенский. С. 240). Тема трансфинитных чисел, как видим, выходила за пределы собственно математической проблемы и была популярной в начале XX века. (См., например: Жегалкин). Хармс, как ему свойственно, вводит свою систему счисления — цисфинитную (в прямом значении: числа ограниченного посюстороннего пространства). Разумеется, не следует дискутировать о научной состоятельности этой идеи Хармса, которая должна осмысляться иной, квазинаучной логикой (см. также 95, 119).

Понятие «небытия» уместно соотнести со следующим высказыванием А. Бергсона: «Философы почти не занимались исследованием идеи небытия. И однако эта идея нередко является скрытой пружиной и невидимым двигателем философской мысли» (Бергсон. С. 244). См. также трактовку этих категорий Хармса: Jaccard I и Жаккар. С. 8–19).

119. Впервые — СП-II. С. 43–44. Автограф — РНБ (против текста 2 в скобках вариант подзаголовка (?): «(логика бесконечного небытия»).

Ещё один вариант мотива полета, здесь впрямую обусловленного «третьей цисфинитной логикой» запредельного (имманентного) существования. Комментируемый текст можно соотнести с 118 и некоторыми философскими трактатами Хармса (см. т. 4 наст. собр., а также: Jaccard I).

баня полетела — см. 97, 215;

Монахи — часто встречающийся у Хармса образ (см. 16, 40, 110, 129, 143, 310).

Учитывая специфические интересы Хармса, добавим, что монахи вызывали двойственные ассоциации: с одной стороны, как носители истинной веры, воплощавшие связь современности с пылкой религиозностью средних веков; с другой — с монастырями связывали инкубат (соединение демона-мужчины с женщиной-монахиней). См. об этом, напр.,в романе популярного в начале века Ж.-К. Гюисманса «Бездна» (М., 1912).

120. Впервые — СП-II. С. 145. Автограф — РНБ.

121. Впервые — СП-II. С. 141. Автограф — РНБ.

вздулись камни — ср. с оппозицией камни/деревья, свойственной представлениям Хармса о соотношении живого/мертвого в природе (см. 60).

122. Впервые — СП-II. С. 48–49. Автографы — РНБ (черновой и окончательный варианты).

Учитывая любовь Хармса к сочинениям Козьмы Пруткова, обратим внимание на: «Ревнивый муж подобен турку» и «Опрометчивый турка или Приятно ли быть внуком?» (Козьма Прутков. С. 135, 274–280).

123. Впервые — ИЛ. 1990. № 2. С. 83–84. Автограф — РНБ.

Лиза — Елизавета Ивановна (в первом замуж. — Грицина, 1914–1994), сестра Хармса;

Иля — Лидия Александровна Смирнитская (ум. 1942) экономка в семье Ювачевых.

124. Впервые — СП-II. С. 118. Автограф с обширной правкой — РНБ: выделено из текста, первоначально состоявшего из 9 строф.

Одним из вероятных источников текста назовем излагаемое Папюсом оккультное представление об элементах, составляющих человека: «Человек устроен из трех частей: живота, груди и головы <...>» (Папюс I. С. 48). Обратим внимание на то, что в магической операции заклинание духов воздуха завершается произнесением следующих звуков: «<...> Хау, хау, хау, Ва, Ва, Ва, Ва» (Папюс I. С. 83). Заклинания вообще сопровождаются троекратным произнесением, например: «Заклинаю вас, ангелы сильные и святые, священными именами: Иа, Иа, Иа, Хе, Хе, Хе, Ва,

Хи, Ха, Ха, Ха, Ха, Ва, Ва, Ан, Ан, Ан, Аие, Аие, Аие, Эль, Ай, Элибра, Элоим, Элоим и другими именами высшего Бога, создавшего сухую воду, названную им землей <...>» (Папюс II. С. 104). См. также: Сажин II. С. 91.

125. Впервые — WSA. 5. 1982 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

Текст является нередкой у Хармса (см. т. 2 и 4 наст. собр.) имитацией квазинаучного трактата, претендующего на последовательную и логическую цепь постулатов и выводов, с которыми, по Хармсу, традиционная наука понапрасну пытается сладить.

Две руки, две ноги — см. 18, 25, 56, 96, 170, 177, 219, 225, 293;

Обратите внимание, что после шестёрки идет семнадцать — в качестве комментария к ведущейся здесь излюбленной Хармсом игре с числами отметим, что в Древней Индии (философию которой он изучал) система счисления исключала цифру 8 — после 7 следовало 9;

У газеты восемь знаков — см. 53, 79, 157, 177, 224, 240, 258;

Дочь Патрулёва отца Патрулёва дочь — это и следующие стихи ср. с рассуждением Сократа в «Пире» Платона: «<...> раз он отец, то ведь он непременно доводится отцом кому-то? <...> Если брат действительно брат, то ведь он обязательно брат кому-то?» (Платон. С. 128).

126. Впервые — СП-III. С. 72 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

127. Впервые — СП-III. С. 73. Автографы — РНБ (зачеркнутый и окончательный варианты).

128. Автограф с правкой — РНБ. Слева от текста четыре стиха, место которых в публ. тексте не обозначено:

рассердясь идёшь к концу
пыл ослабя бой сердец
в ночи бухнулась к отцу
ты невеста наконец.

129. Впервые — СП-III. С. 9–10. Автограф — РНБ.

Один монах — см. 16, 40, 110, 129, 143, 310;

вмиг — см. 141, 143, 144, 168, 176, 177, 179, 206, 211, 291.

130. Впервые — СП-III. С. 81 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ (с отвергнутым вариантом заглавия «Он и мельница», что побуждает сопоставить комментируемый текст с 108; см. также 80, 161, 202).

Интерпретацию этого текста, как посвященного отсутствию/утрате любви и связанного с разрывом с Э. Русаковой (см. 3, 9, 95, 136, 206), см.: Milner-Gulland. P. 251–252.

131. Впервые — СП-III. С. 211. Автограф — РНБ.

132. Впервые — СП-III. С. 82 (с иной тестологической интерпретацией). Автографы — РНБ (связный текст и фрагменты нескольких вариантов).

неся топор шёл древоруб — еще встретимся с ним в двух стихотворных текстах (145, 281);

полон мух — см. 29, 44, 45, 50, 55, 86, 89, 95, 108, 142, 158, 183, 196, 212, 240, 265, 279, 294, 310, 312, 315.

133. Впервые — СП-III. С. 8. Автограф с отвергнутым вариантом начала — РНБ.

134. Впервые — СП-III. С. 11–12. Автограф с правкой — РНБ.

у няни в переднике острые щепочки — см. 13, 31, 63, 307.

135. Впервые — Gibian. С. 230–231. Автографы — РНБ.

Окно — значение этого символа, появлявшегося еще в 3, 16, 29, 33, 43, 107, очень разветвленное. В комментируемом тексте реализуется одно из значений — «форточка возвышенных умов», т. е. пространство, сквозь которое осуществляется переход в имманентный мир, а само стихотворение представляет собой описание подготовки к такому переходу; здесь *учитель* и *школьница*, соответственно, маг и его ученица, а действие происходит в алхимической лаборатории (ср. 177, 179).

всё — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 137, 143, 190, 211.

136. Впервые — СП-III. С. 88 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф с обширной правкой — РНБ. Приведем зачеркнутое начало:

опущусь на колено
и увижу мир покрытый снегом
короткая молния растопит кучу снега
зажгёт громовую свечу и разрушит дерево.
Дом сотрясаясь от огня
откроет окна. Когда погода
переменится к лучшему
выбежит заяц и над озером пролетит поднос

В вариантах фигурировали друзья Хармса: вместо *друг бревна* — Дойвбер Левин; в одном из зачеркнутых стихов — И. Бахтерев (см. вступит. статью).

испуганный баран — см. 17, 51, 95;

Николай Макарович — Олейников (см. вступит. статью);

Соколов Петр Иванович (1892–1938) — художник (см. также 142);

Заболоцкий Николай Алексеевич — (см. вступит. статью);

Сковорода Григорий Саввич (1722–1794) — философ, идеями которого интересовался Хармс;

Скалдин Алексей Дмитриевич (1889–1943) — писатель;

по имяни Серёжа — скорее всего, имеется в виду Сергей Константинович Шварсалон — давний и близкий друг Скалдина;

птица Эстер — Э. Русакова (см. 3, 9, 95, 130, 206); таким образом, стихотворение написано, вероятно, после разрыва с ней Хармса;

орёл — см. 10, 20, 26, 45, 50, 63, 77, 89, 98,107, 119, 195, 282.

137. Впервые — СП-III. С. 19–21. Автографы — РНБ (черновые варианты и окончательный текст).

Как уже бывало у Хармса, в диалогической форме сталкивается разум и вне (за) разумное. Победа остается за «форточкой возвышенных умов» (если это можно считать победой).

Окнов и Козлов — часто встречающиеся персонажи Хармса (см. 302 и т. 2 наст. собр.);

наука имеет много гитик — термин некоторых карточных игр;

видим Бога лицо — цитата из «Сестер-молний» Хлебникова;

погибает раньше срока//пораженный кочергой. Пораженный кочергой — эти три стиха являются парафразом арии дона Базилио из оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник»;

Я внезапно растворилось ∞ я форточка возвышенных умов — автоцитата (см. 135);

всё — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 143, 190, 211.

138. Впервые — СП-III. С. 22. Автограф — РНБ.

О жанре молитв у Хармса см.: Топорков.

Религиозность Хармса — проблема, к которой сходятся многие свойства его текстов и бытового поведения, и для ее разъяснения требуется детальный анализ всего комплекса материалов. Во всяком случае, опубликованные свидетельства дают самую общую и неточную характеристику: «православная религиозность» (А. И. Пантелеев — Устинов, Кобринский. С. 582), «в душе он тоже <подобно отцу — комм.> верил» (Грицина. С. 38);

к битве со смыслами — см. главу под таким названием в кн.: Jaccard I.; ср. с высказыванием А. Крученых о заумных словах, «освобожденных от груза смысла» (Крученых. С. 66).

139. Впервые — СП-III. С. 23–25. Автограф с обширной правкой — РНБ.

Хню — персонаж еще двух произведений Хармса: «хню — друг лампы» (записная книжка — ЧС) и Хню (см. 142), а также прозаического: «Однажды Андрей Васильевич» (см. т. 2 наст. собр.). Настоящий текст является одной из трансформаций символа текучести, воплощаемого водой (см: Jaccard I. P. 65 и др.; см. также 101, 310; 63, 86, 142, 188).

на левом глазу василёк — символизирует верность и постоянство и обладает свойством изгонять нечистую силу;

А вот мой жених Никандр — этимологическое значение: муж победитель (см. это имя в т. 2 наст. собр.; в вар. Никанор — 294).

140. Впервые — СП-III. С. 94 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ (отвергнутый — от имени «Герцога Труба» и окончательный вариант).

141. Впервые — СП-III. С. 31–32. Автограф с правкой — РНБ. Справа, против ст. 7–9, помета: «Приступить к чистому вымыслу так приятно. Я это сейчас собираюсь проделать».

М. Мейлах находит в комментируемом тексте черты общности с произведениями Введенского 1929–1930 гг., в т. ч. общности метрики, — особенно в написанном почти одновременно с Хармсом стихотворении Введенского «Святой и его подчиненные» (СП-III. С. 188).

Отметим насыщенность текста чередой излюбленных Хармсом символов: молоток, часы, окно, миг;

Лампа — см. 63, 83, 87, 98, 106, 110, 140, 142, 230, 238, 254, 294, 303.

142. Впервые — СП-III. С. 33–37. Автограф с обширной правкой и вариантом 11 начальных ст. — РНБ. Развёрнутый и исключительно содержательный комментарий см. Jaccard I; Золотоносов. С. 77–82.

Размер и отдельные образы текста возводятся к поэме Заболоцкого «Школа жуков».

Хню — см. 139;

Соколов — см. 136;

вид ночного свидригала — созвучие с фамилией Свидригайлов отсылает к связанному с этим персонажем «Преступления и наказания» Достоевского впечатлению таинственного и страшного;

выпустит мух — см. 29, 44, 45, 50, 55, 86, 89, 95, 108, 132, 158, 183, 196, 212, 240, 265, 279, 294, 310, 312, 315;

отмечаем... событие — см. 79 и т. 2 наст. собр.;;

Чебышев Пафнутий Львович (1821–1894) — математик, сыгравший значительную роль в развитии теории относительности; доказал в теории вероятностей закон больших чисел;

окно стыдливое растворилось — см. в 3, 16, 29, 33, 43, 107, 135, 137, 141, 184, 196, 202, 240, 276, 302, 322;

Галилей Галилео (1564–1642) — итальянский ученый, опровергавший геоцентрическую теорию мироустройства;

а ныне пять обэриутов — вместо зачеркнутого: *а ныне Хармс и Соколов и Хармс;*

тут мёртвый лев сильней живой собаки — парадоксальный парафраз Екклисиаста: «...и псу живому лучше, нежели мертвому льву» (Еккл. 9.4);

вода послушно расступилась — ср. 63, 86, 139, 188;

пути жука точильщика — ср. 192, а также 142, 218, 310.

143. Впервые — СП-III. С. 39–42. Автографы — РНБ (черновые варианты и окончательный текст).

сорок лет — внимание Хармса к этому числу в его «большой игре» числами побуждает, учитывая его интересы, обратить вни-

мание на то, что сорок лет — возраст, в котором, по учению оккультистов, становятся магом. Ср. также библейскую символику: сорок лет хождения израильтян по пустыне и др. (см. 183, 211, 325);

миг — см. 129, 141, 144, 168, 176, 177, 179, 206, 211, 291;

плотник сам не ведает — здесь и далее, по-видимому, новозаветный мотив: плотник Иосиф, земной отец Иисуса Христа; звезда, повисшая над колыбелью и др. Учитывая занятия Хармса мифологией и индуизмом, нелишне отметить, что, согласно преданию, Кришна родился от девы Деваки в семье плотника Васудевы (см. также 111, 177);

я ландыш — см. 98, 106;

повторяю каждый миг — в СП отмечено значение для Хармса мифологемы «повторения», «вечного возвращения», которая, вероятно, воспринята им в том числе и от П. Успенского (СП-III. С. 195);

всё — см. 3–10, 12–14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 190, 211.

144. Впервые — СП-III. С. 100 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

в миг — по-видимому, это был у Хармса особо напряженный период размышлений о свойствах времени, поскольку, как видим, мотив мига встречается и в предыдущих текстах; в восточных религиозных учениях, которые изучал Хармс, миг интерпретируется как духовное озарение (см. также 129, 141, 143, 168, 176, 177, 179, 206, 211, 291).

145. Впервые — СП-III. С. 104 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

По-видимому, один из многих текстов, где свойства времени являются центром сюжета — здесь его сжатость создает едва ли не апокалипсическую картину (трансформированную, как обычно у Хармса) сходящего с неба ангела с лицом как солнце («сразу сразу зацветало солнце») и клянущегося, что времени не будет («в образе часовщика»).

146. Впервые — СП-III. С. 106 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

Однажды — частый зачин текстов Хармса, равнозначный словам «событие», «случай», которые также часты в его произведениях (см.: 149, 174 и особенно т. 2 наст. собр.).

147. Впервые — СП-III. С. 46–47. Автограф (по старой орфографии) — РНБ.

Разговор, диалог — одно из стилеобразующих свойств поэтики Хармса, органично связанное со стилистикой общения чинарей (см. вступит. статью).

Павел Николаевич Филонов — см. вступит. статью;

Я всё обдумал взвесил пересчитал и перемножил — парафраз библейского стиха из «Книги пророка Даниила» (СП-III. С. 197).

148. Впервые — СП-III. С. 43–44. Автограф — РНБ.

двигатель Сименс-Шуккерта — русское акционерное общество «Сименс-Шуккерт» поставляло разнообразное электрооборудование.

149. Впервые — СП-III. С. 108 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф (по старой орфографии) — РНБ.

ударил в плечо — традиционный жест масонского обряда посвящения.

150. Впервые — СП-III. С. 107 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф с зачеркнутыми 14 последними ст. — РНБ. Приводим их:

Так уж свойственно в натуре
все сшибать но не ломать
а квадраты ветры бури
то есть ломанные куски вселенной глубоко
прячут в землю мать
Поистине камень мёртв и неподвижен
растение же роста жизнь имеет в росте
животное жизни всю жизнь движется
и многими мыслями управляя ростёт
и движется человек
и по небу движутся луна и солнце
создавая порядок
это Богом воплощённые законы
цари жизни.
и небо движется со звёздами
творя жизнь

Литературными образцами этого текста (как и ряда других) послужили Хармсу, вероятно, памятники древнеегипетской письменности; среди возможных источников символа колеса у Хармса следует рассматривать индийскую философию, где колесо — воплощение идеи постоянного чередования жизни и смерти, бесконечной повторяемости событий. Колесо связано также у Хармса с символикой воды (см.: 96, 155, 188, 202, 316).

151. Впервые — СП-III. С. 48. Автограф — РНБ.

страх перед женщиной — один из частых мотивов, психологически объяснимых обстоятельствами «женского» воспитания Хармса и объясняющие нюансы его эротических текстов (см. 162–164).

152. Впервые — Театр. 1991. № 11. С. 43 (с иным расположением частей текста). Автограф (по старой орфографии) — РНБ (частично утраченные фрагменты текста восстановлены Я. Друскиным).

Написан вокруг расположенного в центре рисунка состоящего из последовательных, сверху вниз, изображений: иероглифы, крест, цветок, дерево и фигура человека, окно (Театр. 1991. № 11. С. 49).

Обстоятельное рассмотрение символики текста и находящегося в его центре рисунка см.: Герасимова, Никитаев II. С. 42–45. Некоторое преувеличенное значение, которое придается авторами в этом тексте Хармса влиянию романа Г. Мейринка «Голем», следует, на наш взгляд, откорректировать с учетом собственных интересов Хармса и его познаний в древнеегипетской мифологии и оккультизме. Приведем также характерный отрывок из романа популярного в 1910-е г. Ж.-К. Гюисманса «Бездна», служащий, на наш взгляд, еще одним из возможных комментариев к рисунку (и тексту) Хармса. Жиль де-Рэ, один из зловещих персонажей романа, сатанист и развратник, «<...> замечает он, что леса неизменно похотливы, что на стволах непристойные изображения.

То дерево кажется ему живым существом, которое стоит вниз головой, зарывшись в волосы корней, подняв в воздух расставленные ноги, и они все снова и снова разделяются на новые раздвинутые бедра, уменьшающиеся по мере удаления от ствола, там ветвь продвинута между этими ногами – и неподвижное прелюбодеяние повторяется из ветви в ветвь до вершины; или ствол ему кажется фаллусом, поднимающимся и исчезающим под зеленой юбкой листьев, или же наоборот – он выходит из-под зеленого руна и погружается в бархатистое чрево земли» (Ук. соч. С. 251–252).

Эротический характер этого текста подкрепляется мотивом поиска цветка папоротника в ночь накануне Ивана Купала (см. 95). См. также очень информативную работу: Кагаров. С. 332–334.

Я о, я сир, я ис//Я тройной – Осирис, египетское божество, выступает в различных источниках в трех ипостасях: как один из фараонов, бог растительности и бог мертвых;

как учили нас//наши бабушки – см. 3, 12, 15, 18, 33, 44, 152.

153. Впервые – СП-III. С. 87 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф с обширной правкой – РНБ.

сидел в голубой камилавочке – еще вариант колпака? (см. 26, 29, 55, 81, 85, 101, 107, 195, 230);

играли серпом на знамяни; висели чёрным молотком – по-видимому, символика советского знамени: серп и молот; не упустим из виду и то, что молоток, навязчиво «летающий» по текстам Хармса (2, 56, 57, 86, 141 а также тт. 2 и 3 наст. собр.), значим в масонской символикке – им был убит своим учеником Мастер Хирам (Архитектор).

154. Впервые – СП-II. С. 42. Автограф – РНБ.

155. Впервые – СП-III. С. 192–193 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф с обширной правкой и вариантом начала – РНБ.

оловянные пуговицы его шинели — см. 44, 117, 185;

воздушные колеса//вертящие кровь для продолжения жизни — уже встречавшаяся символика колеса (см. 96, 150, 188, 202, 316).

156. Впервые — СП-III. С. 109 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф (по старой орфографии) — РНБ.

Слава радости — см. 101, 167, 310.

157. Впервые — Театр. 1991. № 11. С. 13–17. Автограф — РНБ.

Идут за ним четыре — и далее повторяющееся в различных сочетаниях — см. прим. к 4;

Восемь гостей хором — см. 53, 79, 125, 177, 224, 240, 258;

анегдот — это написание встречается также у Хармса в «Анегдотах из жизни Пушкина» (см. т. 2 наст. собр.).

158. Впервые — СП-III. С. 114–115 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф (по старой орфографии) — РНБ.

Я подавился корочкой — см. ту же ситуацию с одноименным персонажем: 262, 263;

мухи след мой замели — см. 29, 44, 45, 50, 55, 86, 89, 95, 108, 132, 142, 183, 196, 212, 240, 265, 279, 294, 310, 312, 315.

159. Впервые — СП-III. С. 96 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

160. Впервые — СП-III. С. 38. Автограф — РНБ.

то-то обрадуется дуб — — см. 56, 60, 63, 95, 107, 223, 242.

161. Впервые — СП-III. С. 97 (без заглавия и с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

Несомненно связано с текстами «мельничного» цикла (80, 108, 130, 202); общность эротических мотивов подчеркнута в данном случае заглавием (см.: Фрейд. С.101).

162. Автограф — РНБ (по старой орфографии). На том же листе еще два парафраза текста:

<1> Я не умею знакомиться
помоги мне сама.
Сама дай первый знак
Какая ты душенька.

<2> Сама сама приди ко мне на помощь.
Я познакомиться с тобой не в силах
Боюсь, ах страшно я боюсь,
откажешь ты, но что я буду делать.

Этот и следующие четыре текста (163–166) — свидетельства сложного эротического комплекса, присутствовавшего у Хармса (ср. 151).

163. Впервые — СП-III. С. 116 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

См. прим. 162.

164. Впервые — СП-III. С. 226 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

См. прим. 162.

Отметим два варианта излюбленного Хармсом слова страсть — см. 147, 165, 171, 196, 207, 281, 283.

165. Автограф с правкой — РНБ.

См. прим. 162.

166. Автограф с правкой — РНБ.

См. прим. 76, 307, где отмечено влияние на эротические представления Хармса сексуальных обычаев гностиков.

167. Впервые — СП-III. С. 223 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ (по старой орфографии).

значёк своей радости — см. 101, 156, 310.

168. Впервые — СП-III. С. 49. Автограф — РНБ. В автографе имеется перечеркнутый текст, в котором, между тем, стихи 5–8 обведены синим карандашом с пометкой: «оставить»:

В двери Сарт ушел с ключом.
Стукнул месяц. умер пан.
В небе Бог одним плечом
открывает звездный план.
И тотчас же на дороге
рылом тукаясь в песок <ки>
незначительные боги
делят время на куски.
Мы несем времен посуду
отражаемся повсюду
над землёй несём корыто
над Меркурием корону
над венерой умывальник
над Саратовым колоду
это мы даем природу
одичалому солдату
три вулкана лезут в воду
три царя идут в палату

Сартами называли в начале XX века коренное население Туркменистана.

Книга не раз фигурирует в текстах Хармса, но, может быть, именно здесь уместно заметить, что интересуясь Древним Египтом и магией, Хармс должен был узнать: «Магическая функция впервые в мировой истории <в Египте — *комм.*> переходит на

<...> предмет, полный таинственности и силы — на книгу. Египет впервые создал "волшебную книгу"<...>» (Пропп. С. 273).

пели девы — см. 16, 20, 26, 30, 50, 60, 63, 64, 80, 89, 91, 98, 176, 207, 210, 234, 295, 307, 328;

открывают мысли время//открывают мысли миги — см. 129, 141, 143, 144, 176, 177, 179, 206, 211.

169. Автограф с правкой — РНБ. Ошибочно опубл. как произведение Н. Олейникова (Олейников. С. 208–209).

170. Впервые — СП-III. С. 51–52. Автограф — РНБ.

Еще один текст Хармса, воспроизводящий атмосферу дружеского общения, едва ли не имеющий автобиографическую основу.

два человека — см. 18, 25, 56, 96, 125, 177, 219, 225, 293.

171. Впервые — СП-III. С. 53–54. Автограф с обширной правкой — РНБ.

Страсть — одно из важных понятий у Хармса (см. 147, 164, 165, 196, 207, 281, 283).

К характеристике тех антиномий, которые должен был преодолевать Хармс в своём стойком увлечении магией — и в качестве косвенного комментария к настоящему тексту — приведем выдержку из книги, которую, по-видимому, читал Хармс в силу ее широкой распространенности в 1910-е—1920-е годы среди людей его интересов: «Любовь — один из великих инструментов магической силы; но она формально запрещена магистру, по крайней мере, как опьянение или страсть». (Леви. С. 131). В изучавшейся Хармсом индийской философии понятие страсти рассматривается как одно из основополагающих человеческого существа: «<...> в каждом из нас имеются страсти» (Чаттерджи. С. 9) и указывается на их влияние, которое необходимо предотвращать: «В астральном мире человек задерживается более или менее долго, смотря по большей или меньшей силе его страстей. Если вся его жизнь была посвящена только тому, чтобы служить своим страстям, тогда его пребывание в этой области, которая соответствует чистилищу христиан, будет очень продолжительным» (Там же. С. 19).

А. Кобринский отметил возможный литературный источник текста Хармса — шуточное стихотворение Вл. Соловьева:

Но болезнию любовной
Я страдаю безусловно
И не вижу «сильной власти»
Против сей злоредной страсти.
(«Не боюся я холеры...» — Соловьев. С. 154)

См. также пассаж о страстях у любимого Хармсом Гоголя в «Мертвых душах» (Сажин I. С. 201).

Пистолет Лепажа — дуэльный пистолет, созданный французским оружейником.

172. Впервые — СП-III. С. 124 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

173. Впервые — СП-III. С. 56. Автограф — РНБ.

Алиса Ивановна Порет (1902–1984) — художник, близкий друг Хармса, автор воспоминаний о нем. См. также: Глоцер.

174. Впервые — СП-II. С. 50. Автограф — РНБ.

Кондратьев — «Близкие отношения с Кондратьевым позволили ему наделить фамилией художника персонажей своих произведений» (Устинов, Кобринский. С. 554–555). Речь о художнике Павле Михайловиче Кондратьеве (1902–1985), иллюстраторе Введенского, Заболоцкого и др. (см. 182 и т. 2 наст. собр.).

и там провел четыре дня — см. прим. к 4.

175. Автограф — РНБ. Другой вариант (воспроизводящий, по нашему мнению, лишь часть текста): Поэзия: Альманах 14. М., 1975. С. 287. Приводим весь этот вариант по автографу РНБ:

Ветер воет и свистит
ветер в листьях шелестит
Гнуться сосны гнуться ели
даже башни ели ели
тоже гнуться точно прут
ну а вдруг да упадут!
ветер воет и свистит
и по крыше шелестит
загибает к верху жесть
раз два три четыре пять и шесть!

После этого стиха зачеркнуто:

Идёт старик по Невскому
с верёвочкой в руках
на встречу ветру резкому
трясется на ногах

Далее продолжено:

Летят по небу шарики
летят они летят
летят по небу шарики
блестят и шелестят.
летят по небу шарики
а люди машут им.
летят по небу шарики
а люди машут им
летят по небу шарики
а люди машут шапками
летят по небу шарики
а люди машут палками
летят по небу шарики

а люди машут булками
летят по небу шарики
а люди машут кошками
летят по небу шарики
а люди машут стульями
летят по небу шарики
а люди машут лампами
летят по небу шарики
а люди все стоят
летят по небу шарики
блестят и шелестя<т>.

И люди тоже шелестят.

176. Впервые — СП-III. С. 135 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

В комм. в СП высказано предположение, что комментируемый текст является монологом Роберта Мабра (см. 306; СП-III. С. 230).

я в миг ослеп — см. 129, 141, 143, 144, 168, 177, 179, 206, 211, 291;

и дева плеч не обнимает — см. 16, 20, 26, 30, 50, 60, 63, 64, 80, 89, 91, 98, 168, 207, 210, 234, 295, 307, 328.

177. Впервые — Gibian. С. 234. Автограф — РНБ.

Архитектор — можно трактовать в оккультном смысле, как один из синонимов мага или посвященного, который способствует проникновению в имманентный мир (см. 111; ср. также 135 и 179). Интерпретацию этого текста см. также: Ziegler. S. 351–364.

восемь лет — о числе восемь см. 53, 79, 125, 157, 224, 240, 258;

разговор двух плотников — отметив ещё одно популярное у Хармса числительное (18, 25, 56, 96, 125, 170, 219, 225, 293); предложим интерпретацию *плотников* как *каменщиков* (см. 111, 143);

Каблуков — см. 106;

Мария — см. 18, 28, 29, 38, 83, 95, 191, 238, 301.

178. Впервые — СП-III. С. 145. Автограф с правкой — РНБ. Приводим отвергнутый Хармсом вариант:

Елизавета в окошко бросала письмо.
Петр Палыч с восторгом скакал под окном
Елизавета в окошко бросала письмо
и письмо исчезало в момент

Еще одно любимое Хармсом имя (123, 193 и т. 2 наст. собр.).

179. Впервые — СП-III. С. 64–65. Автограф — РНБ.

Миг и вечность — известная по другим текстам Хармса оппозиция; см. 129, 141, 143, 144, 168, 176, 177, 206, 211, 291;

Тогда возми вот этот шарик//Научную модель вселенной — несомненно речь идет о понятии шара, как идеальном теле четырехмерного мира, почерпнутом из книги П. Успенского (Успенский. С. 113 и др.). Подобные шары во множестве фигурируют в текстах Хармса — стихотворных и прозаических (см. т. 2 наст. собр.); см. также: Сажин II;

день свернулся — ср. с 155;

Только ты стоишь учитель — ср. с текстами 135 и 177, где, возможно, те же персонажи, но называемые каждый раз иначе.

180. Впервые — СП-II. С. 174. Автографы — РНБ (первый, из четырех строф, перечеркнут). Приводим отвергнутый Хармсом вариант:

Ветер дул. Текла вода.
Пели птицы. Шли года.
А из тучи к нам на землю
падал дождик иногда.

Вот в лесу проснулся волк
фыркнул крикнул и умолк
а потом из леса вышел
злых волков огромный полк

Старший волк ужастным глазом
смотрит жадно из кустов
чтобы жертву зубом разом
разорвать на сто кусков.

Тёмным вечером в лесу
Я поймал в капкан лису
думал я: домой приеду
лисью шкуру принесу

12 августа 1933 года

Ветер дул, текла вода — автоцитата (см. 87);

Только ты моя подруга — см. 15, 30, 45, 63, 86, 109, 168, 177, 192, 210, 240, 281, 292, 312.

181. Впервые — СП-III. С. 147 (с иной текстологической характеристикой). Автограф с правкой — РНБ.

Левин Генрих Зиновьевич (1903–1971) — художник, редактор журналов «Еж» и «Чиж»; после войны преподавал в Академии Художеств.

Среди автографов Хармса имеются еще два варианта, сходных с комментируемым:

<1> Мария, ты цветок
и света удивительный поток
течёт из глаз твоих, Мария

13 августа 1933

<2> Ты Мария! на руках твоих младенец
Ты Мария потому что молния в глазах
твоих сверкает

<1933>

Как нередко у Хармса, варианты с сомнением могут так квалифицироваться, поскольку здесь иной персонаж, и он включается в особый контекст хармсовских «Марий» (см. 18, 28, 29, 38, 83, 95, 177, 191, 238, 301).

182. Впервые — СП-III. С. 70. Автограф — РНБ.

Вместо *Кумпельбаков* первоначально было: *Кюхельбеккер* (зачеркнуто).

Кондратьев — см. 174 и т. 2 наст. собр.

183. Впервые — СП-IV. С. 6–7. Автограф — РНБ (два варианта; первый перечеркнут, под ним дата и помета: «Не пишется»):

от страшной ярости и пыла
и слюни били точно мыло.

высоко в небе звезды плыли
собаки лаяли и выли
стояла ночь довольно гнусная
в котле кипела каша вкусная
вокруг сидели два солдата
один без ног другой без рук
а были смелые когда то
и сам Суворов был им друг.

сидело сорок человек — см. 143, 211, 325;

тут сразу мухи полетели — см. 29, 44, 45, 50, 55, 86, 89, 95, 108, 132, 142, 158, 196, 212, 240, 265, 279, 294, 310, 312, 315;

цеппелин — дирижабль, названный так в честь его конструктора Фердинанда Цеппелина (1838–1918).

184. Впервые — СП-III. С. 66–67. Автограф — РНБ.

умер он пальцем в окно показав — характерный жест, связанный с хармсовской символикой окна (см. 3, 16, 29, 33, 43, 107, 135, 137, 141, 142, 196, 202, 240, 276, 302, 322);

Варвара Михайловна встречается еще в прозаическом неоконченном тексте, а просто Варвара всего в пяти произведениях Хармса (см. 81 и т. 2 наст. собр.)

185. Впервые — Gibian. С. 143–144. Автограф в указанном в СП источнике отсутствует. Печ. по СП.

Шинель — см. 44, 117, 155.

186. Впервые — ИЛ. С. 84. Автограф — РНБ.

что не имеет, как Венера фазы — несмотря на упоминание Венеры, здесь слышится воспоминание Хармса об учебе в Электротехникуме.

187. Впервые — СП-IV. С. 70 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

188. Впервые — Т. № 21. С. 8. Автограф — РНБ.

вода подобна колесу — еще одна ипостась мотива воды — см. 63, 86, 139, 142; 96, 150, 155, 202, 316.

189. Впервые — НМ. 1988. № 4. С. 84–85. Автограф — РНБ.

190. Впервые — СП-IV. С. 9. Автограф — РНБ.

Рассуждения о свойствах ноля (которые встретим в прозаических текстах Хармса — см. т. 2 и 4 наст. собр.), связаны с широким кругом (невольная тавтология) хармсовской символики колеса-круга и, — здесь, — воды (см. 188), а проистекают (еще раз невольная тавтология) из его размышлений о делимости-неделимости времени, конечном и бесконечном. Можем вспомнить также и упоминавшиеся в связи с конкретными текстами Хармса рассуждения П. Успенского о шаре, как самой совершенной модели мира. См. также: Jaccard III. P. 84–85.

Бросайте дети в воду камни.//Рождает камень круг,//а круг рождает мысль — ср. у любимого автора Хармса — Козьмы Пруткова: «Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; — иначе такое бросание будет пустою забавою» (Козьма Прутков. С. 138). См. 63, 66, 101;

всё — см. 3–10, 12–14, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 211.

191. Впервые — СП-IV. С. 10. Автограф с правкой — РНБ. Текст имел иное начало (зачеркнуто):

Грянул выстрел. Значит время
мне сражаться что есть сил
На коня вскочил и в стремя
ногу твёрдую вонзил.
И стегнув коня кнутом
я помчался быстро прочь
и скакал с открытым ртом.
наступила быстро ночь
и с кладби́ща без крестов
я услышал страшный вой
и кусты больших хвостов
распускали запах свой

а также зачеркнутое в окончательном варианте заключение:

А на крыше, полон скуки,
дальный родственник Петра

поднимая к небу руки
заговаривал ветра
Ветры! ветры я желаньем
больше вас не награжу
я и сам одним дыханьем
ветры вас произвожу
и комар своим движеньем
производит ветры вас
ветры, в вашем положеньи
вы не вправе дуть на нас.

Пётр Келлер фигурирует еще в одном неоконченном (зачеркнутом) тексте Хармса 1933 г.:

Оставив мрачных дел забавы
Колпак на шапку переменив
Садится Петр Келлер в лодку
Берет весло и в путь летит
Оставив бурный век, он в книгу снова
погрузился
От надоедливых друзей в суровой келье
затворился
Лампаду скучную зажег на стол чернильницу

Впрочем, нельзя поручиться, что этот текст не является самостоятельным наброском.

На крыльце Мария с внуком — см.: 18, 28, 29, 38, 83, 95, 177, 238, 301.

192. Впервые — День поэзии. Л., 1964. С. 292. Автографы — РНБ; списки с незначительными вариантами — в архивах Н. И. Харджиева и В. Н. Петрова (СП-IV. С. 140).

Анализ трех вариантов настоящего текста произвел Я. Друскин: «I вариант написан 20 сентября 1932 г. на оборотной стороне письма к Н. И. Колюбакиной <...>. В стихотворении 28 строк. II вариант написан 25 сентября 1933 г. В нем 36 строк. III вариант написан 28 сентября 1933 г. В нем 44 строки. Копию с него Д. И. послал в Москву 9 октября того же года актрисе Клавдии Васильевне Пугачевой <...>.

Сравнение трех вариантов:

Первые 20 строк (5 строф в третьем варианте) одинаковы во всех трех вариантах. Последних восьми строк первого варианта нет ни во втором, ни в третьем варианте.

О первом варианте Введенский сказал бы:

«Горит бессмыслицы звезда
Она одна без дна».
«Кругом возможно Бог».
Эпилог.

В двух последних вариантах «звезда бессмыслицы» первых 20 строк смягчается эмоциональным оттенком дальнейших строк» (РНБ).

Приводим отличия вариантов. В вар. I после ст. 20 заключительные 8 стихов:

Что ты медлишь? Каждым часом,
ближе к смерти мчится мир,
приближаясь диким плясом
к вою нежных, сладких лир.
Гибнут горы, гибнут реки,
гибнут мухи, только миг
не изменится во веки
от прохлады страшных пик.

Обратим внимание на излюбленные Хармсом мотивы: *мухи* (29, 44, 45, 50, 55, 86, 89, 95, 108, 132, 142, 158, 183, 196, 212, 240, 265, 272, 282, 294, 310, 312, 315); *миг* (129, 141, 143, 144, 168, 176, 177, 179, 206, 211, 291).

В вар. III после того же ст. 20 следует:

Или ждёшь пока желанье
из небес к тебе слетит
и груди твоей дыханье
мысль в слово превратит?
Мы живем не полным ходом,
не считаем наших дней.
Но минуты с каждым годом
Всё становятся видней.
С каждым часом, гнев и скупость
окружают нас вокруг,
и к земле былая глупость
опускает взоры вдруг

Далее текст публикуемого вар. со ст. 25.

Заметим, что публикуемый вариант текста имеет дату, как бы охватывающую время работы над всеми тремя вариантами. Быть может, это означает, что последний вариант (28 сентября) предназначался Хармсом исключительно для К. Пугачевой?

По мнению М. Мейлаха, комментируемый текст представляет собой «наиболее совершенный образец "неоклассицизма" Д. Х., поворот к которому ознаменовал начало кризисного момента его поэтической эволюции» (СП-IV. С. 140).

Стихотворение насыщено оккультными символами (см. ниже). Учитывая интересы Хармса, следует обратить внимание на то, что в масонстве существуют три степени посвящения: ученик, подмастерье и мастер. Несомненно, что Хармс идентифицировал себя с мастером, подмастерье же понимается в масонстве, как товарищ. Таким образом, не невероятно, что наименование «подруга» могло мыслиться Хармсом, как масон-

ский аналог подмастерья (см. 177, а также 15, 30, 45, 63, 86. 109, 180, 210, 240).

два точильщика жука — см. 142, 218, 310;

цифру семь — число, относящееся к Венере, символу любви (см. также 3, 65, 71, 167);

букву Ка — по-видимому, «олицетворенная жизненная сила <...>, считавшаяся божественной и использовавшаяся в оккультизме» (Тураев II. С. 185; Папюс II. С. 206);

дум твоих большой сундук — см. 18, 44, 53, 65, 294, 300, 326.

193. Автографы — РНБ (два варианта; первоначальный вариант зачеркнут). Приводим отвергнутый Хармсом вариант:

Лизавета со щеками
в виде яблок или слив
вышла в садик со щенками
плечи ловко оголив.

Елизавета — излюбленный персонаж Хармса (123, 178, а также т. 2 наст. собр.)

194. Впервые — Gibian. С. 241–242. Автограф — РНБ.

Вода в реке журчит прохладна — см. о символе воды у Хармса и чинарей (63, 86, 139, 142, 188), которым здесь с самого начала задается мотив вечного возвращения к началу («постоянство»).

195. Впервые — СП-IV. С. 71 (с иной текстологической интерпретацией и без заглавия). Автограф — РНБ.

В связи с «египетскими» интересами и некоторыми комплексами Хармса, может быть небесполезно учесть в качестве исторического прообраза «героя» комментируемого текста царя Египта Сесостриса, прославившегося своими обширными завоевательными походами — «<...> прошел материк, пока наконец из Азии не прошел Европу, где покорил скифов и фракиян» (Геродот. С. 167–168). Этот Сесострис, по Геродоту, развлекался тем, что в завоеванных им землях ставил столбы, а в тех, что были взяты без сопротивления, — прибавлял еще знак женского полового органа.

треплет ветер колпак на моём затылке — см. 26, 29, 55, 81, 85, 101, 107, 153, 230;

Орла тюкнул по голове палкой — см. 10, 20, 26, 45, 50, 63, 77, 89, 98, 107, 119, 136, 282.

196. Впервые —Jaccard II. P. 224–225. Автограф — РНБ. Приводим незавершенный вариант начала (зачеркнут):

Одна красивая торговка
себе обрезала мизинчик
сказав себе: «как я неловка!»
закрыла быстро магазинчик
и выдрав за уши изрядно

своё невзрослое дитя
оделась пышно и нарядно
и в косы ленты заплетя
красой блистая беспримерной
в расцвете лет
походкой легкой горной серны
вошла к хирургу в кабинет.
хирург с торговки скинул платье
увидел женские красы
и заключив ее в объятья
на кушетку

О понятии страсти у Хармса и эротическом в его текстах см.: 171.

и гаснет в небе солнца луч ∞ и главный колокол разбит — череда эротических символов в 6 стихах;

В твоих глазах летают мухи — см. 29, 44, 45, 50, 55, 86, 89, 95, 108, 132, 142, 158, 183, 212, 240, 265, 279, 294, 310, 312, 315.

197. Впервые — СП-IV. С. 19. Автографы двух вариантов — РНБ. Приводим исключенный Хармсом текст:

И где любовник шаловливый,
начальник дум твоей мечты?
Должно быть он — старик сварливый,
такой же дряхлый, как и ты.
Скрипел сверчок, и буря выла,
и, встав могилы на краю,
ты всё прошла и всё забыла,
забыла молодость свою.

В окончательном варианте под датой помета Хармса: «Плохо».

Наиболее известна одноименная повесть Хармса. Старуха (как и старик) в той или иной ипостаси присутствует во всех жанрах и на всём протяжении его творчества (см. 3, 14, 29, 33, 44, 49, 95, 101, 134, 195, 210, 211, 228, 233, 235, 283, 288 и т. 2 наст. собр.). В фольклоре старуха — почти всегда ведьма (Максимов. С. 181). По-видимому, и здесь *кольцо, меч, кушак* — атрибуты волшебства. Вспомним и тираду любимого Хармсом Гоголя в «Портрете» о старухах Коломны: тут есть «<...> старухи, которые молятся; старухи, которые пьянствуют; старухи, которые и молятся, и пьянствуют вместе; старухи, которые перебиваются непостижимыми средствами, как муравьи — таскают с собою старое тряпье и белье от Калинкина мосту до толкучего рынка с тем, чтобы продать его там за пятнадцать копеек; словом, часто самый несчастный фасад человечества» (Гоголь. С. 111–112).

Года и дни бегут по кругу//Летит песок; звенит река — характерное для Хармса соположение символов: круг и река в тексте, повествующем о смерти.

198. Автограф — РНБ.

199. Впервые — СП-IV. С. 88 (с иной текстологической характеристикой). Автограф — РНБ.

Логофет — название хранителя печати, заведующего патриаршей канцелярией и архивом в Константинопольской церкви в средние века.

200. Автограф — РНБ.

Наиболее непосредственное выражение хармсовского отношения к науке (см. 62, 137 и др.). Критическое восприятие материалов следственного дела Хармса не должно мешать отнестись с доверием, например, к следующему его заявлению на одном из допросов: «<...> я считаю неприемлемым для себя, в силу своих философских воззрений, прикладную направленность науки. Только тогда, по-моему, наука достигнет абсолютных высот, будет способна проникнуть в глубину тайн мироздания, когда утеряет свой утилитарный практический характер» (Разгром ОБЭРИУ. С.177; также: Джакуинта. С. 119).

201. Автограф — РНБ.

202. Впервые — СП-IV. С. 63. Автограф — РНБ.

По-видимому, некоторые детали этого текста (*напоим тебя; накормим тебя; растворить окно; человек по имяни Пётр*) намекают на его религиозно-философское содержание.

Колесо радости жена — см. 96, 150, 155, 188, 316;

Мельница смеха весло — см. 80, 108, 130, 161.

203. Впервые — СП-III. С. 148 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

По-видимому, является разработкой текста 181; стихи 5–6 — автоцитата;

Генрих Левин — см. 181.

204. Впервые — СП-III. С. 233 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

Нескольких Петраковых см. также в т. 2 наст. собр.

205. Автограф — РНБ.

206. Впервые — Jaccard II. P. 227. Автограф — РНБ.

Еще один полифонически организованный текст (см. 107, 217).

сама Эсфирь с тобою рядом — вариант имени Эстер, т. е. относится к Э. Русаковой (см. 3, 9, 95, 130, 136).

207. Впервые — Jaccard II. P. 226. Автограф — РНБ (два варианта; первый — зачеркнут; во втором исключена вторая строфа). Приводим отвергнутый Хармсом вариант:

всё исчезло только фибр
каждый миг меня трясёт

да поток любовных игр
чувства бурные несет
точно вихрь меня возносит
лижет в пятку ветра клуб
и куда меня забросит
может в воду, может в дуб
расшибусь и слабо крикнув
стукнусь боком в камня край
и умру спиной поникнув
а душа умчится в рай.
кончен путь житейских игр
в стену вбит последний гвоздь.
Так пускай любовный фибр
протрясёт мой ум и кость.

Между 1 и 2 строфами окончательного варианта зачёркнуто:

и рука сама хватает
дев за трепетную грудь
сам язык во рту болтает
что попало, как нибудь

плещат груди чудных дев — см. 16, 20, 26, 30, 50, 60, 63, 64, 80, 89, 91, 98, 168, 176, 210, 234, 295, 307, 328. Ср. с мотивом страсти: 147, 164, 165, 171, 196, 281, 283.

208. Впервые — Т. № 21. Автограф — РНБ.

О. Л. С. — то есть «Огонь любит свободу» (см. последний стих).

Здесь присутствуют уже фигурировавшие у Хармса три изначальные стихии — огонь, вода и воздух (ср. 98).

209. Автограф — РНБ.

210. Впервые — СП-III. С. 152 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф с обширной правкой — РНБ.

Камнями милая подруга — см. 15, 30, 45, 63, 86, 109, 177, 180, 192, 240, 281, 292, 312;

на одинокий девы крик — см. прим. к 207.

211. Впервые — СП-III. С. 7 (без заглавия). Автограф с обширной правкой и первоначальным заглавием «Берег и странник» — РНБ.

Связано с хармсовской символикой воды-реки, как принадлежащих вечности, отсюда: *«Мы с тобой, должно быть, маги//разрушаем время песней»*;

мы с тобой не старики — здесь очевидно, что с мотивом старика (старухи) связывается у Хармса понятие ограниченности времени — антипода вечности (см. также 3, 14, 29, 33, 44, 49, 95, 101, 134, 195, 197, 210, 228, 233, 235, 288);

нам не сорок как другим — см. 143, 183, 325;

Вот и всё. Я кончил речь. — вариант традиционного у Хармса «всё» (см. 3—10, 12—14, 17, 19, 20, 22, 26, 30, 42, 47, 54, 77, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 92, 135, 137, 143, 190).

212. Впервые — СП-III. С. 132. Автограф — РНБ.

Над Невой пролетает колонна мух — см. 29, 44, 45, 50, 55, 86, 89, 95, 108, 132, 142, 158, 183, 196, 240, 265, 279, 294, 310, 312, 315.

213. Впервые — СП-IV. С. 74 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

М. Мейлах справедливо отмечает в комментарии к этому тексту навязчивую тему спора, которая, правда, присутствовала у Хармса и ранее 1933 года (см. 101, 147, 170), но, по-видимому, обострилась в связи с развитием отношений чинарей именно в это время. Ср. в «Некотором количестве разговоров» Введенского 3 раздел: «Разговор о воспоминании событий»: «Припомним начало нашего спора...» (Введенский I. С. 198).

214. Впервые — СП-IV. С. 78 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

215. Впервые — СП-IV. С. 26. Автограф — РНБ.

Липавский зафиксировал и прозаическую параллель комментируемому тексту, записав примерно в то же время рассуждения Хармса: «Баня это то, в чем воплотилось все самое страшное русское. После бани человека следовало бы считать несколько дней нечистым. Ее надо стыдиться, а у нас это национальная гордость. Тут стыд не в том, что человек люди голые, — и на пляже голые, но там это хорошо, — тут дымность, и затхлость, и ноздреватость тел» (Разговоры. С. 52). Тема бани возникает и в других беседах чинарей (см. Разговоры. С. 26. 30); см. также у Хармса: 97, 119.

В фольклоре баня — часто место эротических сцен.

Интерпретацию этого мотива у Хармса см. также: Jaccard I.

В бане человек ходит голым//А быть в голом виде человек не умеет — мотив голого человека связан у Хармса с его сложными эротическими комплексами. По-видимому, к 1937—1938 гг. относится работа Друскина «О голом человеке», написанная по предложению Хармса (РНБ). На эту же тему размышлял в ряде текстов Липавский (РНБ).

216. Впервые — СП-IV. С. 30. Автограф — РНБ (с авторской пометой под текстом: «Плохо»).

Как отмечено в комментариях к СП, эсхатологическая тема вводится, как в некоторых архаических мифах, мотивом сражения морских животных (СП-IV. С. 143). Интерпретацию этого текста, как одного из свидетельств кризиса мировоззрения Хармса («преодоление времени, в конечном итоге, не может спасти от смерти») см.: Jaccard III. P. 91.

М. Мейлах сопоставил эсхатологический мотив у Хармса с аналогичным в «Значенье моря» Введенского (Бвед. I, С. 241).

217. Впервые — СП-IV. С. 31. Автограф — РНБ.

Еще один пример полифонического построения текста у Хармса (см. 107, 206).

Он принёс мне букет тёмнокрасных гвоздик — символизирует невинно пролитую кровь, что вместе с — *наши предки ходили на войну в стальной чешуе* — быть может, отсылает к эпохе крестовых походов Людовика IX, лечившего гвоздикой чуму.

218. Впервые — СП-IV. С. 32–33. Автограф — РНБ.

Отдохни часа четыре — см. прим. к 4;

На цветах сидят стрекозы//и жуки — см. 142, 192, 310;

на камне умный бобр — М. Мейлах указывает на реминисценцию из «Очевидец и крыса» Введенского (СП-IV. С. 144).

219. Автограф с обширной правкой — РНБ.

сто собак//и двести кошек — отметим любимую Хармсом игру числами (см. 18, 25, 56, 96, 125, 170, 177, 225, 293; 13, 87, 107, 123, 144, 247);

Как пух по воздуху несёт//И вдруг с размаха обземь бьёт — ср. в «Евгении Онегине» Пушкина: «Летит, как пух от уст Эола://То стан совьет, то разовьет,//И быстрой ножкой ножку бьет».

220. Впервые — СП-IV. С. 27–29. Автограф с правкой — РНБ. После ст. 62 зачеркнуто:

Толпа как дым песок и лава
Поглотит мышленье твоё
Такая честь! Такая слава!
Уж лучше б не было её.
Мы криком вызовем на бой
Твои тщеславные замашки
И пустим по миру в рубашке
Тебя гулять самим собой.

Связано со скептическим отношением Хармса к претензиям науки на «полезные» знания, особенно той науки, которая интересуется «тайнами материалистической полемики». (ср. 200).

221. Впервые — Т. № 21. Автограф — РНБ.

222. Впервые — Т. № 21. Автограф — РНБ.

223. Впервые — СП-IV. С. 79 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

Игра больших переговоров — выражение, употребляемое в карточной игре в *винт*;

с дуба желудь пал — см. 56, 60, 63, 95. 107, 160, 242;

а в небе книга нам видна — апокалипсический образ.

224. Впервые — СП-IV. С. 81 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф с правкой — РНБ.

Три года и восемь недель — игра самыми популярными числительными (см. 3, 10, 11, 15, 26, 29, 50, 51, 56, 62, 96, 111, 124, 126, 184, 296, 306; 53, 79, 125, 157, 177, 240, 258).

225. Впервые — СП-I. С. 174–175 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

В СП опубликован, как основной, другой вариант по списку Г. Гора с датой: (? декабрь 1926). Приводим его по тексту СП-I. С. 23–25:

Шли разбойники украдкой
очень злые. Их атаман
Вдруг помахивает бородкой
лезет наскоро в карман.
Там свинцы валяются
Разбойники молчат
их лошади пугаются
их головы бренчат
и путники скрываются
Разбойники молчат.
Но лишь потух костер
Проснулись мертвецы:
Бог длани распростер
свирепые дворцы
потухли на горах
Влетело солнце на парах
В пустой сарай.
Газетчицы летели в рай
Кричали смертные полканы
торчали в воздухе вулканы
Домов слепые номера
мне голову вскружили
вокруг махали веера —
Разбойники там жили.
В окно кидалась баба вдруг
Она трубой визжала.
Девченки жарились вокруг
любезностью кинжала.
Дымился сочный керосин
Грабители вспотели
Скакал по крышам кирасир —
родители в постели.
Молчат они. Жуют помидор.
Он зноен? Нет, он хлад.
Он мишка? Нет, он разговор,
похожий на халат.
Украсть его! Кричит паша

и руки живо вздел.
Потом разбойники дрожат
и ползают везде.
Сверкает зубом атаман
он вкладывает патрон
поспешно лазает в карман
пугаются вороны.
Свинец летает вдаль и вблизь
кувыркает ворон.
Но утром дворники сплелись
и ждали похорон.
Идут разбойники техасом
Тут же бурная пустынь
но звучит команда басом
ветер кошка приостынь.
Вмиг ножи вокруг сверкают
Вмиг пространство холодеет
Вмиг дельфины ночь плескают
Вмиг разбойники в Халдее.
Тут им пища тетерева
Тут им братья дерева.
Их оружие курком —
! ну давайте кувырком !
Левка кинет пистолет
Машет умное крижало
вин турецких на столе
изображение дрожало.
Вдруг приходит адьютант
к атаману и вплотную
Все танцуют отходную
и ложатся в петинант.
стынет ветер к облакам
свищут плети по бокам.
Происходит состязанье
виноватым наказанье
угловатым тесаки
а пархатым казаки.
Всё
Декабрь 1926 года

226. Автограф — РНБ.

227. Автограф — РНБ.

228. Впервые — СП-IV. С. 83. (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

Одна из парафраз популярной у Хармса — особенно в прозе — темы «стариков и старух» (см. 197, 211, 235, 283, 288 и т. 2 наст. собр.); комментируемому тексту можно найти параллель в запи-

санной Липавским беседе (примерно того же времени) между Хармсом и Олейниковым: «...говорили о чистых стариках, которые купаются в ключевой воде каждый день и никогда ни из-за чего не огорчаются. Хотя они и пример долголетия, но противны» (Разговоры. С. 15).

229. Впервые — КП. 1993. С. 8. Автограф — РНБ.

возьмите незабудку — символизирует верность; ср.: «...Не видел женской незабудки...» (Введенский. «Четыре описания» — Введ. I. С. 166).

230. Впервые — СП-IV. С. 114 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

Ещё один вариант хармсовской темы полёта (см. 20, 29, 46, 47, 54, 56, 66, 119, 175, 286, 293).

А я сижу в ермолочке — вариант «колпака»? (см. 26, 29, 55, 81, 85, 101, 107, 153, 195).

231. Впервые — Семенов. С. 263. Автограф — РНБ. (с надписанным над *начальник* вар. *владыка*).

232. Автограф — РНБ.

233. Впервые — Русский курьер. 1993. № 1. С. 16. Автограф — РНБ. Над текстом помета Хармса: «Упражнения в классических размерах (УКР)». Подобные пометы встречаются еще на нескольких текстах Хармса 1935 года — «периода поэтического кризиса», по мнению М. Мейлаха (СП-IV. С. 172).

Старик умелою рукою — см. 228, 288 и др.

234. Впервые — Jaccard II. P. 229. Автографы — РНБ (два беловых автографа с незначит. вариантами). Подзаголовок: «Упражнения в классических размерах» (см. также 233, 237,256).

девица — см. 16, 20, 26, 30, 50, 60, 63, 64, 80, 89, 91, 98, 168, 176, 207, 210, 295, 307, 328;

Липавский — см. вступит. статью.

235. Впервые — Gibian. C. 252. Автографы — РНБ (вариант с правкой в двух стихах и беловой автограф).

Я. Друскин оставил следующий комментарий к этому стихотворению: «Посвящено ли Наталье Ивановне <Колюбакиной — см. 52. — *комм.*> стихотворение «Неизвестной Наташе», я не знаю, но так как на другой стороне листа написано стихотворение «Размышление о девице» и листок с стихотворениями вырван из тетради, то возможно, что Д. И. вырвал листок из тетради, чтобы показать стихотворение Наталье Ивановне, которую в стихах назвал «Неизвестной Наташей» (РНБ). С. Шишман обнародовал подробный рассказ о некоей Наташе, которая явилась героиней розыгрыша Хармса — ей он, якобы, писал письма и стихотворения, не будучи с ней знаком (Шишман. С. 150).

седой старик читает книгу — ср. 95.

фонари на Невском тушит — отметим анахронизм: Невский проспект с 1918 по 1944 г. именовался пр. 25 Октября; этот хармсовский анахронизм должен быть включен в один ряд с то и дело возникающим в 1925–1934 гг. обозначением места написания своих произведений: Петербург.

236. Впервые — СП-IV. С. 292. Автограф — РНБ. Записан на одном листе с текстом «Размышление о девице», имеющем помету «Упражнение в классических размерах»; общность метрики обоих текстов позволяет толковать эту помету, как имеющую отношение к тому и другому.

Комментируемый текст может рассматриваться в контексте других хармсовских произведений о бессилии науки со всеми ее собственными «уставами».

237. Впервые — РЛ, 1970, N 3. С. 157. Автографы — РНБ (несколько вариантов с многочисленной правкой и пометой: «УКР» — т. е. «упражнения в классических размерах» — см. 233, 234, 256). Комментируемому тексту предшествует зачеркнутый Хармсом текст с той же датой:

Вот сборище друзей оставленных судьбою:
Противно каждому другого слушать речь;
Не прыгнуть больше вверх, не стать
самим собою,
Насмешкой колкою не скинуть скуки с плечь.
Давно оставлен спор, ненужная беседа
Сама заглохла вдруг, и молча каждый взор
Презреньем полн, коьем летит в соседа
Сбивая слово с уст. И молкнет разговор.

23 января <19>35 г.

Настоящий текст, в свою очередь, имеет многочисленные варианты.

К Олейникову обращен еще один текст (фрагмент?) Хармса:

Я могу ответить Олейникову
ибо это он написал о зубном порошке
это он познал муху и таракана

Второй стих первоначально читался: «ибо нет больше коварства в душе моей» (РНБ; датируем не ранее 1934 г., а скорее всего — 1934–1935).

Комментируемый текст несет печать серьезного конфликта, который, по-видимому, возник в среде чинарей в 1934–1935 гг. и связан в значительной степени с фигурой Олейникова. Обратим внимание на записи Липавского, обращенные к Олейникову в это время: «В вас нельзя быть уверенным, в любой момент вы можете без причин проявить грубость. Вы относитесь к людям неровно, либо презрительно, либо верите в их авторитет, как женщина.

И никогда неизвестно, где граница вашего самодовольства». (Разговоры. С. 47). И далее об Олейникове: «Не в том дело, что он спокойно срывает любое общее начинание, например, словарь. Что внес, как законную вещь, ложь, и значит неуважение друг к другу. Он единственный мог стать центром и сплотить всех. Он всегда естественно становился на неуязвимую позицию человека, который всегда сам по себе, даже в разговоре, там же, где появляется ответственность и можно попасть в смешное или неприятное положение, он ускользает» (Разговоры. С. 68).

Очевидно также, что мотив «оставленных судьбой», который находим в разных проявлениях в нескольких текстах Хармса этого времени, связан не только с конфликтом с Олейниковым, но и более широким мировоззренческим контекстом.

Гомер — легендарный древнегреческий поэт;

Гете Иоганн Вольфганг (1749–1832) — немецкий писатель;

Данте Алигьери (1265–1321) — итальянский поэт;

Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) — писатель.

238. Впервые — СП-IV. С. 40. Автограф с обширной правкой и отвергнутым заглавием: «Антон Болгарин» — РНБ.

Бобров — один из любимых персонажей Хармса: встречается в том числе в сочетании с именем Антон, а также Антон Антонович (см. т. 2 наст. собр.), что позволяет говорить об очередных гоголевских именах у Хармса (ср.: Антон Антонович в «Ревизоре» и Бобров в «Мертвых душах»);

Мария — см. 18, 28, 29, 38. 83, 95, 177, 191, 301.

Часы показывали полдень; Часы показывают полночь — как нередко у Хармса, часы или предвещают остановку земной жизни или фиксируют эту остановку (здесь последовательно — то и другое; см. также 16, 95, 118, 135, 141, 145, 239, 258, 267, 280).

239. Впервые — СП-IV. С. 41. Автограф — РНБ.

Одним из сюжетов волшебной сказки является «испытание едой» (известен и в античной мифологии). Способность много есть — признак магических способностей (Пропп. С. 295–296). Персонаж Хармса, таким образом, обнаруживает своё несовершенство (см. также 262 и 263).

В кармане его золотые часы перестали тикать — см. прим. к 238.

240. Впервые — Troels Andersen. Malevich. Stedelijk Museum. Amsterdam, 1970. P. 16. Автограф публикуемого текста — ЧС. Автографы двух вариантов — РНБ (под заглавием: «Послание к Николаю» — в одном случае с переадресовкой: «Казимиру» и датой: «5 мая»).

Прочитано Хармсом на гражданской панихиде по Малевичу 17 мая 1935 г.

Принято полагать, что первоначально текст адресовался Олейникову, но для этого нет несомненных доказательств. Тем не менее, скорее всего, текст был посвящен *живому* человеку и переадресован покойному, что и составляет самое странное его свойство. Возможно, следует связать это явление с покойницкими святочными играми, с той лишь разницей, что в фольклоре развитие жанра шло в обратном направлении: от похоронных игр *при покойнике* к играм *в покойника* (см.: Гусев. С. 55 и др.). Такое переиначивание традиции — в духе поэтики Хармса. Сам же текст может быть интрепретирован в рамках традиции поминального текста с характерным окликанием («бужением») покойного.

В стихотворении присутствуют и элементы поэтики древнеегипетской литературы.

Имя тебе Казимир — ср.: «имя твое Итфакуэр», «имя твое Тинитский» и мн. др. (Тураев II. С. 186 и др.);

растворю окно — здесь может идентифицироваться с одним из обрядовых действий, совершаемых при умирающем для облегчения смерти (см. также 3, 16, 29, 33, 43, 107, 135, 137, 141, 142, 184, 196, 202, 276).

только муха жизнь твоя — см. 29, 44, 45, 50, 55, 86, 89, 95, 108, 132, 142, 158, 183, 196, 212, 240, 265, 279, 294, 310, 312, 315;

чернильница, перо — орудия древнеегипетского бога Тота. В «Книге мертвых», памятнике древеегипетской письменности, имеется «Глава о прошении чернильницы и пера», с которыми покойный должен явиться перед загробными врагами во всеоружии магии (Тураев Б. А. Бог Тот. Лейпциг, 1898. С. 56). Об интересе Хармса к Тоту — см. прим. к 1. См. подобное сочетание: *чернильница, перо, трр, пе* — в тексте 97, также имитирующем древнеегипетские тексты;

Восемь лет; Пятьдесят минут; Десять раз — отметим игру с числительными (см. 53, 79, 125, 157, 177, 224, 258; два последних, в отличие от первого, встретим только в наст. тексте);

Агалтон — возможно, переделано из Галатон, имени александрийского живописца. См. о нем, например, у Элиана в «Пестрых рассказах» (М.;Л., 1936. С. 106).

241. Впервые — Т. № 21. Автограф с правкой — РНБ.

Один из текстов-молитв Хармса (см.: Топорков. С. 28–31).

242. Впервые — СП-IV. С. III (с иной текстологической интерпретацией). Автографы — РНБ (два отдельных текста; один — с многочисленными вариантами; другой, представляющий собой краткий вариант первого, — строфы 7–11 — имеет, между тем, одну оригинальную строфу, занимающую здесь место 3-й:

Уже поток небесный хлещет,
Уже вода везде шумит.
Но вот из туч всё реже блещет,
Всё дальше дальше гром гремит.

Под этим вариантом дата: «19 августа 1935 г.»).

Приводим другие, не вошедшие в основной текст, варианты.

После стиха 12 зачеркнуто:

Уже писатель из подполья,
Машину взявши напрокат,
Через мосты летит на взморье,
Смотреть на солнечный закат.

Уже на пышные проспекты
Выходит шумная толпа:
Бежит мадам, жуя конфекты,
Стоит красавчик у столба.

После стиха 24 зачеркнуто:

Медведь на мёд крадётся к осам.
Садится ведьма на метлу,
Прохладный воздух тянет носом.
Хромой барсук бежит к селу.

Из бани, дверь ногой откинув,
Скрестивши руки на спине,
Туманным взором ночь окинув,
Старик выходит в простыне.

И точно дух, на пень садится
И дышит, страшно как меха,
Чтоб тихо после раствориться,
При первом крике петуха.

Поскольку у Хармса не слишком часто встречаются топонимы в подписях под текстами (в их числе: Петербург, С.-Петербург, Марсово Поле, Ленинград), обратим внимание на появление нового: Детское Село (см. также 267). Здесь жила тетка Хармса — Н. И. Колюбакина (см. 52).

Учитывая значительное место, которое занимает мифологема «неба» в структуре текстов Хармса, следует, вероятно, обратить внимание на яфетическую теорию Н. Марра, показавшего значение этого понятия в палеонтологии речи, как «времени» и «пространства» (тоже очень важных для Хармса мифологем); возникновение параллели небо//вода в настоящем тексте прямо отсылает к утверждению Марра, что в яфетических языках «небо» не просто «небо», а «небо+вода» (Н. Марр. О «небе» как гнезде празначений//Марр. С. 143).

Заметно кольцевое построение текста Хармса, которому сопутствуют соответствующие хармсовские символы — круг, шар, вода.

Общность метрики и некоторые детали текста Хармса вызывают ассоциации со строфами XXXV и XXXVI «Евгения Онегина» Пушкина («А Петербург неугомонный...» и т.д.).

Их взор не видит, слух не слышит — ср. с тютчевским «Они не видят и не слышат» с тем же «дышат» в рифмующемся стихе;

На черном небе звезды блещут — в далеком море волны плещут — ср. у Пушкина: «В темном небе звезды блещут//В синем море волны плещут»;

Уже из тучи Брамапутра — традиционная хармсовская инверсия: помещение реки на небо, где на самом деле, по древнеиндийской мифологии, находится Брахмалока, райская обитель;

Дубовый листик, взвившись, реет — см. 56, 95, 107, 160, 223.

243. Автограф — РНБ.

Посвящено Марине Владимировне Малич (во втором браке Wishes, р. 1909). С 1934 г. вторая жена Хармса. Способствовала спасению архива Хармса (см. вступит. статью). Незадолго до конца блокады Ленинграда эвакуировалась в Пятигорск, откуда депортирована в Потсдам. После поражения Германии отыскала в Париже свою мать, вышла замуж за ее мужа, с которым уехала в Венесуэлу. См. также: Грицина. С. 43–45.

244. Автографы — РНБ (один с обширной правкой, другой — беловой). Самостоятельный текст (о чем свидетельствует заглавие), представляет собой обширную автоцитату из предыдущего.

Марина — см. 243.

Я не имею власти — автоцитата (см. 171).

245. Впервые — СП-IV. С. 44. Автограф — РНБ.

Обращено к М. Малич — см. 243, 244, 246–249.

Фефюлинька — вероятно, образовано от фефёла, т. е. неповоротливая, пышная. См. также 246, 247.

246. Впервые — СП-IV. С. 45–46. Автограф — РНБ.

Обращено к М. Малич — см. 243–249.

Фефюля — см. 245, 247;

кинеб — ср. с «Канеб» (107).

247. Впервые — СП-IV. С. 47. Автограф с правкой — РНБ.

Приводим зачеркнутую первую строфу:

На серьёзном отделеньи
я пишу про свойства трав.
Спит жена в неотдаленьи
чёрны косы разметав

Обращено к М. Малич — см. 243–249.

Только ты моя Фефюлька — см. 245, 246.

248. Впервые — КП. 1993. 10 авг. Автограф — РНБ.

Посвящено М. Малич — см. 243–249.

Ср. с текстами 66 (те же «стол», «перо», «бумага») и 166.

249. Автограф — РНБ.

Сравнение с предыдущими текстами, напр., 248, дает основание предположить, что это стихотворение также посвящено М. Малич (см. 243–248).

Для полноты репертуара текстов, посвященных Хармсом М. Малич, приведем недатированное и неоконченное, судя по заглавию, «Пятистишие Марине»:

Сегодня говорили мы,
Что после завтра будет бал.
Не верю я, сказала ты
Люди любят виноград

250. Впервые – СП-IV. С. 90 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф с правкой – РНБ. Между 1 и 2 строфами зачеркнута неоконченная:

Когда в толпе гремит мой глас
Когда мой взор огнём пылает
Когда во мне клокочет злость
Толпа скрипит как ржавый гвоздь
Восторгом радостным пылает

Комментируемому тексту можно найти, вероятно, параллели в некоторых прозаических текстах Хармса (см. т. 2 наст. собр.).

251. Впервые – СП-IV. С. 113 (с отнесением к «Упражнениям в классических размерах»). Автограф – РНБ.

252. Впервые – СП-IV. С. 85 (по другому источнику и с иной текстологической интерпретацией). Автограф – РНБ.

253. Впервые – Jaccard II. P. 230. Автограф – РНБ.

Петухова – мужской вариант этой фамилии см. т. 2 наст. собр.

254. Впервые – НМ. 1988. № 4. Автограф – РНБ.

Делит время на куски – выражение, традиционное в хармсовской концепции времени.

255. Впервые – СП-IV. С. 89 (с иной текстологической интерпретацией). Автографы – РНБ (незавершенный и полный варианты).

Ж.-Ф. Жаккар трактует этот текст как эротический (Jaccard II).

...и Марина со мною – М. Малич (см. 243–249).

256. Впервые – СП-IV. С. 112 (среди «Упражнений в классических размерах»). Автограф – РНБ.

257. Впервые – МК, 1978. 30 июня. Автограф – РНБ.

бешемель – в прямом значении (бешамель): разновидность соуса;

«Золотые сердца» – фигурируют также в прозаическом тексте Хармса: «Однажды Марина сказала мне... (см. т. 2 наст. собр.).

258. Впервые — СП-IV. С. 48. Автограф с правкой — РНБ. Справа от текста пометы: «Вариации не удались»; «Сюжет неясен и плохо выражен». Над текстом помета: «*т*[7]». Интерпретацию этого значка см. т. 2 наст. собр.

В тексте присутствуют два взаимосвязанных мотива: охоты и часов («Часы стучали», «Часы показывали восемь», «Часы таинственно молчали»; отметим троекратность проявления обоих мотивов). С мотивом часов (времени) уже приходилось встречаться у Хармса неоднократно (см. 16, 95, 118, 135, 141, 145, 238, 239, 267, 280). Мотив охоты также присутствует в произведениях разных жанров (см. 198, 199, 209, 289 и в прозе и драматических сценках — см. т. 2 наст. собр.). М. Мейлах, анализировавший тот же мотив у Введенского в «Кончине моря» и «Суд ушел», (отметим очередной раз общность мотивов чинарей), характеризует его как «охоту за истиной» (Введ. I. С. 243, 244), что представляется справедливым и для текстов Хармса.

Петров — самая распространенная фамилия хармсовских персонажей (261, 274, 300 и т. 2 наст. собр.);

Часы показывали восемь — отметим ещё раз пристрастие Хармса к числу 8 (см. 53, 79, 125, 157, 177, 224, 240), отсутствовавшему в древнеиндийской системе счисления, что в контексте его творчества вообще и настоящих «Вариаций», в частности, может интерпретироваться как пристрастие к алогичному (абсурдному).

259. Впервые — Т. № 21. Автограф с обширной правкой — РНБ. После ст. 3 зачеркнуто:

И видят сон, как будто свет
Как будто свет уже потух
Как будто ночь уже прошла
И на дворе пропел петух
И видят дамы страшный сон.

Кроме того, в первоначальном варианте вместо окончательного «Иван» было сначала «слон», затем «матрос».

Мотив сна, присутствовавший уже в неразвернутом виде в нескольких стихотворных текстах Хармса (20, 58, 63, 85–87, 95, 97, 101, 119, 145) здесь становится темой (по-видимому, достаточно важной, поскольку на протяжении 19–22 августа с тем же мотивом написаны ещё 3 прозаических текста, а мы относим к этому времени ещё 2 недатированных — см. т. 2 наст. собр.). Помимо Толстого, названного Хармсом (с аллюзией на «Анну Каренину»), находим здесь в скрытом виде аллюзии еще на Гоголя (две дамы — частный случай гоголевской излюбленной парности персонажей; парность у Хармса даже в заглавии, где СОН и ДАМ выделены графически); Пушкина (сон о мужике с топором в «Капитанской дочке»); Достоевского («черномазых»/Карамазов, разговор между Иваном и чертом о сне и топоре, «Преступление и наказание»). См. также: Сажин III. С. 83–85.

260. Впервые — СП-IV. С. 96 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

Забытый небом — ср.: «оставленный судьбою» (237, 320); *Феб (Аполлон)* — бог солнца и света, покровитель искусств; *Геба* — богиня юности, виночерпий богов.

261. Впервые — СП-IV. С. 50. Автограф — РНБ.

Бергсон Анри (1859–1941) — франц. философ; идеи позитивизма, развивавшиеся им, были весьма популярны в России в нач. XX в. и входили в круг интересов Хармса (см. прим. к 109). Оказавший влияние на Хармса в «начале пути» А. Туфанов, по собственному признанию, считал Бергсона самым близким себе из философов (см. Jaccard, Устинов. С. 171, 173; Jaccard I. Р. 391).

Шел Петров однажды в лес — см. 258, 274, 300 и т. 2 наст. собр.

Сон ли это — см. 20, 58, 63, 85–87, 95, 97, 98, 101, 119, 145, 158, 192, 259, 268.

262. Впервые — СП-IV. С. 164 (как вариант следующего — см. текст 263). Автограф с правкой — РНБ.

Ср. с аналогичной ситуацией у Гоголя («Майская ночь, или утопленница»; «Ночь перед рождеством»), отличающейся у Хармса характерной для него инверсией. См. также 239.

Твой студень сделан из копыт — вариант мотива кости (см. 96, 107).

263. Впервые — Т. № 21 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

Рассматриваем этот текст не как вариант предыдущего, а как самостоятельный парафраз — с таким явлением у Хармса уже приходилось встречаться.

264. Впервые — Gibian. С. 256–257. Автограф — ЧС. На обороте, помимо прозаического текста (см. т. 2 наст. собр.), четыре зачеркнутых стиха, связанных эмоционально с публ.:

Двух слов запомнить не могу
Такая память!
Такую память
Не пожелал бы я врагу

Я. Друскин в Дневнике 1953 г. охарактеризовал наст. текст, как «классическое описание одной из форм игнавии» (Друскин II. С. 72). Со свойственным Друскину сознательным уклонением от односложных определений своих философских категорий, он не дал игнавии абсолютного определения, но в разных случаях давал ей всё новые характеристики. Приведём одну из них: «Игнавия — моё видение без меня, видящего, моё видение, ничего не видящее, никем ни видимое, затерявшееся в абсолютной пустоте» (Друскин II. С. 45). См. также: Александров. Р. 157–174.

265. Впервые — СП-IV. С. 115–117 (среди «Упражнений в классических размерах»). Автограф с правкой — РНБ. Над текстом пометы: «Это экзерсиС. Рифмоплётство».

Мысль моя течёт обратно — апокалипсический образ;

Пропусти меня как муху — см. 29, 44, 45, 50, 55, 86, 89, 95, 108, 132, 142, 158, 183, 196, 212, 240, 279, 294, 310, 312, 315.

266. Впервые — СП-IV. С. 156 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

267. Впервые — СП-IV. С. 56. Автограф — РНБ.

Комментируемый текст должен осмысляться в контексте произведений Хармса 1937 г., насыщенных мотивами прерывистости (т. е. драматичности) времени, и невозможности обрести «плавность», непрерывность, «равновесие» — в другом термине Хармса и чинарей.

Цветок папируса — кажется, не мог хоть раз не появиться в «букете» Хармса и вводит наст. текст в круг египетских мотивов его творчества.

268. Впервые — СП-IV. С. 57. Автограф с правкой — РНБ.

269. Впервые — СП-IV. С. 97 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф с обширной правкой — РНБ.

Текст можно рассматривать, по-видимому, как проекцию тех антиномий, которые определяли состояние Хармса в 1937 г.

М. Мейлах находит здесь параллель тексту Хармса «Окнов и Козлов» (см. 137; СП-IV. С. 166).

270. Впервые — СП-IV. С. 165 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф с обширной правкой — РНБ.

271. Автограф — РНБ (несколько вариантов); слева от текста записана незавершенная строфа, место которой не обозначено:

Человек не любит смерти
Ненавидит спать в гробу
И на дрогах
Неприятно никому

Одно из «антинаучных» произведений Хармса.

Деды были инженеры//своих задумчивых и гордых лиц — возможно, парафраз знаменитой фразы И. Сталина (почерпнутой им, впрочем, у Ю. Олеши), которую пропагандировал Жданов в выступлении на I съезде Советских писателей 17 августа 1934 г. (см.: Борев Ю. Сталиниада. М., 1990. С. 93);

атташе — (франц. Attache), посланник.

272. Впервые — ВЛ. 1987. № 8. С. 273. Автограф с правкой — РНБ

273. Впервые — СП-IV. С. 99 (с иной текстологической интерпретацией). Автографы — РНБ (два варианта). Приводим вариант, имеющий обширную правку:

Гнев Бога поразил наш мир.
Гром с неба свет потряс, и трус
не смеет пить вина. Смолкает брачный пир.
Чертог трещит, и потолочный брус
ломает пол. Хор плачет лир.
Трус в трещину земли скрывается как червь.
Дрожит земля. Бог волн срывает вервь.
По водам прыгают разбитые суда.
Мир празднует порока дань. Суда
ждет жалкий трус, укрыв свой взор
от Божьих кар под корень гор, и стон
вой псов из душ людей как сор
несёт к нему со всех сторон.

Горшков, перебивая поэта — Довольно! Ваша речь немая
меня замучила. Народ,
словам бессмысленным внимая,
стремится жить наоборот.
Похвально ль это? Нет, зазорно.
Смущать народную молву —
позорно это! Ах, позорно!..
Прочти вторую нам главу.

Поэт, разбивая об пол карманные часы — К чорту времени прибор,
счёт минут пора забыть.
Кем я был до этих пор,
тем и дальше буду быть.
Я случайно превращался
то в перчатку, то в быка,
то над лесом я качался,
точно шар надув бока.

Не трудно найти другие тексты Хармса, с которыми сопрягается эсхатологическая картина комментируемого произведения. Однако, не исключено, что Хармс нашел соответствие своему мироощущению в каком-то иноязычном тексте и перед нами его переложение. О принципиальной возможности такой ситуации (причем — с большой долей вероятности — именно переложения, а не просто перевода) см.: Гроб, Жаккар. С. 31–44.

274. Впервые — СП-IV. С. 102 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ.

Везёт их под гору Петров – см. 258, 261, 300 и т. 2 наст.собр.

275. Впервые – СП-IV. С. 103 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф – РНБ. А.Топорков причисляет комментируемый текст к поэтическим молитвам Хармса.

276. Впервые СП-IV. С. 61 и 157–158 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф с обширной правкой – РНБ. На обороте первого листа автографа этого текста записан, очевидно, фрагмент варианта:

Откажите пожалуйста ему в удовольствии
Сидеть на скамейке
Сидеть на скамейке
Сидеть на скамейке...
Откажите ему в удовольствии
Сидеть на скамейке и думать о пище мясной
непременно
о водке, о пиве, о толстой еврейке

Во многих автобиографических текстах Хармса этого времени можно найти параллели комментируемому тексту (см. тт. 2 и 4 наст. собр.).

Открывается окно – см. 3, 16, 29, 33, 43, 107, 135, 137, 141, 142, 184, 196, 202, 240, 302, 322;

Я люблю полных евреек – см. 60, 98, 100, 322;

Гармониус – одно из понятий Пифагора, с идеями которого был знаком Хармс (см. т. 2 наст. собр.).

277. Впервые – К. 1989. № 33. Автограф – РНБ.

278. Впервые – СП-IV. С. 62. Автограф – РНБ.

279. Впервые – РМ. 1988. № 3730 (Литературное приложение. № 6. С. XI–XII). Автограф – РНБ.

Один из текстов, которому легко найти параллели в текстах Хармса (см. 264 и тт. 2 и 4 наст. собр.).

Оставте меня сознанья мухи – см. 29, 44, 45, 50, 55, 86, 89, 95, 108, 132, 142, 158, 183, 196, 212, 240, 265, 294, 310, 312, 315.

280. Впервые – Gibian. С. 258–259. Автограф с обширной правкой – РНБ.

Т. Гроб и Ж.-Ф. Жаккар не исключают того, что комментируемый текст является переводом.

Часы стучат – см. 16, 95, 118, 135, 141, 145, 238, 239, 258, 267;

Четыреста воинов; четыреста суток – вариант излюбленного Хармсом числа четыре.

281. Впервые – Jaccard II. P. 235. Автограф с правкой – РНБ.

Кажется, что пилы и топоры в комментируемом тексте играют роль эротических символов. Ср. с понятием «девственный лес» и

рассказами Д. Фрэзера о культе деревьев у древних и особом ритуале, к которому прибегали дровосеки, вынужденные рубить одушевленные деревья (Фрэзер I. С. 140).

Сладострастный древоруб — ср. 132, 145; 147, 164, 165, 171, 196, 207, 283;

Подруги — см. 15, 30, 45, 63, 86, 109, 168, 177, 180, 192, 210, 240, 292, 312.

282. Впервые — СП-IV. С. 65. Автограф — РНБ.

Первый стих можно понимать едва ли не в прямом смысле, поскольку орел появился еще в одном из самых ранних текстов Хармса в 1926 г., и возникает периодически, как видим, в течение всего творческого пути (см. 10, 20, 26, 45, 50, 63, 77, 89, 98, 107, 119, 136, 195);

но спутал, кажется, их с мухами — см. 29, 44, 45, 50, 55, 86, 89, 95, 108, 132, 142, 158, 183, 196, 212, 240, 265, 279, 294, 310, 312, 315; не происходит ли здесь травестирования важного хармсовского символа, которое может быть связано с общей скептической тональностью его творчества этого времени.

283. Автограф — РНБ (с тремя вариантами двух первых стихов). Поперек текста помета Хармса: «Отвратительно!»

Дрожа от страсти на ходу — ср. 147, 164, 165, 171, 207, 281;

И весь дрожал как старичок — см. 95, 211, 228, 235, 288.

ПЕРЕВОДЫ

284. Впервые — Гроб, Жаккар. С. 33. Автограф — РНБ.

Перевод с немецкого из Магнуса Даниэля Омайса (1636–1708), филолога, философа, теолога (по недоразумению опубл., как принадлежащее Хармсу, в газ. «Die Zeit». 1991. № 20). Это одно из ряда церковных песнопений, сочинявшихся Омайсом. Положено на музыку И.-С. Бахом (см.: Герасимова. С. 301). Анализ текста и творческого процесса Хармса см.: Гроб, Жаккар. С. 20–40.

285. Впервые — WSA–5. S. 58. Автографы (черновой и беловой) — РНБ. Помимо публ. текста, немецкий оригинал которого пронумерован Хармсом римской цифрой I, под номером II — оригинал другого немецкого текста и незавершенный перевод:

Нас бремя греха гнет и давит, давит
Но ты мне радость утешенья ниспошли
Что ты ко мне, опять ко мне, опять опять
придешь.

Наличие в архиве Хармса немецкого оригинала (копии рукой Хармса) настоящего текста, свидетельствует о том, что он является переводом (опубл., как принадлежащее Хармсу оригиналь-

ное немецкое стихотворение, в газ. «Die Zeit». 1991. № 20). Положено на музыку И.–С. Бахом (см.: Герасимова. С. 301). Автор оригинального текста не выявлен. Анализ текста и творческого процесса Хармса см.: Гроб, Жаккар.

НЕЗАВЕРШЕННОЕ И ОТВЕРГНУТОЕ

286. Впервые – СП-II. С. 151. Автограф с правкой – РНБ.

Заглавие идентично заглавию поэмы Хлебникова и отличается лишь переносом ударения в первом слоге.

Этот неоконченный текст может интерпретироваться в рамках извечной оппозиции Бог/черт.

Что летит под небом там – см. 20, 29, 46, 47, 54, 56, 66, 119, 175, 230, 293.

287. Впервые – СП-I. С. 180. Автограф (перечеркнут) – РНБ.

истину кто видит? – первоначально было «саблю» и это очевидным образом указывает на символическое значение «сабли» в текстах Хармса (см. 26, 61, 98, 125).

Кто откроет твёрдый шкап – см. 26, 29, 50, 58, 107, 300.

288. Впервые – СП-I. С. 197–198. Автографы (перечеркнутые варианты) – РНБ.

Один старик смотрел на небо – сцена, встречающаяся у Хармса в нескольких текстах. Здесь показательно сочетание двух традиционных хармсовских символов – «старик» и «небо», находящихся в оппозиции к тому, что происходит на земле, т. е. не от мира сего.

Федя лавочник – см. 129, 157, 204 и т. 2 наст. собр.

289. Впервые – СП-II. С. 127. Автограф с обширной правкой – РНБ.

охотник молний – один из вариантов мотива охотника (см. 198, 199, 209, 258).

290. Автограф – РНБ.

291. Впервые – СП-II. С. 137. Автограф – РНБ (с пометой Хармса: «Плохо, а потому брошено. Д. Х.»).

логти – ср. *анегдоты* (т. 2 наст. собр.);

проходит пол миг – см. 129, 141, 143, 144, 168, 176, 177, 179, 206, 211.

292. Впервые – СП-II. С. 153. Автограф (перечеркнут) – РНБ.

рёх подруги феи фуи – см. 15, 30, 45, 63, 86, 109, 168, 177, 180, 192, 210, 240, 281, 312.

293. Впервые – СП-II. С. 155. Автограф с правкой – РНБ.

Аларих — см. 107; здесь, очевидно, тот, кто во главе вестготов сражался со Стилихоном (см. ниже); в 410 году захватил Рим;

Стилихон — римский полководец (ок. 365–408 н. э.)

294. Впервые — СП-II. С. 147–148. Автограф с правкой — РНБ. Последний ст. (зачеркнут): *мы пощупаем рукой.*

Приходится считать незавершенным самостоятельным текстом, учитывая весь контекст символики «лампы» в произведениях Хармса (ср. 110, а также 63, 83, 87, 98. 106. 140, 141, 142, 230, 238, 254, 303).

Я светила Никанору — вар. имени Никандр, которое тоже встретим у Хармса (см. 139 и т. 2 наст. собр.);

ловит муху в барабан — см. 29, 44, 45, 50, 55, 86, 89, 95, 108, 132, 142, 158, 183, 196, 212, 240, 265, 279, 310, 312, 315;

лампу, муху и курок — то же;

вы лежали в сундуке — см. 18, 44, 53, 65, 192, 300, 326.

295. Впервые — СП-II. С. 149. Автограф — РНБ.

296. Впервые — СП-III. С. 102–103. Автограф — РНБ.

По-видимому, речь идет об очередной трансформации дилеммы между наукой, пытающейся овладеть точным знанием «законов размножения», и неподвластной такой науке живой природой.

297. Впервые — СП-II. С. 80 и 209. Автограф — РНБ (четыре зачеркнутых варианта).

В альманахе «Чукоккала» одно из стихотворений Хармса имеет подпись: «Пульхирей Д. Х.» (Чукоккала. М., 1979. С. 391).

298. Впервые — СП-II. С. 74. Автограф — РНБ.

299. Впервые — СП-II. С. 75. Автограф — РНБ.

купите мне четырех коней — см. прим. к 4.

300. Впервые — Русский курьер. 1993. № 1. С. 15. Автограф (зачеркнут) — РНБ.

Отметим конгломерат хармсовских слов-символов: шкап, сундук, свеча; а также одну из излюбленных фамилий — Петров (258, 261, 274 и т. 2. наст. собр.).

301. Впервые — СП-II. С. 133. Автограф (зачеркнут) — РНБ.

Мария Ивановна — в таком сочетании встречается в «Лапе» (95); см. также т. 2 наст. собр.

302. Впервые — СП-III. С. 172 (с иной текстологической интерпретацией). Автограф — РНБ (зачеркнуты стихи 3–6, 8–9).

Кажется, нет оснований идентифицировать этот текст с текстом «Окнов и Козлов»? (см. 137 и т. 2 наст. собр.).

303. Впервые — СП-III. С. 89. Автограф с правкой — РНБ.

но мысли жалкий фитилёк — вариант мотива лампы (см. 63, 83, 87, 98, 106, 110, 140, 141, 142, 230, 238, 254, 294).

304. Впервые — СП-III. С. 95. Автографы — РНБ (два варианта незавершенного текста).

Наташа — Н. И. Колюбакина (см. 52).

305. Впервые — СП-III. С. 105. Автограф — РНБ (зачеркнут).

306. Впервые — СП-III. С. 133. Автографы (три варианта) — РНБ.

К 1933 г. относится попытка переработки текста с Робертом Мабром, тоже незавершенная:

Роберт Мабр Ну с начинаю
Движутся года.
Смотреть и радоваться в книгу сделанную
много сотен лет назад не буду
больше никогда.
Нет правды вынутой из книг.
И всё на свете только миг.

(*Смотрит в окно*):

Светает.
Воздух чист
И ветер утренний лениво шевелит на крыше
с грохотом железный лист.
Скорей скорей
тушите солнце фонарей

Роберт Мабр — по мнению М. Мейлаха надо идентифицировать с Рабаном Мавром (776–856), великим ученым средних веков, филологом–схоластом из Майнца, толкователем Библии;

три контуром напоминает — отметив излюбленное Хармсом число три, выскажем предположение о превращении сердца, в результате означенной операции, еще и в монограмму имени Эстер.

307. Впервые — СП-III. С. 112–113. Автограф (по старой орфографии) — РНБ.

Об отзвуках идей и обычаев гностиков у Хармса — см. 38, 76, 166. По-видимому, такие элементы в текстах Хармса еще не все выявлены. М. Мейлах усматривает в комментируемом тексте «нетривиальное понимание гностицизма как контрреформации христианства, возврата к религии страха, боязни греха и нарушения закона» (СП-III. С. 225). На наш взгляд, здесь одно из проявлений традиционной хармсовской инверсии.

И если девы показывают свои голые тела — см. 16, 20, 26, 30, 50, 60, 63, 64, 80, 89, 91, 98, 168, 176, 207, 210, 234, 295, 323;

букв//из которых слагается рыба — криптограмма из греческих слов, означающих Иисус Христос Сын Божий Спаситель.

улыбка была твоей няней — см. 13, 31, 63, 134.

308. Впервые — СП-III. С. 117. Автограф — РНБ (перечеркнут).

309. Впервые — СП-III. С. 110. Автограф (по старой орфографии) — РНБ.

310. Впервые — СП-II. С. 158—163. Автограф с обширной правкой — РНБ.

По-видимому, Хармс задумал большое произведение, в котором, судя по Прологу, должны были рассматриваться основные онтологические проблемы.

и с молоком впервые он вкушает радость — см. 101, 156, 167; см. также это понятие в различных сочетаниях по всему комментируемому тексту;

или я пущу в тебя четыре пули — см. 15, 30, 45, 63, 86, 109, 168, 177, 180, 192, 210, 240, 281, 292.

311. Впервые — СП-III. С. 158. Автограф — РНБ (перечеркнут).

312. Автограф — РНБ.

А где твоя подруга — см. прим. к 4;

летают мухи — см. 29, 44, 45, 50, 55, 86, 89, 95, 108, 132, 142, 158, 183, 196, 212, 240, 265, 279, 294, 310, 315.

313. Впервые — СП-III. С. 159. Автограф — РНБ.

314. Впервые — ИЛ. 1990. № 2. С. 84. Автограф (зачеркнут) — РНБ.

315. Автограф (зачеркнут) — РНБ.

хватаю муху за крыло — см. 29, 44, 45, 50, 55, 86, 89, 95, 108, 132, 142, 158, 183, 196, 212, 240, 265, 279, 294, 310, 312.

316. Автограф с правкой — РНБ.

нам жизнь казалась колесом — см. 96, 150, 155, 188, 202;

Пятаков — см. в 43.

317. Впервые — СП-IV. С. 75. Автограф с правкой — РНБ.

Текст несомненно основан на новозаветном сюжете (возможно, о воскрешении Лазаря?).

318. Впервые — Топорков. С. 29. Автограф (зачеркнут) — РНБ.

Одна из «поэтических молитв» Хармса (см. Топорков. С. 29).

Царь вселенной,//Царь натуры — ср. с рассказом Фрэзера о магах, управлявших явлениями природы, которые древние наделяли титулом «царь природы» (Фрэзер I. С. 133—134 и далее).

319. Впервые — СП-III. С. 98—99. Автограф с обширной правкой — РНБ.

320. Впервые — РМ. С. XI—XII. Автограф с правкой — РНБ.

Когда оставленный судьбою — ср. 237 и 260.

321. Автограф (зачеркнут) — РНБ.

Когда участвуют зараз и плоть и дух — очевидно, может быть сопоставлено с «Жене» (76), где творческий процесс тоже идентифицируется с плотским наслаждением.

322. Автограф (зачеркнут) — РНБ. Под текстом помета Хармса: «Это очень плохо, так продолжать нельзя. Я I, а не пишу. Это развратная рассеянность. Воздержись, не истощай себя! Строго *воздержись.* Тебе мешают окна напротив. Это эксгибиционизм. Эксгибиционизм <последнее слово записано шифром. — *комм.*>. Это мания Большого Уда. Зачем так дамы скучны и не любопытны?» Тем самым, еще раз встречаемся с эротическим значением символа окна у Хармса (см. 135, 196, 202 и др.).

В лицо молоденькой еврейки — см. 60, 98, 100, 276.

323. Впервые — Т. № 21. Автограф — РНБ.

324. Впервые — СП-IV. С. 353. Автограф — РНБ.

325. Автограф — РНБ.

Блинов — встречается в прозаическом «Всестороннем исследовании» (см. т. 2 наст. собр.);

отшвырнул на сорок метров — см. 143, 183, 211;

Антонина — имя ещё трёх персонажей Хармса (см. т. 2 наст. собр.), созвучное имени Антон, ещё более популярного хармсовского героя (относим эту частоту за счет влияния Гоголя — см. 238 и т. 2 наст. собр., особенно Антоны Антоновичи).

326. Впервые — Топорков. С. 29. Автограф (перечеркнут) — РНБ.

Одна из «поэтических молитв» Хармса (Топорков. С. 29).

Ключом отопри вдохновения сундук — см. 18, 44, 53, 65, 192, 294, 300.

327. Впервые — СП-IV. С. 358. Автограф (перечеркнут) — РНБ.

328. Впервые — СП-IV. С. 108. Автограф (перечеркнут) — РНБ.

Содержание

Стихотворения

Переводы

Незавершенное и отвергнутое

Хармс Д. И.

Полное собрание сочинений. Том 1: Стихотворения, переводы/ Вступ. ст., сост., подг. текста и примечания В. Н. Сажина. — СПб.: Академический проект, 1997. — 440 с.

ISBN 5-7331-0032-X

Собрание сочинений Д. Хармса подготовлено на основе его архива в Российской Национальной библиотеке и Пушкинском Доме и является первым в России полным собранием его произведений, выполненным на серьезном текстологическом и научном уровне. Первый том включает все известные к настоящему времени поэтические тексты Хармса (кроме стихотворений для детей).

Даниил Иванович Хармс
Полное собрание сочинений. Том 1

Художник В. В. Бродский
Художественный редактор В. Г. Бахтин
Компьютерная верстка К. К. Быстров

Подписано в печать 09.12.96. Формат $84 \times 108\,^1/_{32}$. Печать высокая.
Тираж 5000 экз. Заказ № 241.

Гуманитарное агентство «Академический проект».
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
ЛР № 062679 от 07.06.93.

Отпечатано с диапозитивов
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

